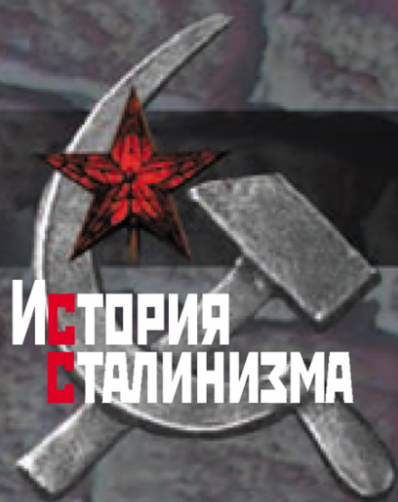

ВАЛЕРИЙ СОЛДАТЕНКО

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

В ГОРНИЛЕ РЕВОЛЮЦИЙ И ВОЙН

УКРАИНА В 1917-1920 гг.

История сталинизма

Валерий Солдатенко

**В горниле революций и войн:
Украина в 1917-1920 гг. историко-
историографические эссе**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

Солдатенко В. Ф.

В горниле революций и войн: Украина в 1917-1920 гг. историко-историографические эссе / В. Ф. Солдатенко — Автономная некоммерческая организация "Издательство "Политическая энциклопедия", 2018 — (История сталинизма)

ISBN 978-5-8243-2284-2

В монографии предпринята попытка современного анализа основных событий в Украине революционной эпохи (1917–1920) во взаимосвязи с обоснованием в исторической литературе последних лет концепций Великой российской и Украинской национально-демократической революций, а также с учетом других историографических подходов и трактовок, их оценок. Научно подтверждается органическая взаимосвязь определяющих аспектов социальной борьбы и национально-освободительных устремлений, трансформация революционного содержания массовых масштабных действий в факторы Гражданской войны, переплетение, логическое соотношение слагаемых общественных процессов, преобразований на общероссийском и региональном уровнях. Издание рассчитано на всех интересующихся отечественной историей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

© Солдатенко В. Ф., 2018

ISBN 978-5-8243-2284-2

© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2018

Содержание

Введение	8
I. Революционный набат 1917 г. и украинское эхо	18
1. Поддержка и развитие февральского почина	18
2. На переломном рубеже: октябрьский выбор перспективы	59
3. Противоречия антагонизируются	71
4. Конфликт в Украине как системная общественная реальность	86
II. От революций к гражданской войне	98
1. Несостоявшийся вариант мирного разрешения вопроса о власти	98
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Валерий Солдатенко

В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко- историографические эссе

**Еврейский
музей**
и центр толерантности

Издание осуществлено при финансовой поддержке Еврейского музея и Центра толерантности

© Солдатенко В. Ф., 2018

© Политическая энциклопедия, 2018

Солдатенко Валерий Фёдорович – родился 13 апреля 1946 г. в г. Селидово, Донецкой обл. (Украина).

Окончил исторический факультет Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

Член-корреспондент Национальной академии наук Украины, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины.

Лауреат премии НАН Украины им. Н. Костомарова и международной премии им. В. Винниченко.

Сфера научных интересов – история общественно-политического, революционного, национально-освободительного движений XX века.

Важное место в исследованиях уделяется выяснению различных аспектов исторической и национальной памяти, генеалогии украинской идеи, опыту государственного строительства, соборничества, международной и военной политики, разработке проблем историографии и методологии науки, современного украиноведения, политологии. Автор около 800 публикаций, 30 из которых – индивидуальные монографии.

- В их числе: «Украинская революция: концепция и историография» (в 2 т. К., 1997, 1999);
«Украинская революция. Исторический очерк» (К., 1999);
«Несломленный: жизнь и смерть Николая Скрыпника» (К., 2002);
«Георгий Пятаков: мгновения беспокойной судьбы» (К., 2003);
«Три Голгофы: политическая судьба Владимира Винниченко» (К., 2005);
«В поисках социальной и национальной гармонии. (Эскизы к истории украинского коммунизма)» (К., 2006);
«Винниченко и Петлюра: политические портреты революционной эпохи» (К., 2007);
«Украина в революционную эпоху: Исторические эссе-хроники» (в 4 т. Годы 1917–1920) (Харьков; Киев, 2008–2010);
«Проект “Украина”. Личности» (К., 2011);
«Революционная эпоха в Украине (1917–1920 гг.): логика постижения, исторические личности, ключевые эпизоды» (1-е и 2-е изд. К., 2011, 2012);
«Украина. Год 1917» (К., 2012);
«Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг.» (М., 2012);
«Демиурги революции. Очерк партийной истории Украины 1917–1920 гг.» (К., 2017);
«Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина» (М., 2017).

Введение

О современных историографических вызовах

Столетие революционных событий 1917 г. ознаменовалось естественным всплеском юбилейной идеологической активности, умножением научных исследований и публикаций.

На самом высоком государственном уровне в России и Украине принимались соответствующие решения, объявлявшие 2017 г. годом Российской и Украинской революций, осуществлялись массовые политические, научные, пропагандистско-просветительские мероприятия. Ученые самых различных отраслей знания, прежде всего, конечно, гуманитарного, расценили ситуацию как дополнительный импульс для сосредоточения внимания на новых попытках воссоздания очень непростой страницы исторического опыта, его современных истолкованиях и оценках с дистанции, объективно предполагающей больший, по сравнению с предыдущими годами и десятилетиями, ожиданиями и надеждами на глубину, реалистичность, аргументированность предпринятых усилий, то есть – приближающуюся к истине достоверность.

Вполне оправданно многие акции – научные ассамблеи, конференции, симпозиумы, «научные столы», чтения и т. п. выдвигали в качестве одной из основных задач подведение итогов изучения общественных феноменов, оказавших громадное воздействие на дальнейший ход истории.

Безусловно, ученым, историографам еще предстоит немалый труд в надлежащей профессиональной квалификации множества публикаций, буквально наводнивших книжные полки, интернет в 2017 г. Следует ожидать, что и в последующие три-пять лет к проблеме революций и Гражданской войны будут обращаться многие и многие исследователи, а круг книг, брошюр, статей, несомненно, существенно увеличится.

Вместе с тем, представляется возможным, в известном смысле даже необходимым, отреагировать на две тенденции, проявившие себя в последних публикациях российских и украинских историков достаточно рельефно, даже можно сказать – претенциозно. Исходя из прямо противоположных, полярных позиций, обе тенденции едины в одном – абсолютной несовместимости, по существу, в праве на существование точки зрения своих оппонентов – собратьев по историческому цеху.

В самом общем виде концепция Великой российской революции в сегодняшней интерпретации исключает в рамках 1917–1922 гг. возможность и реальную объективность национальной революции, в первую очередь – Украинской революции. Сторонники же концепции национально-демократической революции 1917–1921 гг. в Украине доводят трактовку ее сущности до такой степени самоценности и самодостаточности, что исчезает связь, взаимовлияние, взаимозависимость региональных процессов от событий в центре, главным образом – в столицах России; особенности борьбы за решение национального вопроса, возрождение нации и собственной государственности абсолютизируются настолько, что под сомнение ставятся социальные слагаемые (особенно после Октября 1917 г.) комплексного революционного потока в регионе, трансформирующиеся в трехкратные кампании российских агрессий, поддержанные изнутри «пятой колонной» русифицированного пролетариата, которому были чужды украинские интересы; отрицается факт Гражданской войны, а западные военные интервенции преподносятся как помощь силам Украинской революции.

Первая точка зрения наиболее полно и аргументированно воплощена в юбилейном двухтомнике «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура»¹, созданного сотруд-

¹ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. М., 2017.

никами Института российской истории Российской академии наук, достаточно обстоятельно представлялась на ряде международных научных конференций 2017 г., в частности: «Революция 1917 года и ее место в истории XX века» (Москва, 27–28 сентября); «Великая российская революция 1917. 100 лет изучения» (Москва, 9-11 октября 2017 г.).

Вторая точка зрения отражена в общем виде в двухтомнике «Очерки истории Украинской революции 1917–1921 годов»², подготовленном в Институте истории Украины Национальной академии наук Украины, и также популяризировалась на ряде научных собраний, приуроченных к столетию революционных событий, в частности, на Международной научной конференции «Революция, государственность, нация: Украина на пути самоутверждения (1917-1921 гг.)» (Киев, 1–2 июня 2017 г.); круглом столе «Государственная самостоятельность Украины: добытая и утраченная» (Киев, 23 января 2018 г.).

Хотя параллельно положения, оценки, выводы по исследованию революций публиковались в других монографиях, сборниках, научной периодике, вполне оправданным будет сосредоточиться прежде всего на двух упомянутых обобщающих академических двухтомниках, вобравших в себя новейшие подходы и достижения ученых обеих стран, конечно, учитывая, что речь в них идет о доминирующих в данный момент точках зрения, хотя существуют и другие подходы, исторические версии восприятия и объяснения изучаемых феноменов.

В российском труде автор обращения «К читателю» директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор Ю. А. Петров нашел нужным отметить, «что в случае с “национальным” ракурсом революции до сих пор остро стоит вопрос о том, являлись ли революционные события на Украине, в Закавказье, Прибалтике и т. д. частью общероссийской революции, или их следует рассматривать как особые “национальные” революции. Историки большинства постсоветских стран склонны их “национализировать”, отрывая от общеимперского контекста. Напротив, российские ученые изучают революционные события на всем пространстве бывшей империи как важнейший фактор складывания новой советской государственности»³.

В приведенной цитате в словосочетании «“национальные” революции» первое слово заключено в кавычки, согласно контексту, как проявление явного сомнения по отношению к явлению, считающемуся в Украине несомненной реальностью.

Гораздо большая степень несогласия с украинскими коллегами демонстрируется в специальном сюжете, автором которого является доктор исторических наук В. П. Булдаков. Уже само название структурного подразделения – «Украинский синдром»⁴ говорит само за себя. Здесь, как бы невзначай упомянув один раз о «будущей украинской революции»⁵ без применения кавычек, при переходе к анализу совершившихся событий автор неизменно пользуется означенным знаком орфографии⁶, как, впрочем, и в отношении других процессов. Небольшой по объему сюжет⁷ пестрит терминами «национализация», «украинизация», «сепаратизм», «буржуазные националисты», «революционный национализм», «национальный большевизм», «идейные» украинцы и т. п.

Автор достаточно упрощенно определяет причины активизации национально-освободительного фактора в Украине, связывая их, главным образом, с узко прагматичными интересами отдельных слоев населения: «В сущности, украинский “революционный национализм” оказался воспроизведением ситуации времен Богдана Хмельницкого: истоки конфликта таи-

² Нариси історії Української революції 1917–1926 років: У двох книгах. Кн. 1. К., 2011; Кн. 2. К., 2012.

³ Российская революция 1917 года... Т. 1. С. 10.

⁴ Там же. Т. 2. С. 253.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Там же. С. 253–264.

лись в стремлении формирующейся этноэлиты обрести бо льшую самостоятельность, используя в т. ч. и внешнюю конъюнктуру; низы стремились уничтожить препятствия для свободного хозяйствования прежде всего в лице ино-этнических элементов; разгул этнофобских страстей оказался связан с действиями вооруженных маргиналов. Уже один лишь тот факт, что украинское движение в 1917 г. наиболее активно проявило себя именно в армии, причем его опорными символами стали имена прежних гетманов, указывает на несомненное сходство “украинской революции” с событиями середины XVII в.»⁸.

При этом В. П. Булдаков явно стремится приуменьшить действительный размах украинского движения, степень организованности его руководящих сил, важность, серьезность сформулированных целей, выдвинутых в качестве требований Временному правительству: «Ситуация стала обостряться вовсе не образованием Украинской Центральной рады, составленной по привычному для того времени “революционно-соборному” принципу (входили культурно-просветительские, самоуправленческие, профессионально-корпоративные, национальные, политические организации), а с возобладанием в ее руководстве украинских социал-демократов и пополнением ее состава представителями крестьян и особенно солдат. Центральная рада рассчитывала всего лишь на признание Временным правительством права украинского народа на широкую национально-территориальную автономию в рамках федеративной Российской республики, гарантируя при этом соблюдение прав этнических меньшинств»⁹.

Одновременно московский историк явно пытается смягчить эффект великодержавнического курса Временного правительства в отношении справедливого стремления украинства к равноправию: «Несколько неловких шагов центральной власти, воспринятых в штыки в Киеве, скоро накалили обстановку»¹⁰. И далее: «Считалось, что в 1917 г. источником этнических конфликтов на Украине была великодержавная политика Временного правительства. На деле развернулось взаимопровоцирование политиков: одни подозревались в “колонизаторстве”, другие – в сепаратизме. В движении украинских низов, впрочем, можно выделить три рациональных момента: стремление украинских солдат избавиться от “русской” армейской дисциплины в армии (подсознательно напоминавшей им о крепостничестве), уничтожить в тылу помещичье (польское и русское, как считалось) землевладение и сделать “своими” города (где преобладало русское и еврейское население)»¹¹.

Отталкиваясь от критических выпадов в сторону советской историографии, отождествлявших лидеров украинских социалистических партий (украинские социал-демократы, эсеры, социалисты-федералисты и др.), организовавших Центральную Раду, с «буржуазными националистами», В. П. Булдаков сущность процессов, наполнивших общественную жизнь в Украине в 1917 г., передает в двух абзацах, которые целесообразно воспроизвести целиком. «“Социалистических националистов” в театре советской историографии длительное время держали на амплуа “буржуазных националистов”, которым полагалось выходить на историческую сцену из двери с надписью “сепаратизм”. В принципе проблема этнонационального лидерства в условиях российской смуты – вопрос не столько истории революционной режиссуры, сколько предмет психопатологии того времени, выдвигавшей людей диссипативного склада. Весьма не схожие между собой выпускник духовной семинарии журналист С. В. Петлюра и некогда вполне русский и даже скандальный писатель и драматург К. К. Винниченко определенно подходят под этот типаж. С Временным правительством людям такого склада договориться ко взаимному удовлетворению было сложно. Эти два ведущих социал-демократа не случайно обнаружили со временем и взаимную неуживчивость. Впрочем, нечто подобное можно сказать и о

⁸ Российская революция 1917 года... Т. 1. С. 254.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 255.

¹¹ Там же. С. 256.

других революционных лидерах, причем вовсе не обязательно украинских или “национальных”. Во время революции “заносит” и вполне рассудительных людей. Так или иначе, судьбы народов оказались сплетены с личностями, не отличающимися психической уравновешенностью. Более того, эти личности – даже вопреки собственному желанию – многократно усиливали импульсы деструктивности, исходящие от масс.

Тем не менее, именно “украинизация” армии, на которую Временное правительство вынуждено было согласиться, сыграла громадную роль в радикализации украинского движения»¹².

Приведя ряд фактов из истории украинизации армии, которые, по мнению автора, играли лишь «деструктивную роль»¹³, анализ происходившего в Украине в 1917 г., собственно, и завершается.

В соответствии с осуществленной реконструкцией украинского опыта сделан и лапидарный вывод в «Послесловии» к фундаментальному труду. Ю. А. Петров связал «резкую активизацию» «национальных и конфессиональных движений» с расширением «программных требований национальных элит, начавших активно выступать за политическую самостоятельность окраин. В значительной степени тон в национально-сепаратистском движении задавала Украинская Центральная рада. По сути, революция 1917 г. стала мощным фактором распада единого Российского государства»¹⁴.

Отмеченные положения в концентрированном виде нашли отражение и в других юбилейных изданиях, историографических и теоретико-психологических экскурсах¹⁵.

Вот, собственно, и все, что говорится относительно развития революционного процесса в самом крупном национальном регионе тогдашней России.

Дело, конечно, совсем не в количестве страниц, отведенных выявлению природы изучаемого объекта, объяснению его сущности, оценкам динамики и результатов процесса, а в выкристаллизовавшейся фабуле изложенного. Она же, вообще-то, незатейлива: серьезных причин для национальной революции в Украине не существовало. Руководители украинства – преимущественно психически неуравновешенные люди, стимулировавшие деструктивные порывы масс, способствовали развалу страны, потому общая оценка содеянного, случившегося на этом направлении может быть только отрицательной. Встречаются и весьма солидные издания, авторы которых вообще обходят национальный фактор в свершившихся в революционный год событиях¹⁶.

Конечно, речь не вообще о существовании концепции Великой российской революции во всех ее параметрах и слагаемых, а о производной от нее позиции относительно научной интерпретации событий в Украине в 1917–1920 гг.

Подходы украинских историков предельно четко, лапидарно сформулировал директор Института истории Украины Национальной академии наук Украины, академик В. А. Смолий. Он утверждает, что в годы независимости, то есть с 1991 г., «получил убедительное обоснование феномен Украинской революции как исторического явления, которое, развившись в недрах Февральской революции, приобрело самостоятельные черты, реализовало собственную

¹² Там же.

¹³ Российская революция 1917 года... Т. 1. С. 261.

¹⁴ Там же. С. 566.

¹⁵ Петров Ю. А. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура // Революция 1917 года в России. Аннотированный каталог научной литературы, изданной при финансовой поддержке РФФИ. М., 2017. С. 15; *Он же*. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16; Россия в 1917 году: Энциклопедия. М., 2017. С. 9; Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: Материалы Международной научной конференции (Москва, 9-11 октября 2017 г.). М., 2017; Тихонов В. В. Революция 1917 г. в коммомеративных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112; Булдаков В. Бич сатиры и революция. Вместо предисловия // Бич 1917. События года в сатире современников. М., 2017. С. 11–22; и др.

¹⁶ См., напр.: Волков В. В. Причины русской революции 1917 года. СПб., 2018.

политическую программу и после Октябрьского переворота превратилось в антипода российской революции, которая согласно экспрессивному, но точному выражению Михаила Грушевского «потянула нас через кровь, через руину, через огонь»¹⁷.

Принципиальное отличие обозначенного подхода от теоретических изысканий и выводов российских историков обнаруживается сразу и достаточно выпукло. Украинская революция генетически связывается лишь с Февральской революцией (то есть лишь с начальным этапом Российской революции) и превращается в антипода Российской революции после Октябрьского переворота (то есть, по меньшей мере, не вписывается в контекст Российской революции, входит в противоречие с ней). Основная и самая крупная новация, содержащаяся в московском издании, заключается в том, что «в последние годы господствующей историографической тенденцией стала трактовка событий 1917–1921 гг. как единой Великой российской революции, прошедшей в своем развитии несколько этапов, включая Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну. При этом особенно внимательно исследуется роль Первой мировой войны в нарастании революционной ситуации.

Важным достижением стало утверждение в научной среде представления о революции как о сложном и многофакторном процессе, а не одномоментном событии. Гражданская война ныне рассматривается как прямое следствие и продолжение 1917 г., как особый этап революции»¹⁸.

Сравнивая изложенное с положениями предисловия к украинскому двухтомнику, в котором обозначены исходные позиции его авторов, приходится констатировать, что основной упор здесь делается на декларировании отличий революционных процессов в Украине от общероссийской поступи. «История Украинской революции имеет все признаки научной концепции, – утверждает в книге. И аргументируется: а) руководящую идею – возрождение и консолидацию украинской нации для созидания собственного государства;

б) историческое время – эпоху 1917–1921 гг.;

в) руководящего двигателя социального и национального прогресса – украинский этнос и его политическую элиту;

г) систему аргументации, опирающейся на основательное историографическое наследие и могучую источниковую базу (архивный, археографический, мемуарный и другие сегменты)»¹⁹.

Оставляя за пределами анализа и оценки специфическое понимание сущности научной концепции как таковой, системы ее элементов, надо отметить, что главный результат вышеприведенных сентенций авторы считают достигнутым: тут все было свое, отличное от общероссийского, а еще точнее – от российского – и точка. Особое ударение делается при определении характера «отношений Украинской революции с Октябрьской российской революцией»: «Они развивались самостоятельно и параллельно, хотя и имели мощные взаимовлияния. На государственно-институциональном уровне это было военно-политическое противоборство, как правило, инспирированное большевистскими агрессиями. Поражения украинцев оборачивались установлением на ихних землях советских режимов, слегка закамуфлированных в автохтонно-этнические одежды. Недооценка руководителями Украинской революции социально-освободительного компонента нередко рождала проявления склонности украинского крестьянства к популярным лозунгам большевиков»²⁰.

¹⁷ Виступ академіка В. А. Смоля на міжнародній науковій конференції «Революція, державність, нація: Україна на шляху самоствердження (1917–1921 рр.)» (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 1 червня 2017 р.) // Український історичний журнал. 2007. № 3. С. 5.

¹⁸ Российская революция 1917 года... Т. 1. С. 8.

¹⁹ Нариси історії Української революції 1917–1921 років. Кн. 1. С. 7.

²⁰ Там же. С. 10.

Хронологически несколько опередив своих московских коллег, киевские историки по своему решили и приобретший ныне большую остроту и актуальность вопрос о Гражданской войне. «В советской, современной российской, а частично зарубежной литературе понятия “революция” и “гражданская война” рассматриваются в тесной взаимосвязи, – констатируется в украинском издании. – Очевидно, – говорится далее, – относительно российского исторического фона такой подход имеет основания. Новейшая отечественная (то есть – украинская. – В. С.) историография фактически отказалась от использования термина “гражданская война” в контексте событий Украинской революции. Мотивируется это тем, что в Украине не было масштабных внутренних войн на идеологической почве. УНР приходилось вести оборонные или наступательные военные действия на своей территории против вооруженной экспансии армий с преимущественно инонациональным контингентом. Участие на их стороне этнических украинских элементов не дает оснований для квалификации этих войн как гражданских. Только определенные их проявления можно наблюдать в крестьянских вооруженных выступлениях против гетманского режима.

Однако и тут им противостояли, кроме внутренних факторов, чужеземные оккупационные силы. Учитывая массовость и противоречивость махновского движения, можно говорить о крестьянской противовластной войне»²¹.

Изложенная позиция неизменно присутствует в печатных и устных выступлениях (на конференциях, в лекциях) заведующего отделом Украинской революции 1917–1921 гг. Института истории Украины НАНУ В. Ф. Верстюка²².

Естественно, сформулированные исходные цели, те способы их достижения, которых придерживаются авторы и российского и украинского двухтомников, реализуются затем в весьма обширных материалах. Если в позициях первого издания улавливаются отзвуки имперскости, прорываются чувства сожаления по поводу разрушения крепкого, централизованного государства, содержатся порицания по поводу зачинщиков этого процесса, то в ретроспективном варианте второго проекта проглядывают рецидивы хуторянства, так остро критиковавшегося в свое время В. К. Винниченко, но, судя по всему, не изжитого окончательно и поныне. Следует сказать, что и первый, и второй подходы не представляются идеальными, вызывают немалые сомнения, детерминируя потребность приобщения к поискам более конструктивных теоретико-методологических приемов, обоснования собственного видения исследуемого объекта.

Можно было, конечно, осуществить критический анализ как установочных моментов, мотивировок (они выше частично упомянуты, приведены), так и непосредственно исторических реконструкций картин, событий, процессов, посюжетно сопоставляя получаемые результаты, выйти на определенный уровень оценок.

Получилось бы некое подобие специального противопоставления рецензий, откликов на два издания, искусственного сопряжения объективно возникшей дискуссии между ними. Несомненно, определенный историографический эффект это имело бы. Однако, кроме отмеченных двух изданий, есть немалое число публикаций, авторы которых обращаются к сюжетам, связанным с развитием событий 1917–1920 гг. как в стране в целом, так и в национальных регионах в частности, и попытавшихся представить свои оригинальные взгляды на затронутые

²¹ Там же.

²² См., напр., новейшие выступления: *Верстюк В. Ф.* Від «Великої Октябрьської соціалістическої революції і громадянської війни на Україні (1917–1920)» до «Нарисів історії Української революції» й далі: трансформації дослідницької парадигми // Український історичний журнал. 2017. № 3. С. 20; Міжнародна наукова конференція «Революція, державність, нація: Україна на шляху самоствердження (1917–1921 рр.)» // Там же. С. 211; *Он же.* Революція 1917–1921 рр. у різних форматах (гортаючи числа «Українського історичного журналу») // Там же. № 6. С. 105–122; *Он же.* Центральна Рада – активний чинник національно-демократичного дискурсу революції. // Круглий стол к 100-літтю Української революції. Епоха Центральної Ради (март 1917 – апрель 1918 гг.). Взгляд из современности. 22 ноября 2017 года. Програма.

проблемы в обобщающем, концептуальном ключе²³. Различные подходы характеризуют и специальные сюжеты в изданиях, охватывающих хронологически более широкие исторические периоды²⁴.

В таких обстоятельствах представляется возможным и целесообразным реализовать несколько иной замысел и способ рефлексии на создавшуюся историографическую ситуацию. Предпочтительным, конструктивным и рациональным может стать вариант, когда рассуждения и споры ведутся не на абстрактно-теоретическом уровне, а посредством предметного воссоздания картины развития исторических событий в Украине в 1917–1920 гг., лишь по ходу обращаясь к историографическим оценкам, «вкрапывая» их в повествовательную канву для дополнительной аргументации оценок, выводов, обобщений. В таком случае можно рассчитывать: реакция на схлестнувшиеся полярные подходы будет сравнительно более полновесной, доказательной, выигрышной. Сам исторический материал лучше, нежели умозрительные рассуждения, способны дать ответы на такие, к примеру, вопросы:

- каким критериям соответствуют объективно воссоздаваемые данные о размахе, динамике, результатах массового освободительного движения и, в таком случае, соответствует ли феномен критериям революции, или же остается вздорной выдумкой, досужим вымыслом идеологов, ученых, политиков;

- в актив какой из двух революций – Российской или Украинской – опять-таки в реальной жизни – зачислять масштабы влияния леворадикальных сил, довольно успешно соперничавших с другими революционными потоками и в конце концов вышедших победителями;

- чем на самом деле, если не гражданской войной, были затяжные сражения, масштабные операции многотысячных армий, состоявших преимущественно из жителей региона, граждан Украины, разделенных не хлипкими баррикадами, а настоящими фронтами, многокилометровыми окопами, тяжелыми (для того времени) вооружениями...

Перечисление подобных вопросов, естественно, можно продолжить. Точнее – их множество. И автор считает, что имеет определенное моральное право взять на себя смелость попытаться ответить хотя бы на часть из них, особенно на те, которые представляются наиболее важными, определяющими, запутанными и сложными. В активе тут – десятилетия исследовательской работы преимущественно над разработкой проблем революционной эпохи в Украине.

Начав с обстоятельного изучения материалов партийной периодики переломных годов, автор вскоре включился в подготовку фундаментальных трудов по истории революционных событий в Украине в научном коллективе, занимавшем ведущие позиции в изучении проблем истории Коммунистической партии Украины, – Институте истории партии при ЦК Компартии Украины (филиале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Являлся непосредственным участником создания наиболее значимых обобщающих работ, по существу подытоживших изучение событий революционной поры в Украине в исторических исследованиях советского времени²⁵.

²³ См., напр.: *Шубин А. В.* Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013; *Он же.* Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014; *Он же.* Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб., 2017; *Костриков С. П., Кострикова Е. Г.* Локомотивы истории. Революционный 1917. М., 2017; От Великого Октября к советскому социализму. Взгляд 100 лет спустя. М., 2017; Революция 1917 года глазами ее руководителей. М., 2017; *Гегфтер М.* 1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. В разговоре с Глебом Павловским. М., 2017; *Идзинский В.* Движущие силы и сущность Великой российской революции. М., 2017; *Лысков Д. Ю.* Политическая история Русской революции. М., 2017; *Разумовский Ф.* 1917. Переворот? Революция? Смута? Голгофа! М., 2017; и мн. др.

²⁴ См., напр.: *Рубан А. А., Савинская М. П.* Лекция 1. Украинская революция (1917 – начало 1918 года); Лекция 2. Украина в годы гражданской войны (1918–1920 годы) // *Рубан А. А., Савинская М. П.* История Украины XX – начала XXI века. Гомель, 2014. С. 7–50; *Сорокин А. К.* К вопросу о формировании украинской государственности в 1917–1920 гг. // Проблемы истории Новороссии. М., 2015. С. 143–155; *Шубин А. В.* Украина в XX веке... Революция и немецкая оккупация (1917–1918) ... Гражданская война и интервенция на Украине в 1919–1921 гг. // История Украины. СПб., 2015. С. 260–328.

²⁵ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Февраль 1917 г. –

Надо заметить, что, согласно сложившейся практике того времени, в публикациях Института истории Академии наук Украинской ССР аккуратно следовали за подходами, содержащимися в упомянутых работах, сверяли с ними выводы и оценки, в чем достаточно легко убедиться²⁶.

В условиях независимой Украины, когда в исследованиях начал утверждаться националистический принцип, своеобразной данью моде стали диссертационные работы по истории Украинской революции (в очень многих из них положения и выводы бесцеремонно заимствовались из диаспорной литературы – вплоть до текстуальных), автор одним из первых подготовил монографические работы, положив в основу непосредственное изучение публикаций активных участников событий 1917–1920 гг., многие из которых создали и первые труды по истории Украинской революции, не потерявшие с течением времени своего историографического значения²⁷. Практически первым параллельно создал и обобщающий исторический очерк, намного опередив появление публикаций подобного формата²⁸.

Не прекращая изучения документов истории большевистской партии, написал предисловия к протоколам Второго и Третьего съездов КП(б)У, стенограмме Четвертой конференции КП(б)У²⁹. Конечно, в новейшей украинской историографии эти блоки документов выводились за пределы исследовательского поля, именуемого Украинской революцией.

Удалось также закончить и издать начатые еще в конце 80-х годов биографические очерки двух ключевых фигур создания Компартии (большевиков) Украины – Г. Л. Пятакова и Н. А. Скрыпника³⁰, весьма существенно повлиявших на развитие событий в Украине в годы революции и Гражданской войны.

Естественно, уделял внимание изучению вклада в революционный процесс лидеров Украинской революции, подготовив, в числе других, монографические исследования о В. К. Винниченко и С. В. Петлюре³¹.

Стремясь к исследованию событий в Украине в комплексе, а не на выборочном срезе, публично возражал против наименования в научной и учебной литературе периода 1917–1920 гг. «эпохой Украинской революции», доказывая, что историческая равнодействующая являлась результатом переплетения, взаимодействия, взаимодополнения всех революций, происходивших в то время и отразившихся на судьбе Украины, ее народа: Февральской, Октябрь-

февраль 1918 г. Хроника важнейших историкопартийных и революционных событий: в двух частях. Часть Первая: Большевики во главе трудящихся Украины в период борьбы за победу Великого Октября. Февраль – октябрь 1917 г. К., 1977; Часть вторая: Большевики во главе трудящихся в период борьбы за установление Советской власти на Украине. Октябрь 1917 г. – февраль 1918 г. К., 1982; *Варгатюк П. Л., Курас И. Ф., Солдатенко В. Ф.* В. И. Ленин и большевистские организации Украины в Октябрьской революции. К., 1980; *Варгатюк П. Л., Солдатенко В. Ф., Шморгун П. М.* В огне трех революций. Из истории борьбы большевиков Украины за осуществление ленинской стратегии и тактики в трех российских революциях. К., 1986; Великий Жовтень і громадянська війна на Україні. Енциклопедичний довідник. К., 1987; Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, 5-12 июля 1918 г. Протоколы. К., 1988; Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность (февраль 1917 – июль 1918): Сб. документов и материалов. К., 1990; Комуністична партія України: з'їзди і конференції. К., 1991; и др.

²⁶ См., напр.: *Історія Української РСР: У восьми томах, десяти книгах.* Т. 5. Велика Жовтнева соціалістична революція і громадянська війна на Україні (1917–1920). К., 1977; *История Украинской ССР: в десяти томах.* Т. 6: Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война на Украине (1917–1920). К., 1984.

²⁷ *Солдатенко В. Ф.* Українська революція: концепція та історіографія. К., 1997; *Он же.* Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.). К., 1999.

²⁸ *Солдатенко В. Ф.* Українська революція. Історичний нарис. К., 1999.

²⁹ Второй съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, 17–22 октября 1918 г.: Протоколы. К., 1991 Третій з'їзд Комуністичної партії України. 1–6 березня 1919 р.: Протоколи. К., 2002; Четверта конференція Комуністичної партії (більшовиків) України 17–23 березня 1920 р. Стенограма. К., 2003.

³⁰ *Солдатенко В. Ф.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. К., 2002; *Он же.* Георгій Пятаков: миттєвості неспокоїної долі. К., 2004; *Он же.* Георгій Пятаков: оппонент Леніна, суперник Сталіна. М., 2017.

³¹ *Солдатенко В. Ф.* Володимир Винниченко: на перехресті соціальних і національних прагнень. К., 2005; *Он же.* Три Голгофи. Політична доля Володимира Винниченка. К., 2005; *Его же.* Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. К., 2007.

ской, Украинской, ноябрьской (1918) в Германии, распада Австро-Венгрии (осень 1918), Венгерской (весна 1919). Реализации этой идеи в частности был посвящен целый цикл публикаций³², а авторские выводы, оценки, трактовки отражены в ряде обобщающих работ³³.

Осознанием разнообразия олицетворения революционных процессов в Украине явились издания, в которых, в частности, ставилась задача осмысления роли в тогдашних событиях В. И. Ленина, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого, С. В. Петлюры, других деятелей³⁴. Концентрированным воплощением позиции автора в данном вопросе явился специальный тематический сборник³⁵, в который включены 37 очерков о деятелях революционного времени в Украине. Принципом отбора послужило официальное и фактическое руководящее положение в тогдашних ведущих партийных и национально-государственных образованиях на всей территории региона. Естественно, еще более широкий личностный спектр представлен в многочисленных статьях в журналах, научных сборниках, энциклопедических изданиях («Енциклопедія історії України», «Юридична енциклопедія», «Політична енциклопедія», «Українська дипломатична енциклопедія», «Енциклопедія сучасної України», «Велика українська енциклопедія» и др.).

Особое направление научных интересов, не получившее пока достаточно обстоятельной разработки, – история украинского коммунизма, субъектам которой – политическим течениям и партиям суждено было сыграть весьма существенную роль в судьбе революции, Гражданской войны. Недостаточная степень освоения данного очень важного пласта тогдашнего опыта нашла отражение в названиях немногочисленных изданий³⁶.

Расчетом на постижение глубинной сущности общественных процессов в Украине революционной поры было продиктовано объемное исследование опыта деятельности всех политических партий, а таких, согласно документам, существовало 69, включая местные организации всех общероссийских партийных образований³⁷.

Наконец, в изучении истории 1917–1920 гг. в Украине особое место отведено событиям Гражданской войны, чему посвящено специальное издание³⁸.

Принципиальное отличие вектора эволюции взглядов автора заключалось не в смене ориентаций, как это демонстрировало подавляющее большинство историков, бросившихся оперативно перелицовывать вчерашние представления, заменять плюсы на минусы, и наоборот, а в естественном расширении объекта изучения при органическом синтезировании прошлых и вновь приобретаемых знаний.

Таким образом, научная судьба В. Ф. Солдатенко сложилась так, что ему удалось накопить и публично апробировать немалый опыт всестороннего, подробного исследования истории революционной эпохи в Украине, а одним из стержневых подходов являлось стремление

³² Верстюк В. Ф., Солдатенко В. Ф. Революції в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920) // Політична історія України. XX століття: У 6 т. Т. 2. К., 2002/2003; Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки: У 4-х т. Т. I. Рік 1917. Харків, 2008; Т. II. Рік 1918. К., 2009; Т. III. Рік 1919. К., 2010; Т. IV. Рік 1920. К., 2010; Солдатенко В. Ф., Любовець О. М. Революційні альтернативи 1917 року й Україна. К., 2010; Солдатенко В. Ф. Революційна доба в Україні (1917–1920 роки): логіка пізнання, історичні постаті, ключові епізоди. К., 2011 (2-е вид., доповнене і перероблене. К., 2012).

³³ Революційні процеси в Україні після повалення самодержавства // Україна: політична історія. XX – початок XXI ст. К., 2007. С. 225–264; Украина в 1917/1920 гг. // Очерки истории Украины. К., 2010. С. 312–347 (Издание второе, исправленное и дополненное. К., 2011. С. 312–347).

³⁴ См.: Солдатенко В. Ф. До конфлікту Раднаркому Росії з Центральною Радою (особистісний зріз) // Події і особистості революційної доби. К., 2003. С. 75–104; Солдатенко В., Шубин А. Владимир Ленин. Благотель или недруг Украины; Симон Петлюра. Отец-основатель или неудачник; Иосиф Сталин. Отец всех народов или свирепый отчим украинцев // Русско-украинский исторический разговорник. Опыты общей истории. М., 2017. С. 103–160.

³⁵ Солдатенко В. Ф. Проект «Україна». 1917–1920 рр. Постаті. Харків, 2011.

³⁶ Солдатенко В. Ф. У пошуках соціальної й національної гармонії (ескізи до історії українського комунізму). К., 2006; Он же. Василь Шахрай і його творчість в історіографічному дискурсі // Гілея. Науковий вісник. Збірник наукових праць. К., 2016. Вип. 107 (№ 4). С. 11–23; 109 (№ 6). С. 7–9; 110 (№ 7). С. 7–9.

³⁷ Солдатенко В. Ф. Деміурги революції. Нарис партійної історії України 1917/1920 рр. К., 2017.

³⁸ Солдатенко В. Ф. Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. М., 2012.

воссоздавать ее в целостности, системности, всеохватности. Одним из реальных результатов явились отличия (в отдельных случаях весьма существенные) в восприятии, и, естественно, в трактовках, интерпретациях многих элементов тогдашних общественных процессов, что далеко не всегда встречается с пониманием, разделяется другими историками, получает поддержку.

Так, в свое время он был приглашен в состав авторского коллектива для подготовки упомянутого выше обобщающего, для известного момента итогового труда – «Нарисів історії Української революції 1917–1921 років» с предложением написать разделы, касающиеся историографического освоения опыта Украинской революции и украинского вопроса в первые десятилетия XX в. До этого В. Ф. Солдатенко были осуществлены десятки публикаций – историографических сюжетов как в вышеуказанных изданиях, так и в специальных, а также обнародованы результаты изучения непростых страниц истории Украины начала века³⁹.

Сохранив в издании раздел «Україна в контексті світових тенденцій зламу століть» (в соавторстве с В. И. Головченко)⁴⁰, руководители проекта отказались опубликовать подготовленный историографический сюжет, не предупредив автора (хотя он был официально и членом редколлегии двухтомника), поставив его перед свершившимся фактом после выхода книги в свет. Объяснения о причинах такого поступка, сводившиеся к тому, что превышался запланированный объем, вряд ли стоит признавать серьезными, поскольку в первой книге помещена немалая по объему «Избранная библиография»⁴¹, хотя планом-проспектом она не предусматривалась, а во второй книге подобный структурный элемент и вовсе почему-то отсутствует.

Конечно, не стоит доказывать, что библиографическим списком литературы нельзя заменить историографическое исследование. Дело, очевидно, в неприятии подходов, положений, оценок подготовленного материала, продиктованных, скорее всего, не столько научными соображениями, сколько конъюнктурой и расхождениями с содержанием других разделов монографии.

Опубликовав историографический материал в другом издании⁴², автор считает себя не связанным в таком случае с трактовками, концептуальными моментами двухтомника, позволяющим публично выражать свое критическое отношение к ним.

Конечно, в упомянутых выше публикациях учитываются содержащиеся в исторических и историографических работах коллег-ученых достижения и с российской, и с украинской стороны, что является в принципе не только исследовательской, но и моральной нормой.

Вышеизложенное, как представляется, позволяет вынести на читательский суд мысли, соображения, которые в совокупности с конкретным историческим материалом и учетом историографических работ, достижений составляют попытку самостоятельного взгляда на вопросы, оказавшиеся «яблоком раздора» в современной историографии.

Отдавая себе полный отчет в том, что предлагаемая книга может быть воспринята как дискуссионный материал, автор будет только благодарен за замечания и соображения, искренне будучи убежденным в том, что научный эффект в данном случае будет достигнут. Творческие обсуждения, интеллектуальные споры, а не навязывание взглядов – единственный путь, который ведет к истине.

³⁹ Солдатенко В. Ф. Україна в роки першої світової війни // Історія України. Навчальний посібник. К., 1997. С. 177–183; Історія України. Навчальний посібник. Видання 3-є, доповнене й перероблене. К., 2002. С. 197–209; Головченко В. І., Солдатенко В. Ф. Українське питання в роки Першої світової війни. К., 2009; Головченко В. І., Матвієнко В., Солдатенко В. Ф. Дипломатична історія України (кінець XIX – перша чверть XX століття). Навчальний посібник. К., 2011.

⁴⁰ Нариси історії України 1917–1921 років... Кн. 1. С. 13–86.

⁴¹ Там же. С. 372–387.

⁴² Солдатенко В. Ф. Освоєння досвіду революційної доби: новітній історіографічний дискурс // Солдатенко В. Ф. У вирі революцій і громадянської війни (актуальні аспекти вивчення 1917–1920 рр. в Україні). К., 2012. С. 39–183.

I. Революционный набат 1917 г. и украинское эхо

1. Поддержка и развитие февральского почина

В разгар Первой мировой войны, затеянной ради передела уже поделенного мира, в России – самом слабом звене капиталистической системы – в течение нескольких дней было сметено самодержавие, грянула Февральская буржуазно-демократическая революция. Она не была случайностью.

С одной стороны, острейший кризис, пронизавший все стороны жизни общества, достиг крайней черты; с другой – в объективно выдвинувшейся в авангард мирового революционного процесса России в единое могучее русло слились различные потоки борьбы – трудового народа против нарастающей нищеты, насилия и несправедливости, в том числе – пролетариата против усиливающейся эксплуатации, крестьян – за землю, антиимпериалистических сил – за прекращение войны, всеобщий мир, угнетенных народов – за свободу, всех прогрессивных слоев общества – против пережитков феодализма, самого отвратительного уродливого из них – самодержавия, являвшегося оплотом социального и национального порабощения, мрачной, мертвящей цитаделью антидемократизма, непримиримым врагом общественного прогресса. Неуклонно нарастали негативные явления, тревожные тенденции в международном положении страны: и не только из-за поражений на фронтах, но и из-за коварного поведения союзников по антантской коалиции.

Сплетаясь в тугий узел, объективные и субъективные факторы предопределили генеральный вектор неумолимой исторической поступи – свержение царизма, решительно и бесповоротно отправленного в небытие в считанные бурные февральские дни 1917 г.

Февральская революция стала переломным этапом в истории России, населявших ее народов. Уничтожение самодержавия коренным образом изменило обстановку, явилось громадным шагом вперед в политическом развитии страны, всех ее регионов. В течение нескольких дней полукрепостническая, полусредневековая Россия превратилась в буржуазно-демократическую республику – более свободную, нежели любая другая страна в мире. Открылись благоприятные условия для перспективы торжества подлинного народовластия. Классы и выражающие их интересы политические партии получили возможность открытой, свободной борьбы за влияние на общественное развитие, на судьбы народа.

Вызвав могучий политический подъем, революция привела к принципиально новой расстановке классовых сил. Буржуазия и ее главная партия – кадеты возглавили официальную власть – Временное правительство. Их поддержали соглашатели из лагеря меньшевиков и эсеров. Правительство стало выразителем и поборником интересов имущих слоев населения – заводчиков, фабрикантов, банкиров, земельных латифундистов, управленческой бюрократии. Свою главную задачу оно видело в усмирении стихийного революционного движения и доведении общества до Учредительного собрания, которому планировало передать полноту власти и судьбу страны, с облегчением избавившись от тяжелого груза ответственности, внезапно свалившегося на головы во многом случайных, лишенных способности стратегического, перспективного мышления политиков. Безвольное и трусливое, правительство с первых своих шагов вынуждено было считаться с авторитетом и влиянием Советов рабочих и солдатских депутатов, возникших в дни решающих революционных битв и весьма дерзко заявивших права на определение и осуществление дальнейшего государственного курса.

По существу привычный для предыдущих времен стержень власти оказался сильно деформированным, с прозрачной перспективой усиления в общественной жизни роли Советов, что, между тем, тормозилось засилием в их рядах соглашательских элементов. Тем не

менее, непростая ситуация в комплексе открывала немыслимые ранее возможности для масштабной демократизации всех сфер общественной жизни в стране. Для Украины этот процесс сразу же приобрел два измерения: социальное и национальное.

Производительные силы Украины с необычайно высокой концентрацией капитала и наемной рабочей силы (естественно – в российских масштабах) превращали ее в мощный фактор объективного стремления к более высокой ступени социальной организации. И путь к ней был предначертан марксистской теорией – пролетарская революция. А наиболее убедительным олицетворением этой тенденции являлся рост большевистских рядов.

Если после выхода из подполья организации РСДРП(б) в Украине насчитывали всего 2 тыс. членов из общего числа в 24 тыс. (12-ю часть), то к моменту Октябрьской революции они выросли почти до 60 тыс. (то есть в 30 раз), а вся ленинская партия имела в своих рядах тогда 350 тыс. человек⁴³. Иными словами, насыщенность большевистским элементом (почти пятая часть всего численного состава РСДРП(б)) была наивысшей, сравнительно с любым иным регионом. Одно из решающих преимуществ большевиков заключалось не в их численности (хотя тут они весьма успешно соперничали с самой крупной национальной партией – украинских эсеров), но гораздо в большей степени в том, что с самого начала революции они расчетливо, совершенно определенно сделали ставку на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые родились еще в горниле первой российской революции, а в 1917 г. покрыли густой сетью всю страну. Явившись творчеством самих масс, они удивительно сочетали в себе глубоко демократическое начало с зародышевыми функциями общественного управления и очевидной перспективой вызревания потенциала исполнительной власти.

Разворачивая свою деятельность параллельно с органами Временного правительства (назначенными им комиссарами и объединенными комитетами общественных организаций), Советы быстро стали политическим фактором, без учета которого было невозможно осуществление власти, считавшей себя официальной.

В Украине уже до середины лета функционировало более 25 °Советов рабочих депутатов, сотни Советов солдатских (военных) депутатов и многочисленные Советы крестьянских (батрацких) депутатов⁴⁴. Шел ускоряющийся процесс объединения этих организаций, превращая их в территориальные институты. Завоеывая все более прочные позиции в регионе, большевики оказывали всевозрастающее влияние и на Советы, которые постепенно, но неуклонно становились проводниками их политического курса. Так было, в частности, в Горловско-Щербиновском, Берестово-Богодуховском, Краматорском, Луганском и других угольных, промышленных районах Донбасса. На этот примечательный момент, как образец для подражания, обратил внимание Ленин, выступая на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Он сослался на речь председателя Нелеповского Совета рабочих депутатов, руководителя местной большевистской организации РСДРП(б) Н. Дубового на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 5 апреля 1917 г. «Один углекоп, – отметил Ленин, – говорил замечательную речь, в которой он, не употребив ни единого книжного слова, рассказывал, как они делали революцию. У них вопрос стоял не о том, будет ли у них президент, но его интересовал вопрос: когда они взяли копи, надо было охранять канаты для того, чтобы не останавливать производство. Затем вопрос стал о хлебе, которого у них не было, и они также условились относительно его добывания. Вот это

⁴³ См.: Очерки истории Коммунистической партии Украины. Изд. 4-е, доп. К., 1977. С. 181–182, 224–225; *Варгатиюк П. Л., Курас И. Ф., Солдатенко В. Ф.* В. И. Ленин и большевистские организации Украины в Октябрьской революции. К., 1980. С. 16, 211, 287–294.

⁴⁴ См.: *Варгатиюк П. Л., Солдатенко В. Ф., Шморгуни П. М.* В огне трех революций. Из истории борьбы большевиков Украины за осуществление ленинской стратегии и тактики в трех российских революциях. К., 1986. С. 341–429.

настоящая программа революции, не из книжки вычитанная. Вот это настоящее завоевание власти на месте»⁴⁵.

Возникшая весной 1917 г. ситуация выявила два основных направления дальнейшего развития страны. Первое основывалось на том, что главные подвиги – переход власти в новые руки – уже совершились, потому остается плавно, не спеша, реформистскими методами утверждать новый строй, постепенно стабилизировать ситуацию, не допускать новых всплесков эмоций, разгула стихии. Сторонники второго взгляда исходили из того, что Февраль 1917 г. лишь широко отворил двери для действительного движения вперед, к новым рубежам социальных и национальных завоеваний. В национальных регионах местная элита, опираясь на позицию столичных политических центров и одновременно учитывая резкое обострение национальных чувств и быстрый рост самосознания широких масс, предложила различные по своему содержанию и направленности программы национально-государственного созидания. Во-первых, это были проекты демократически-либеральных трансформаций.

Свержение самодержавия выдвинуло на авансцену российской политики партию кадетов (другие правые партии утратили свое влияние уже в годы войны и практически прекратили свою деятельность в первые месяцы 1917 г.).

Лидеры конституционно-демократической партии вынуждены были считаться с тем, что под народным натиском события зашли гораздо дальше того, что выдвигалось их партийной программой, потому в спешном порядке на очередном съезде (25–27 марта) попытались скорректировать свою официальную позицию. Вместо прежнего названия было решено впредь именоваться исключительно Партией народной свободы (ПНС). Соответственно, вместо изъятых положений о конституционной монархии появились термины парламентаризма и республиканского строя, как ключевые стратегические задачи. Окончательное решение проблем государственного устройства России откладывалось до Всероссийского учредительного собрания.

Преобразование ПНС в одну из руководящих, правительственных сил способствовало укреплению ее позиций, увеличению рядов на местах, в том числе в Украине. Здесь разворачивали свою деятельность их организации в Киеве, Харькове, Одессе, Екатеринославе, Полтаве, Сумах, Александровске, других центрах, достигнув количества 7,5–8 тыс. членов из общего числа 60–70 тыс. в общероссийском масштабе⁴⁶.

Местные организации в своих ориентациях принципиально шли в фарватере линии, определяемой руководящим ядром ПНС – П. Милюковым, П. Струве, князем Г. Львовым, бароном Б. Нольде. Некоторые отличия в подходах возникали разве что в вопросах, касающихся национальной сферы, взглядах на перспективы строительства многонационального государства. Имея в своих рядах большинство неукраинских по происхождению элементов, местные организации больше склонялись к идее унитарной российской государственности. Украинские же деятели (А. Вязлов, А. Славинский, И. Шраг, М. Туган-Барановский) робко защищали федеративную форму государственного устройства, однако пасовали перед позициями великодержавного большинства и продолжали быть надежной опорой ЦК ПНС в проведении его политики и укреплении общероссийских властных институтов в Украине.

Либеральный курс кадетов, Временного правительства разделяли и в главных позициях поддерживали меньшевики, эсеры, бундовцы⁴⁷, хотя в их рядах (и в центре, и на Украине) начало проявляться разномыслие относительно путей реализации и социальных, и национальных программ.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 358.

⁴⁶ Якутов М. Н. Деятельность конституционно-демократической партии в Украине (1917–1918 гг.): Автореферат дис... канд. ист. наук. К., 1994. С. 9; Солдатенко В. Ф., Любовец О. М. Революційні альтернативи 1917 року й Україна. К., 2010. С. 45.

⁴⁷ См.: Солдатенко В. Ф., Любовец О. М. Революційні альтернативи 1917 року й Україна. С. 48–62.

Выбор перспективы общественного развития в полиэтнической стране с нерешенным национальным вопросом, доставшимся в наследие от прежнего имперского режима, не мог не сказаться на процессе выработки, оформления взглядов на перспективу движения к социальным и национальным идеалам. Поэтому, естественно, предметом особого внимания в программах национально-политических сил относительно государственного переустройства России на первое место выходила проблема объединения общегосударственных интересов всеохватывающей демократизации с интересами народов, не имевших до 1917 г. своей государственности и неудержимо стремившихся к полноценному прогрессу во всех сферах национальной жизни.

Заняты этим были и лидеры украинского политикума, руководители национальных партий. Их усилиями, спонтанными стремлениями масс национально-освободительное движение в Украине приобрело такой размах и глубину, ускоренным темпом начало ставить масштабные, кардинальные задачи бытия нации, всего края, что в современной исторической науке правомерно квалифицируется как Украинская национально-демократическая революция.

Представления о событиях в Украине в 1917–1920 гг. как об Украинской национально-освободительной (национально-демократической) революции закрепились в нашей историографии сравнительно недавно. Правда, тенденция к квалификации региональных революционных процессов в обозначенном ключе явственно проявилась в среде национальных идеологов и руководителей, начиная по существу с весны 1917 г.⁴⁸ Термин «Украинская революция» стал общеупотребимым, как бы естественным в политических документах всей революционной поры. Он получил сущностное обоснование в трудах представителей украинской эмиграции, интеллектуальные силы которой после поражений, которыми закончились их усилия, сосредоточились на историческом анализе попытки реализации своих планов и программ.

Так, уже в 1920 г. популярный украинский писатель и драматург, глава Генерального секретариата (первого национального правительства в 1917 г.) и председатель Директории, возглавивший антигетманское восстание осенью 1918 г., выпустил трехтомник «Возрождение нации» (второй и третий тома имеют подзаголовок – «История украинской революции [март 1917 г. – декабрь 1919 г.]»)⁴⁹. В 1921–1922 гг. вышли четыре тома «Записок и материалов по истории Украинской революции» бывшего генерального писаря, министра внутренних дел в 1917–1918 гг., высокого правительственного чиновника в 1919–1920 гг. П. Христюка⁵⁰. Затем появились масштабные исследования Н. Шаповала, Д. Дорошенко, И. Мазепы, других видных деятелей революционной поры⁵¹.

Были еще сотни изданий (больших и меньших по объему) – документальных, исследовательских, мемуарных, публицистических, объектом которых являлась история Украинской революции. Однако парадоксальность ситуации заключалась в том, что главным образом бывшие участники национально-демократической революции ретроспективно убеждали вдали от Родины в существовании общественного феномена друг друга и самих себя.

Читатели Советской Украины в это время внимали доводам отечественных историков, отрицавших не только факт Украинской революции, но даже и гипотетическую возможность ее. Попытки некоторых авторов (А. Речицкого, М. Яворского, В. Затонского, И. Гермайзе, М. Рубача) использовать в своих трудах термин «Украинская революция» и не нашедшие серьез-

⁴⁸ См.: *Гришевський М.* Ілюстрована історія України. Київ-Відень, 1921. С. 542–543; *Он же.* Хто такі українці і чого вони хочуть // Великий Українець. Київ, 1992. С. 69; *Христюк П.* Замітки і матеріали до історії української революції. Т. I. Прага, 1921. С. 9; *Винниченко В.* Відродження нації. Ч. I. Київ-Відень, 1920. С. 50–51.

⁴⁹ *Винниченко В.* Відродження нації (Історія української революції [марень 1917 р. – грудень 1919 р.]). Київ-Відень, 1920. Ч. I–III.

⁵⁰ *Христюк П.* Замітки і матеріали до історії української революції. Прага, 1921–1922. Т. I–IV.

⁵¹ *Шаповал М.* Велика революція і українська визвольна програма. Прага, 1928; *Дорошенко Д.* Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. Доба Центральної Ради. Ужгород, 1932; Т. II. Українська Гетьманська Держава 1918–1930. Ужгород, 1930; *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Т. I. Центральна Рада. – Гетьманщина. – Директорія. Прага, 1942; Т. II. Кам'янецька доба. – Зимовий похід; Т. III. Польсько-український союз. Кінець збройних змагань УНР. 1943.

ного развития спорадические опыты разобраться в сущности явления к началу 30-х годов были отторгнуты. Поскольку в социальную схему развития революционного процесса в России (за буржуазно-демократической закономерной следовала пролетарская революция) многие процессы и события в Украине не вписывались, они априорно объявлялись контрреволюционными (с точки зрения общественного прогресса) и буржуазно-националистическими (с точки зрения интернациональных задач пролетариата). А наиболее весомый аргумент в пользу подобной логики сводился к тому, что свой исторический приговор альтернативным вариантам, отстаиваемым различными политическими лагерями, вынесла сама жизнь. И если в горниле ожесточенных битв массы отказали в поддержке национальным лозунгам, любые попытки их ретроспективного анализа в положительном ключе тут же объявлялись рецидивами фальсификаторов, идеологическими происками «вчерашних» людей, стремящихся подорвать социализм и дружбу народов.

В отчаянном противоборстве с подобным «монизмом» советской историографии украинские историки и публицисты в диаспоре далеко не всегда удерживались на позициях объективности и все больше впадали в крайности, субъективизм, что, естественно, не умножало научности их трудов, делало их уязвимыми и малопривлекательными.

С рубежа 90-х годов в Украине начался новый этап в постижении исторического опыта 1917–1920 гг. Можно говорить даже о своеобразном публикаторском и исследовательском буме.

Осуществлены результативные шаги в освоении источниковой базы, особенно того сегмента, который в советское время почти не вовлекался в научный оборот. Речь идет о материалах, в которых отразилась деятельность национальных партий и организаций, государственных центров, политических систем, порожденных Украинской революцией. Это, прежде всего, издания, связанные с функционированием Центральной рады, Директории, развитием национально-освободительного движения⁵². Определенную информационную ценность имеют и обнаруженные документы гетманского периода⁵³.

Большой размах приобрели перепечатки разнообразного политико-публицистического наследия лидеров Украинской революции – М. Грушевского, В. Винниченко, С. Петлюры, Д. Дорошенка, И. Мазепы, М. Шаповала, государственных деятелей – П. Скоропадского, В. Липинского и др.⁵⁴

⁵² Українська Центральна Рада. Документи і матеріали: У 2-х т. Т. 1. 4 березня – 9 грудня 1917 р. Київ, 1996; Т. 2. 10 грудня 1917 р. – 29 квітня 1918 р. К., 1997; Український національно-визвольний рух. Березень – листопад 1917 року. Документи і матеріали. Київ, 2003; Директорія, Рада. Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 рр. Документи і матеріали: У 2-х т., 3-х ч. Київ, 2006. Т. 1; Т. 2.

⁵³ Мирні переговори між Українською Державою та РСФРР 1918 р. Протоколи і стенограми пленарних засідань. Збірник документів і матеріалів. Київ; Нью-Йорк; Філадельфія, 1999; Українська Держава (квітень-грудень 1918 року). Документи і матеріали. У двох томах. К., 2015. Т. 1–2.

⁵⁴ Грушевський М. Ілюстрована історія України. Київ, 1991; *Он же*. Про українську мову і українську школу. Київ, 1991; *Он же*. Очерк истории украинского народа. Киев, 1991; *Он же*. Хто такі українці і чого вони хочуть. Київ, 1991; *Он же*. На порозі Нової України. Київ, 1991; Великий Українець. Матеріали з життя та діяльності М. С. Грушевського. Київ, 1992; Михайло Грушевський. На порозі Нової України. Статті і джерельні матеріали. Нью-Йорк – Львів – Київ – Торонто – Мюнхен, 1992; Винниченко В. Відродження нації (Історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р.]). Київ, 1990. Ч. I–III; Паралельно деякі сюжети з тритомника у 1990 і 1991 рр. були надруковані у журналах «Наука і суспільство» та «Дніпро»; *Он же*. Заповіт борцям за визволення. Київ, 1991; Петлюра С. Народе український. Вибрані статті, листи, документи. Харків, 1992; *Он же*. Статті. Київ, 1993; *Он же*. Вибрані твори та документи. Київ, 1994; *Он же*. Статті. Листи. Документи. Київ, 2006. Т. IV; *Он же*. Відродження нації. Заповіт борцям за визволення. К., 2008; Мазепа І. П. Україна в огні й бурі революції 1917–1921: Дніпропетровськ, 2001; І. Центральна. Рада – Гетьманщина – Директорія. II. Кам'янецька доба; II. Зимовий похід. III. Польсько-український союз. Кінець збройних змагань; *Он же*. Україна в огні й бурі революції. 1917–1921. Київ, 2003; Дорошенко Д. І. Історія України 1917–1923: в 2 т. Київ, 2002. Т. I. Доба Центральної Ради; Т. 2. Українська Гетьманська Держава 1918 року; Шаповал М. Ю. Соціологія українського відродження. Київ, 1994; Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму // В'ячеслав Липинський. Повне зібрання творів, архів, студії. Т. 6. Кн. I. Київ; Філадельфія, 1995; Липинський В. Листування. Т. I (А–Ж). Київ; (Філадельфія, 2003, и др.

Продолжают выходить многие мемуарные и дневниковые работы как упомянутых выше, так и других участников событий⁵⁵.

Немало делается и для издания в Украине тех трудов о процессах 1917–1920 гг., которые впервые увидели свет за рубежом⁵⁶.

Следует отметить, что государственные, идеологические институты привлекали внимание к событиям 1917–1920 гг., стимулируя массовое общественно-политическое реагирование соответствующими документами (постановлениями) наивысшего уровня, организацией массовых мероприятий и т. п.⁵⁷

Означенное, естественно, сказалось на масштабности собственно исследовательских усилий. На протяжении двух с половиной десятилетий защищено более полутысячи докторских и кандидатских диссертаций с проблематикой революционной эпохи⁵⁸. Налицо явная тенденция к дальнейшему умножению работ в данной сфере, хотя былая активность несколько спадает.

Начиная с 1991 г. выпущены сотни книг и брошюр, тысячи статей, которые так или иначе анализируют события в Украине под углом зрения национально-демократической революции⁵⁹. Только в вышедшем еще в 2001 г. тематическом библиографическом указателе зафиксировано около 7 тыс. позиций⁶⁰.

⁵⁵ Грушевський М. Спомини // Київ. 1988. № 9. С. 115–149; № 10. С. 131–138; № 11. С. 120–137; № 12. С. 116–139; Винниченко В. Щоденник // Київ. 1990. № 9. С. 91–125; № 10. С. 96–110; № 11. С. 85–106; Дружба народів. № 12. С. 161–205; Скоропадський П. Спомини. Київ, 1992; *Он же*. Спогади. Київ; Філадельфія, 1995; Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє-минуле (1914–1918) // Український історичний журнал. 1992. № 6. С. 131–142; № 7–8. С. 140–146; № 9. С. 145–155; № 12. С. 152–159; 1993. № 1. С. 131–139; № 2–3. С. 104–114; № 4–6. С. 80–92; № 7–8. С. 102–114; Феценко-Чопівський І. А. Хроніка мого життя. Спогади міністра Центральної Ради та Директорії. Житомир, 1992; Махно Н. Воспоминания. Киев, 1991. Кн. 1–3; *Он же*. Воспоминания, материалы и документы. К., 1991; Чикаленко Є. Щоденник, 1919–1920. К; Нью-Йорк, 2005; Омелянович-Павленко. Спогади командарма (1917–1920). Документально-художнє видання. Київ, 2007; Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє-минуле (1914–1920 роки). Київ, 2007; и др.

⁵⁶ Нагаєвський І. Історія Української держави двадцятого століття. Київ, 1993; Мли-новецький Р. Нариси з історії українських визвольних змагань 1917–1918. Львів, 1994; Верига В. Визвольні змагання в Україні 1914–1923 рр. Львів, 1998. У двох томах; Чернецький А. Спомини з мого життя. Київ, 2001; Доценко О. Зимовий похід (6.XII.1919–6.V.1920). Київ, 2001; Петрів В. Військово-історичні праці. Спомини. Київ, 2002

⁵⁷ Кучма Л. Учасникам міжнародної конференції «Центральна Рада, та український державотворчий процес» // Центральна Рада, і український державотворчий процес (до 80-річчя створення Центральної Ради). Матеріали наукової конференції 20 березня 1997 р. (У 2-х ч.). Ч. 1. Київ, 1997. С. 6–7; *Он же*. До читачів журнале «Пам'ять століть». 1998. № 1. С. 2–3; Будівля державності можлива лише на фундаменті злагоди та порозуміння. Доповідь Президента України Леоніда Кучми на урочистому засіданні, присвяченому 80-річчю проголошення Західно-Української Народної Республіки. Львів, 1 листопада 1988 року // Урядовий кур'єр. 1998. 3 листопада; Постанова Верховної Ради України «Про відзначення 125-річчя з дня народження видатного громадського, політичного діяча і письменника Володимира Винниченка» // Солдатенко В. Ф. Три Голгофи. К., 2005. С. 3–4; Про увічнення пам'яті видатних діячів Української Народної Республіки та Західно-Української Народної Республіки. Указ Президента України В. Ющенка // Урядовий кур'єр. 2005. 16 травня; Про заходи з відзначення 90-річчя подій Української революції 1917–1921 років та вшанування пам'яті її учасників. Указ Президента України В. Ющенка // Урядовий кур'єр. 2007. 18 квітня; До 90-річчя утворення першого Уряду України. URL: <http://www.kmu.gov.ua/control/publicat/article?artid=72875700>; Про заходи з відзначення 100-річчя подій Української революції 1917–1921 років. Указ Президента України № 17/2016 П. Порошенка. URL: <http://www.president.gov.ua/documents/172016-19736>

⁵⁸ См.: Дисертації з проблем Української революції, захищені в Україні протягом 1991–2001 рр. // Проблеми вивчення історії української революції 1917–1920 рр. Київ, 2002. С. 279–294; Дисертації з проблем Української революції, захищені в Україні протягом 2001–2006 рр. // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр. Випуск 2. Київ, 2007. С. 244–258.

⁵⁹ Українська ідея. Постаті на тлі революції. Київ, 1994; Павленко Ю, Храмов Ю. Українська державність у 1917–1919 рр. (історико-генетичний аналіз). Київ, 1995; Верстюк В. Українська Центральна Рада. Навч. посібник. Київ, 1997; Українська революція і державність. Київ, 1998; Кондратюк В. О., Буравченкова С. Б. Українська революція: здобутки і втрати в державотворчих змаганнях (1917–1920 рр.). Навч. посібник. Київ, 1998; Українська революція: 1917 – початок 1918 рр. (Проблеми, пошуки, узагальнення). Запоріжжя, 1998; Українська революція і державність. Київ, 1998; Реєнт О. П. Українські визвольні змагання (поч. XX ст. – 1921 рік). Події на східних теренах національної території // У робітнях історичної науки. Київ, 1999. С. 7–268; Рубльов О. С, Реєнт О. П. Українські визвольні змагання 1917–1921 рр. Київ, 1999; Солдатенко В. Ф. Українська революція. Історичний нарис. Київ, 1999; Українська соборність. Ідея, досвід, проблеми (До 80-річчя Акту злуки 22 січня 1919 р.): 36. Київ, 1999; Кирас І. Ф, Солдатенко В. Ф. Соборництво і регіоналізм в українському державотворенні 1917–1920 рр. Київ, 2001; Солдатенко В. Ф, Хало Л. Г. Військовий чинник у боротьбі за політичну владу в Україні в 1917–1918 рр. Наукове видання. Київ, 2002; Верстюк В. Ф, Солдатенко В. Ф. Революції в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920) // Політична історія України. XX століття: У 6-ти т. Т. 2. Київ, 2003; Події і особистості революційної доби.

Историография Украинской революции по количественным показателям, несомненно, вышла на ведущие позиции в исторической литературе. Делались попытки подвести и промежуточные итоги этого непростого процесса⁶¹.

Опираясь на достигнутые коллективные результаты, думается, можно в самом кратком варианте обозначить основные контуры рассматриваемого феномена следующим образом.

Тесно взаимосвязанные с общероссийским революционным процессом, детерминированные им многие события в Украине 1917–1920 гг. в исторической реконструкции целесообразно выделять и именовать Украинской национально-демократической революцией. Это отнюдь не означает, что Украина была как-то отгорожена от общероссийских тенденций, что последние не имели в ней места. С момента свержения самодержавия украинство влилось могучим потоком в общий процесс демократических преобразований в стране, осуществляя весомый вклад в необратимость начатого переустройства общества.

Однако неоспоримым фактом остается то, что после свержения самодержавия общественно-политическое движение в Украине, наряду с общим стремлением к демократизации и социальному прогрессу, имело свои, собственные, отличные задачи. Если их свести в лаконичную формулу, то она может звучать как освобождение и возрождение украинской нации (во всех сферах общественного бытия – экономике, политике, духовной жизни)⁶².

Именно с учетом последнего обстоятельства, точнее для реализации таких задач параллельно с общероссийскими партиями, всегда находившими довольно мощную поддержку в Украине, с начала века создавались и упрочивались, развивали свою деятельность украинские (национальные) политические партии. В 1917 г. сеть таких партий стала еще более разветвленной, а организации укрепились, существенно умножили свои ряды. Весьма влиятельными, хотя, естественно и не в равной мере, стали Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР), Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП), Украинская партия социалистов-федералистов (УПСФ), Украинская партия самостийников-социалистов (УПСС), Украинская хлеборобско-демократическая партия (УХДП) и другие. Программы этих партий имели целью превращение этнической общности украинцев в полноценную, современную политическую нацию. Важнейшим пунктом движения в этом направлении, одновременно и непременным условием дальнейшего прогресса, являлось создание собственной государственности.

То есть участники общественного движения в Украине с первых дней Февральской революции готовы были видеть и видели в этом движении такое качественное содержание, которое

Збірник. Київ, 2003; *Яневський Д.* Політичні системи України 1917–1920 років: спроби творення і причини поразки. Київ, 2003; *Солдатенко В. Ф., Савчук Б.* Галицька армія у Наддніпрянській Україні. Київ, 2004; *Любовець О.* Українські партії й політичні альтернативи 1917–1920 років. Київ, 2005; *Гай-Нижник П.* Податкова політика Центральної Ради, урядів УНР, Української Держави, УСРР (1917–1930 рр.). Київ, 2006; *Ковальчук М.* Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006.

⁶⁰ Українська революція і державність. Науково-бібліографічне видання. К., 2001.

⁶¹ См.: *Радченко Л. О.* Сучасна історіографія національно-демократичної революції в Україні 1917–1920 рр. Харків, 1996; *Ее же.* Українська революція. Концепція та історіографія. Київ, 1997; *Его же.* Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.). Київ, 1999; *Левенець Ю., Гошуляк І.* Українська революція: здобутки і проблеми дослідження // Етнополітологія в Україні. Становлення. Що далі? Київ, 2002. С. 169–190; *Капелюшний В. П.* Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917–1921 рр.). Київ, 2003; *Солдатенко В. Ф.* Новітні видання і дослідження з історії Української революції // Актуальні проблеми вітчизняної історії ХХ ст.: Зб. наук. праць, присвячений пам'яті академіка НАН України Ю. Ю. Кондуфора. Київ, 2004. Т. 1. С. 237–305; *Он же.* Доба Української революції (1917–1920 рр.) у новітній історіографії // Гілея. Науковий вісник. Філософія. Історія. Політологія. 2005. № 1. С. 87–151; № 2. С. 68–103; № 3. С. 50–72; *Он же.* Актуальні теоретико-методологічні проблеми історіографічного освоєння досвіду Української революції 1917–1920 рр. // Наукові записки ІПіЕНД. Курасівські читання. 2005. Київ, 2006. С. 453–465; *Он же.* Новітні тенденції й актуальні проблеми історіографічного освоєння процесів революційної доби 1917–1920 рр. в Україні // Україна в революційних процесах перших десятиліть ХХ століття. Міжнародна науково-теоретична конференція 2021 листопада 2007 р. Київ, 2007. С. 5–24; То же самое // Український історичний журнал. 2008. № 1. С. 75–88.

⁶² См.: *Солдатенко В. Ф.* Феномен Украинской революции // Российская история. 2009. № 1. С. 34–46.

выходило за рамки определяющих параметров общероссийского (в смысле совпадающего для всех регионов) процесса, подчеркивая в цели борьбы два начала: национально-освободительное и социально-освободительное. Очевидно, можно ставить вопрос и еще шире: указанное соединение двух начал явилось и исходным моментом, и стержнем идеологии (концепции), и содержанием преобразований, и, наконец, целью движения украинской нации (по крайней мере, ее основной части) на обозначенном историческом этапе.

Таким образом, реально существовала платформа (наибольший вклад в ее разработку внесли незаурядные мыслители и политики М. Грушевский и В. Винниченко), на которой организовывались довольно многочисленные политические силы, поддерживаемые миллионными массами населения, которые соответственно мыслили и действовали, оказывали серьезное влияние на течение событий в регионе (прежде всего) и на общероссийский революционный процесс в целом (это тоже естественно, поскольку Украина всегда играла немалую роль в жизни России), не только разводила людей по разные стороны баррикад, но и разрезала фронтами гигантские территории, разрывала живое тело нации, приводила к неисчислимым страданиям и значительным жертвам. Речь здесь не о виновниках (выяснение этого вопроса слишком сложно, чтобы решать его мимоходом), а лишь о констатации того, что в 1917–1920 гг. в общественной жизни параллельно, в проникновениях, переплетениях, сочетаниях с общероссийскими развивались специфические, особые реальные процессы, происходили вполне осязаемые явления, которые имеют четкую научно-политическую квалификацию – Украинская революция.

Такую точку зрения во многом разделяют и ученые-правоведы, привыкшие более строго оперировать в исследованиях научными, выверенными критериями, ответственнее относиться к используемым категориям. Это засвидетельствовала, в частности, новейшая юбилейная международная историко-правовая конференция, проведенная Международной ассоциацией историков права, Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, Университетом налогового дела и финансов и секцией истории государства и права Научного Совета НАН Украины по координации фундаментальных правовых исследований⁶³.

Уже при открытии конференции четко было заявлено: «Под украинской революцией мы понимаем совокупность общественно-политических процессов (подчеркнуто мною. – В. С.), связанных с реализацией украинской идеи, которые привели к коренному изменению общественных отношений на этнической территории украинского народа. Украинская революция начала XX века принадлежит к социальным, или, по другим определениям, социально-политическим (коренная смена общественно-политического строя, системы власти, характера господствующего режима) и национальным (по имени страны, где совершаются) революциям. В глобальном измерении есть частью революционных процессов, которые происходят в Европе, прежде всего в Российской империи и Австро-Венгерской монархии»⁶⁴.

Отстаивая точку зрения, согласно которой отличия Украинской революции, вычленявшие ее из общероссийского контекста, заключались в диалектическом сочетании этнонационального и социального моментов, специалисты в области юриспруденции возражают против попыток выделения событий в Украине в самостоятельное явление⁶⁵.

Тут «прочитывается» явное несогласие с позицией тех историков, которые берут на себя ответственность утверждать (и выдают это за мнение всех современных украинских авторов), что следует рассматривать «революционные события в Украине преимущественно в нацио-

⁶³ См.: Еволюційні і революційні процеси в історії права, держави і юридичної думки: до 100-річчя Української революції 1917–1921 рр. Матеріали XXXVI Міжнародної історико-правової конференції 1–4 червня 2017 р. м. Дніпро. К. Херсон, 2017.

⁶⁴ Усенко І. Б. До 100-річчя Української революції 1917–1921 рр. // Еволюційні й революційні процеси в історії права, держави і юридичної думки. С. 15, 16.

⁶⁵ См.: Кириченко В. Є. Українська революція – предмет наукового дослідження чи витвір національної свідомості // Там же. С. 23–24.

нальном дискурсе (подчеркнуто мною. – В. С.), трактовать «Украинскую революцию как масштабное событие, связанное, прежде всего, с борьбой украинской нации за возобновление и утверждение собственной государственности. Именно так это излагается в дидактической историографии, в школьных учебниках по истории Украины.

Период 1917–1921 гг. небольшой по продолжительности, однако в условиях столетий безгосударственности чрезвычайно красноречивый и вполне необходимый для исторической легитимизации современного государства (подчеркнуто мною. – В. С.)»⁶⁶.

В последнем случае обращают на себя внимание два момента. Во-первых, национальную память в Украине формируют «по годам», отдавая ее «на откуп» субъективному фактору – потому 2007–2010 гг. – это особый период (именно тогда оба автора по большей части имели отношение к функционированию Украинского института национальной памяти). Во-вторых, прочтя такое, многие, наверное, вспомнят: «История – это политика, обращенная в прошлое», «История – служанка политики» и еще что-то в этом роде. Вряд ли в таком случае стоит затевать спор – он будет беспредметным.

Тем более лишены смысла представляются дискуссии с теми, кто, ознакомившись с приведенными толкованиями существа Украинской революции, вконец запутываются и в отчаянии, сопряженном с попытками найти собственный путь к истине, вообще доходят до отрицания феномена Украинской революции: «События 1917-1920-х годов (тут не место заводить разговор о выверенности хронологии) не имели для украинского народа революционного характера. Это была реализация украинским народом своего права на самоопределение. Возможности для реализации этого права появились в результате революционных событий, вызвавших развал империй, в состав которых входили различные части украинских земель. Украинский народ не сыграл в этом процессе заметной роли». А уж исходя из этого исследователь-правовед (тут, как и среди историков, тоже не все единодушны) полагает, «что уже сегодня стоит заменить, по крайней мере в нормативно-правовых актах и историко-правовых исследованиях, термин “украинская революция 1917–1923 гг.” на “Украинская национальная государственность 1917–1923 гг.”»⁶⁷.

Понимая, что в данном случае осуществляется простая подмена понятий, и не желая втягиваться в разоблачение манипуляций, думается, целесообразнее обратиться к историческому опыту, фактам, документам революционной поры. Тогда с целью претворения идейных замыслов, политической платформы в практику были созданы соответствующие органы революционного действия: в 1917/1918 гг. – Центральная рада, а в 1918–1920 гг. – Директория. Эти органы, безусловно, осуществляли чрезвычайно важные, хотя условно и прагматически-узкие функции – венчали государственную власть в Украинской Народной Республике. Однако на обоих этапах революции они решали и гораздо более широкие общественно-политические задачи – были инициаторами, вдохновителями, организаторами, то есть главными акторами масштабнейших, всеобъемлющих революционно-преобразующих процессов.

Революция в Украине имела две главные, довольно затяжные волны. Первая – это эпоха Центральной рады: с начала марта 1917 г. до 29 апреля 1918 г. Вторая – с момента победы антигетманского восстания под руководством Директории (14 декабря 1918 г.) – до конца 1920 г. Между ними был период контрреволюционного наступления, олицетворяемый гетманом П. Скоропадским и его авторитарным, диктаторским режимом (29 апреля – 14 декабря 1918 г.).

Как представляется, следует специально дополнительно оговориться относительно весьма важного исследовательского момента, который существенно влияет на воспроизводимую историческую картину, точнее – ее основу, канву. Когда речь заходит об Украинской рево-

⁶⁶ Верстюк В., Скальський В. Українська революція 1917–1921 рр. у політиці формування національної пам’яті в 2007–2010 рр. // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 років. Вип. 5. К., 2010. С. 5.

⁶⁷ Андрусяк Т. Г. До питання про юридичну оцінку подій 1917-1920-х рр. // Еволюційні і революційні процеси в історії права, держави і історичної думки... С. 4950, 52.

люции как о некоем особом явлении, нельзя считать, что она в пространственном и содержательном отношении была отграниченным, самостоятельным феноменом, «отрезанным» от того, что происходило с Россией, в России в целом. Совсем наоборот. Нередко масштабы, интенсивность общих проблем и характер их решения в Украине оказывались в социологическом измерении и представлении более рельефными, результативными, нежели во многих других, отчасти даже центральных регионах страны.

И во многом речь не о каких-то малозначимых, второстепенных сегментах общественной жизни, а об определяющих, сердцевинных механизмах пульсирования тогдашних революционных векторов, заключающихся, скажем, в потенциях и могуществе пролетарского движения, деятельности большевистских организаций, позиции Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и т. п. И в то же время параллельно, во взаимопереплетениях, взаимовлияниях и противодействиях развивалось мощное национально-освободительное движение, в силу ряда причин очень быстро приобретшее параметры и сущностные черты полноценной национально-освободительной революции. Ее цели – по возможности более полное, всестороннее возрождение нации, воссоздание ее государственности как основного гаранта равноправного развития в установлении форм связи, общения с другими социумами – во многом совпадали с генеральной освободительной направленностью, динамикой процессов, порожденных и Февральской, а позже – и Октябрьской революциями, но и входившими в противоречие с ними, вызывавшими достаточно болезненные кризисные явления. То есть у историка нет совершенного чудодейственного «скальпеля» не только для того, чтобы расчлнить социальную и национальную слагаемые революции по целеполаганиям мотивации действий, группированию сторонников, осуществляемой тактике, но и по пространственно-географическому принципу. Революционные потоки в своем устремлении не считались с формальными этническими границами, которые к тому же также не существовали в государственно-политической реальности.

В результате в определенные моменты, в зависимости от сложных комбинаций, обстоятельств осуществились «переливы» сил (в чем-то подобно жидкости в сообщающихся сосудах), но не оставались на одном уровне, неизменно стремясь к нарушению равновесия. То есть украинский фактор нельзя считать чем-то стабильным, стерильным и неизменным, как весьма и весьма «текущей», «колеблющейся», «виляющей» являлась объективная динамика составляющих и поведения слагаемых общероссийских процессов. Для кого-то такие «тонкости» кажутся не настолько существенными, чтобы принимать их в расчет, и потому подход оказывается предельно жестким, категоричным – только по принципу «или-или»⁶⁸. Однако в реальной жизни присутствовал сложнейший синтез, когда в разные моменты в различных сочетаниях присутствовало одновременно и «или-или», и «то и это».

В плане уже отмеченного нельзя считать безупречным, обоснованным широко применяемое в последние годы для обозначения событий революционной поры понятие «эпоха Украинской революции», хотя оно проникло даже в учебные программы, школьные и вузовские учебники⁶⁹.

Можно предположить, что неумным желанием «отделить» Украинскую революцию от Российской явился выбор руководством «Очерков истории Украинской революции» структурного построения двухтомника. Первый том посвящен последовательному изложению событий, связанных с Центральной радой и Гетманатом, третья часть объема второго тома освещает процессы, проходившие под эгидой Директории, вплоть до конца ноября 1920 г. То есть при-

⁶⁸ См., напр.: Михайлов И. В. Украинская революция или революция на Украине // Вестник МГИМО Университета. М., 2010. № 1. С. 65–75; Королев Г. Украинская революция 1917–1921 гг.: мифы современников, образы и представления историографии // AB Imperio. М., 2011. № 4. С. 351–375.

⁶⁹ См., напр.: Турченко Ф. Г. Новітня історія України. 10 клас. Ч. 1. К., 1994. С. 67; Історія України. Навчальний посібник. Видання 3-є, доповнене й перероблене. К., 2002. С. 210–269.

менен хронологический метод подачи материала. Затем следует раздел о создании и деятельности Западно-Украинской Народной Республики (с октября 1918 по июль 1919).

А уже затем следуют разделы «Большевистская экспансия в Украину» (с момента Февральской революции 1917 г. до начала 1921) и «Белое движение и Украина» (1917–1920).

Такой подход «на параллелях», конечно, также имеет «право на жизнь» и даже обладает определенными преимуществами: большей сосредоточенностью на избираемом и провозглашаемом объекте исследования. Однако он же имеет и весьма существенный недостаток: отход от комплексного, системного постижения фактов, явлений, документов, процессов, находившихся в реальной жизни во взаимодополнениях, взаимопереплетениях, взаимовлияниях.

Особенно наглядно «неудобства» проступают, например, при раздельной реконструкции истории УНР и ЗУНР, пусть больше формально, но все же пребывавших в статусе одного, единого государства с конца января 1919 г., что обернулось немалыми издержками именно из-за внутренних противоречий между ориентациями и поведением сопряженных субъектов.

Поэтому расположение практически в конце книги раздела, повествующего о деятельности большевиков, с весны 1917 г. в отрыве от разговора о той же Центральной Раде, их поэтапных взаимоотношениях выглядит недостаточно конструктивным. Правда, авторам раздела, очевидно, нужно нечто иное, о чем свидетельствует смысл названия структурной единицы: «Большевистская экспансия в Украину» (и это с весны 1917 г. – ?!). Попутно, следует заметить, что в 1917 г. в Украине функционировали местные организации практически всех общероссийских партий – кадеты, меньшевики, эсеры, бундовцы и иные, однако это было, наверное, естественно, а вот большевики это априори и в любом случае «экспансионисты». Что же касается, скажем, «белых» – совсем другое дело. Тут взаимоотношения следует представлять в более спокойных тонах, через союз «и»: «Белое движение» и «Украина».

Впрочем, оказывается, что последовательности от авторов раздела «Большевистская экспансия в Украину» (Г. Г. Ефименко, С. В. Кульчицкий, В. Ф. Верстюк) ждать не приходится. Начинается раздел с фразы «Большевистско-советский фактор явился важной слагаемой Украинской революции»⁷⁰. В подтверждение тезиса используется авторитет И. Лысяка-Рудницкого. «В первую очередь нужна интеллектуальная честность, готовность видеть вещи такими, какими они действительно есть. Однако среди нашей общественности господствует противоположная наклонность: закрывать глаза на нежелательные факты. И так отрицают существование коммунизма как украинского политического течения. Коммунизм, мол, выступал только как форма чужеземной, российской интервенции и оккупации, а украинские коммунисты – это просто агенты Москвы»⁷¹.

Продолжая логическую линию, авторы далее рассуждают: «Несколько похожая ситуация наблюдается и в современной украинской историографии: большевистско-советский фактор периода 1917–1920 гг. в обобщающих трудах рассматривается преимущественно в качестве внешней силы, прежде всего в контексте взаимоотношений советской (в конце 1917 – в начале 1918 г. общеупотребимым было название «совітська») власти с украинскими национальными правительствами. Влияние этого фактора на протекание событий в ходе Украинской революции анализируется недостаточно»⁷².

С такой в общем-то объективной, трезвой оценкой можно было бы согласиться.

Правда, сразу возникает вопрос: а как же с утверждением, содержащимся в предисловии к проекту: «Взаимосвязь Украинской революции с Февральской российской революцией, развитие первой в контексте второй вполне очевидны. Совсем иной характер имели отношения

⁷⁰ Нариси історії Української революції 1917–1921 років. Кн. 2. С. 243.

⁷¹ Лисяк-Рудницький І. Що робити // Лисяк Рудницький Іван. Історичні есе: У 2 т.: Т. 2. К., 1994. С. 446–447.

⁷² Нариси історії Української Революції 1917–1921 років. Кн. 2. С. 243–244.

Украинской революции с Октябрьской российской революцией. Они развивались самостоятельно и параллельно...»⁷³

Оказывается, противоречие кажущееся, тезис «большевистской экспансии в Украину» абсолютно доминирующий. Если и признаются отдельные эпизоды поддержки большевиками национальных стремлений украинцев, то они оказываются неискренними, рассчитанными на тактический успех с тем, чтобы затем проявились истинные изначально антиукраинские ориентации и действия. Подавляющее место занимают сюжеты, в которых «мощные взаимовлияния» это не что иное, а исключительно «военно-политические противостояния» и «инспирированные большевистские агрессии». А если говорить еще проще, то соответствующий раздел – это совершенно определенная, «прозрачная» и достаточно агрессивная попытка развенчания коммунизма – от идеологических и организационных основ до практически каждого документа, акции, поступка, проводимой политики, до методов деятельности, в которых превалировали «обман и принуждение», основанные на «силе (т. е. насилии. – В. С.) власти»⁷⁴.

Еще одна попытка вывести Украинскую революцию за пределы Российской просматривается и в предложениях некоторых исследователей развести хронологические рамки обоих феноменов, сделать их практически несовпадающими. Однако, думается, недостаточно убедительны соображения тех авторов, которые предлагают считать началом Украинской революции первые залпы мировой войны – то есть 1914 г.⁷⁵ Приводимые в пользу такого взгляда аргументы явно недостаточны, входят в противоречия с реальными фактами, в частности, отождествляют обострение украинского вопроса в годы империалистической войны с подъемом национально-освободительного движения. Как раз наоборот. Украинское движение было практически задавлено репрессиями, усилившимися соответственно законам военного времени. Украинские партии были загнаны в глубокое подполье, едва-едва проявляли себя. Это коснулось даже либерального Товарищества украинских постепенцев, один из признанных лидеров которого – М. Грушевский – был отправлен в ссылку.

События в Галиции выдающиеся украинские историки (М. Грушевский, Д. Дорошенко) вообще характеризовали как «Галицкую Голгофу», «Галицкую руину», где не то что о революции, а о сколько-нибудь заметных волнениях на национальной почве даже говорить не приходилось.

О чем вполне обоснованно может идти речь, так это о накоплении, своеобразном генерировании освободительной энергии, что органично вписывалось в общий контекст вызревания общеевропейской ситуации, достигавшей к началу 1917 г. предельных значений⁷⁶.

Предпочтительнее выглядит стремление российских историков «раздвинуть хронологию революционных событий в России (не революции, а «революционных событий», что принципиально важно. – В. С.)...в хронологических рамках «эпохи великих потрясений 1914-1921 гг.»⁷⁷. И это последнее сущностное подтверждение предыдущей части фразы также следует понимать, лишь как вызревание в условиях «системного кризиса империи» револю-

⁷³ Там же. Кн. 1. С. 10.

⁷⁴ Там же. Кн. 2. С. 312, 347 и др.

⁷⁵ См.: *Фон Хаген М.* Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб. 1999. С. 399; *Грицак Я.* Нарис історії України: формування модерної української нації XIX-XX ст. К., 2000. С. 103; *Он же.* Страсті за націоналізмом. К., 2004. С. 50–51; *Резніт О. П.* Перечитуючи написане. К., 2005. С. 9091; *Он же.* Україна XIX-XX століть. Роздуми та студії історика. К., 2009. С. 73–75; *Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко С. П.* Укріп'я і Росія в історичній ретроспективі. Нариси: в 3 т. Т. 1. Укріп'яські проекти в Російській імперії. К., 2004. С. 407–408.

⁷⁶ См. предметную дискуссию по данному аспекту: *Солдатенко В. Ф.* Освоєння досвіду революційної доби: новітній історіографічний дискурс // У вирі революцій і громадянської війни (актуальні аспекти вивчення 1917–1920 рр.) в Україні. К., 2012. С. 84–88.

⁷⁷ Российская революция 1917 года. Т. 1. С. 9.

ции как вполне определенного явления, но все же как ее преддверие, а не непосредственное начало, что в общем понятно и логично.

Настоящим же детонатором украинского национального взрыва послужила Февральская революция. Причем, вполне обоснованно говорить именно о мгновенном могучем взрыве, молниеносности осуществления серьезнейших акций, имевших далеко идущие последствия. Следует обратить внимание хотя бы на тот факт, что образование Украинской Центральной рады в Киеве произошло (по крайней мере – началось) почти параллельно, буквально через день после создания в Петрограде Временного правительства – 3–4 марта 1917 г. Тогда же в Киеве сконструировался Исполнительный комитет объединенных общественных организаций и состоялось учредительное собрание Киевского Совета рабочих депутатов⁷⁸.

Уже 5 марта 1917 г. Центральная рада разослала всем провинциальным организациям телеграмму, в которой предлагалось высылать депутации к Временному правительству с изложением неотложных нужд украинского народа, создавать просветительные организации и организовывать сборы на национальный фонд. В направленной в Петроград телеграмме приветствовалось «первое министерство свободной России» и выражалась уверенность, что «справедливые требования украинского народа и его демократической интеллигенции будут удовлетворены полностью»⁷⁹.

Весьма важным оказалось то, что под стать выплеснувшемуся энтузиазму нации (чего стоили только «зашкаливавшие» за все привычные представления демонстрации с десятками тысяч участников под украинскими знаменами в Петрограде, Киеве, повсеместные митинги, форсированное создание массовых национальных организаций!) оказались политические лидеры нации. Наблюдался поистине взлет активизации выходивших из подполья партий. Мгновенно консолидировались, умножали свои ряды Товарищество украинских постепенцев (уже в марте наименовавшие себя Союзом автономистов-федералистов – (СУАФ; лидеры – М. Грушевский, С. Ефремов, В. Прокопович, А. Никовский), Украинская социал-демократическая рабочая партия (лидеры – В. Винниченко, Н. Порш, Б. Мартос, И. Стешенко, В. Антонович), завершили процесс объединения в Украинскую партию социалистов-революционеров существовавшие еще с начала века эсеровские организации (Н. Ковалевский, П. Христюк, Н. Шаповал, Н. Григориев, М. Стасюк), Украинская народная партия (Н. Михновский).

Каждая из партий создала свой печатный орган. А когорта талантливых публицистов (В. Винниченко, С. Ефремов, В. Прокопович, И. Стешенко, Н. Григориев и др.) поспешила донести до масс представления о переживаемом моменте, о перспективах развития общественных процессов, о вырабатываемой украинским политиком стратегическом курсе, о предпочтениях в тактике революционного, освободительного движения.

Параллельно происходил процесс идейно-теоретического обоснования программы радикально-революционных преобразований, олицетворяемый Российской социал-демократической партией (большевиков).

Характеризуя открывшуюся после свержения самодержавия перспективу и основное направление революционной стратегии большевиков, В. И. Ленин четко и определенно заявлял: «Переход – ко 2-й революции

- к власти пролетариата
- к социализму»⁸⁰.

Усилившаяся к 1917 г. хозяйственная разруха, прогрессирующий распад экономических связей между районами страны и невозможность выхода из кризиса на путях буржуазно-демо-

⁷⁸ Киевская мысль. 1917. 4, 5 марта.

⁷⁹ 1917 год на Киевщине: Хроника событий. Харьков, 1928. С. 7.

⁸⁰ Ленинский сборник. XXI. М., 1933. С. 33.

кратической революции, острая необходимость в осуществлении мер, объективно означавших шаги к социализму, дополнительно подтверждали верность вывода о закономерном сближении в эпоху империализма борьбы за демократию с борьбой за социализм. В научном плане непрерывность процесса перехода от первого, буржуазно-демократического этапа революции, ко второму, социалистическому, была к тому времени обоснована и теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, и открытой В. Лениным возможностью победы социализма первоначально в нескольких или даже одной, отдельно взятой, капиталистической стране – слабейшем звене в цепи империалистических государств.

В концентрированном виде большевистская платформа, стратегическая линия была намечена в ленинской работе «Задачи пролетариата в нашей революции», хорошо известной как «Апрельские тезисы». Это была выстроенная система взаимосвязанных мер, реализация которых позволяла обществу подняться на качественно более высокую ступень, разрешить злободневные вопросы момента (такие, как окончание войны демократическим миром) и осуществить переход к социалистическому строительству как важнейшему условию решительного прорыва на пути социального и национального прогресса.

Революционная программа с одобрением воспринималась большинством членов РСДРП(б) практически всех партийных организаций, бралась ими на идеологическое вооружение и активно пропагандировалась. Так происходило в партийных организациях Харькова, Екатеринослава, Луганска, многих населенных пунктах промышленного Левобережья и Юга Украины. Однако были и исключения.

В Киеве усилиями Г. Пятакова и его сторонников – Е. Бош, Н. Лебедева, В. Быстрянского, М. Зарницына и др. – ленинскому документу была противопоставлена «Платформа Киевского комитета РСДРП» («Киевская платформа»). Ее основная идея заключалась в том, что развитие производительных сил и социальная мощь пролетариата не достигли в России того уровня, когда в порядок дня может быть поставлена социалистическая революция. Вся политическая работа большевиков должна была сводиться только к реализации Программы-минимум РСДРП, рассчитанной на этап буржуазно-демократической революции⁸¹. Вопреки усилиям М. Савельева (Петрова), Е. Розмирович, некоторых других большевиков, решительно выступивших в поддержку ленинского стратегического плана, против попытки затянуть его обсуждение (по существу – сорвать), Г. Пятакову удалось провести решение о посылке на VII конференцию РСДРП(б) лишь своих сторонников с императивным мандатом – руководствоваться на форуме «Киевской платформой». Так формировалась по существу самая масштабная в партии, стране оппозиция ленинским тезисам. И хотя взгляды Г. Пятакова были отвергнуты подавляющим большинством делегатов общепартийного форума, понадобилось еще некоторое время, чтобы ленинский план был полностью одобрен Киевской организацией РСДРП(б)⁸².

Не без «шероховатостей» произошло сплочение киевских большевиков и на основе национальной программы партии. Но и в этом аспекте, преодолев нигилистические взгляды некоторых руководящих работников, удалось достигнуть понимания всей важности резолюции VII (Апрельской) конференции РСДРП(б) по национальному вопросу и использовать ее положения в практической деятельности. А это было чрезвычайно важно именно в Киеве – центре деятельности всех украинских партий.

⁸¹ Голос социал-демократа (Киев). 1917. 9 апреля.

⁸² См.: Солдатенко В. Ф. Наймасштабніша опозиція в РСДРП(б) курсу на соціалістичну революцію // Революційна доба в Україні: логіка пізнання, історичні постаті, ключові епізоди. К., 2011. С. 63–76; Он же. Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М., 2017. С. 108–127; Киевский комитет, выслушав и обсудив тезисы В. И. Ленина, находит их в общем неприемлемыми. Апрель 1917 г. // Исторический архив. 2017. № 2. С. 3–29; «Точка зрения Ленина в конце конференции захватила громадное большинство». Из протокола Киевского комитета РСДРП(б) от 8 мая 1917 г. // Там же. 2017. № 3. С. 12–23.

Надо сказать, что большевики имели в своем распоряжении научно обоснованную, всесторонне проработанную программу решения национального вопроса. Марксистское положение о том, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, что социальное освобождение пролетариата немыслимо без ликвидации национального угнетения, без свободы и равноправия всех народов, являлось краеугольным камнем тактики РСДРП(б) в национальном вопросе. «Полная свобода отделения, самая широкая местная (и национальная) автономия, детально разработанные гарантии прав национального меньшинства» – так определил В. Ленин основные положения программы революционного пролетариата в национальном вопросе в работе «Задачи пролетариата в нашей революции»⁸³.

Важнейшим требованием ленинской национальной программы было национальное объединение, сплочение трудящихся страны, обуславливавшиеся едиными для всех районов России экономическими и политическими факторами, общностью интересов и целей борьбы.

Руководствуясь этими идеями, большевики Украины рассматривали национально-освободительное движение как составную часть борьбы за победу социалистической революции. Именно с этих позиций они подходили и к оценкам отношения к важнейшему вопросу общественной жизни представителей других лагерей – либерально-реформистского и национально-государственного.

Естественно, правота, эффективность, как в данном вопросе, так и в остальных программных положениях и стратегических расчетах, обусловленных ими лозунгах, конкретных тактических шагах проверялась в горниле революционных сражений, в каждодневной практике.

Последняя же таила в себе немало сложностей, противоречий не только на главенствующем – социальном и общероссийском срезе противоборства, но и на региональном.

В Украине это было связано прежде всего с феноменом возникновения и деятельности Украинской Центральной рады. Латентно накатившаяся за многие годы и десятилетия освободительная энергия буквально вынесла ее на вершину общественной жизни в первые же дни после свержения самодержавия. Уже 3–4 марта на собрании представителей украинских партий и различных общественных организаций было решено образовать координационно-политический центр, формирование которого заняло несколько дней. Есть основания считать, что в основном оно завершилось 7 марта⁸⁴, а новообразование получило название Украинской Центральной рады.

Председателем Рады заочно был избран М. Грушевский – безусловно, самый авторитетный и влиятельный к тому моменту общественный украинский деятель, выдающийся ученый-историк. Особую популярность он приобрел своей многолетней последовательной борьбой за возрождение украинской государственнической традиции, научное воссоздание истории украинского этноса, украинского народа. Приступив к исполнению своих обязанностей с возвращением из Москвы, где ему довелось завершать ссылку, в марте 1917 г., М. Грушевский не оставлял их вплоть до последнего дня существования этого органа.

Заместителями председателя были избраны Ф. Кржижановский – кооператор, затем лидер Украинской трудовой партии Д. Дорошенко – историк, один из лидеров Товарищества украинских постепенцев. Товарищем председателя (практически также заместитель) стал Д. Антонович (член УСДРП), писарем С. Веселовский (член УСДРП), казначеем В. Коваль (кооператор, позже – украинский трудовик). Практически сразу Дорошенко отказался от своей должности и вообще от участия в Центральной раде. Его сменил В. Науменко – общественный и педагогический деятель, впоследствии один из создателей Украинской федеративно-демократической партии.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 168.

⁸⁴ Нариси історії Української революції 1917–1921 рр. Кн. 1. С. 96–105.

В первые дни фактическое руководство Центральной радой осуществлял Кржижановский, сдав свои полномочия Грушевскому 13 марта 1917 г. Организационную работу вел Антонович⁸⁵.

Грушевский сразу же принялся за выработку платформы (программы) дальнейшего поступательного движения украинства. В ряде научно-публицистических работ, оперативно выпущенных в виде небольших брошюр («Великий момент», «Откуда пошло украинство и куда оно идет?», «Кто такие украинцы и чего они хотят?», «Какой автономии и федерации хочет Украина» и др.) историк достаточно основательно и в то же время популярно изложил стратегические требования и тактику достижения целей национального движения. Это, собственно, было общее мнение лидеров украинских партий, Центральной рады.

Издавна считавшие самодержавие оплотом социального и национального гнета М. Грушевский, В. Винниченко, С. Ефремов, В. Прокопович, А. Никовский и другие политические лидеры украинского движения расценили Февральскую революцию как начало принципиально нового этапа в развитии, преобразовании бывшей «тюрьмы народов». Они считали, что наступил момент превращения абсолютистского централизованного государства в демократическую, децентрализованную, федеративную республику (союз национально-территориальных самоопределяющихся образований).

Потому исходной позицией лидеры Центральной рады определили заботу о необратимости начавшихся в Феврале процессов, обеспечении вклада всей нации в общее дело торжества демократии в России. Это прямо корреспондировалось с одним из краеугольных камней тогдашних представлений о сущности государственного устройства – «народоправство», то есть, народная власть, демократия, или, иными словами, – социализм (каждая украинская партия имела это определение в качестве обязательного в своем названии).

В самых общих чертах стратегию Украинской национально-демократической революции и государственного созидания М. Грушевский очень четко сформулировал в одной из первых статей 1917 г. – «Свободная Украина» («Вільна Україна»). «Требование народоправия и подлинно демократического строя на Украине в отделенной, несмешанной автономной Украине, связанной только федеративными узами то ли с иными племенами славянскими, то ли с другими народами и областями Российского государства, – это старый наш лозунг, – отмечал Глава Центральной Рады.

...Несомненно, он останется той сердцевинной политической платформой, на которой будет идти объединение жителей Украины без различия слоев и народностей. Средней между программой простого культурно-национального самоопределения народностей и требованием полной политической независимости»⁸⁶.

Глава Центральной рады пытался убедить всех тех, кто был способен логично мыслить и действовать (и украинцев, и русских), в целесообразности, взаимовыгодности, выигрышности отстаиваемого варианта достижения гармоничных отношений двух соседних народов.

Предоставление автономии Украине, по мнению М. Грушевского, не только не привело бы к ослаблению общероссийского государства, к его распаду, чего панически боялась и чем всех так грозно пугала русская элита, а, наоборот, – усилило бы тягу автономных национально-государственных образований к сплочению вокруг исторически сложившегося центра, к осознанному объединению (а в результате, понятно, – умножению) усилий для совместного решения назревших проблем, продвижения по пути прогресса.

Идеологи Украинской революции полагали, что при демократических порядках в автономном образовании можно будет эффективно реализовать интересы этнического большинства каждой территории, воплотить в конкретную политику его волю, не входя в серьезные

⁸⁵ См.: Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки. Т. 1. Рік 1917. С. 116–117.

⁸⁶ Грушевський М. Вільна Україна // Великий Українець. С. 99–100.

противоречия с национальными меньшинствами. В результате полная стратегическая национально-государственная формула приобретала следующий вид: широкая национально-территориальная автономия Украины в федеративной демократической республике Россия⁸⁷.

Лапидарно программу украинского национального движения В. Винниченко формулировал ясно и определенно: «Народоправие, широкое местное самоуправление, управление хозяйственной и политической жизнью местными силами, точное определение прав и обязанностей целого государства и автономной единицы...»⁸⁸

Вера в обязательное, неизбежное торжество демократии лежала в основе расчетов на то, что желаемого результата можно будет достичь почти автоматически, избежав конфликтов, даже исключая напряжение. Лидеры Украинской революции были убеждены, что общероссийская демократия, верная провозглашенным принципам, не должна была противиться волеизъявлению украинской нации и просто обязана была по достоинству оценить стремление украинцев не сепарироваться от русской, других наций бывшей империи, а искать общую базу для единых действий, упрочения федеративного государства. Получая возможность таким образом распоряжаться своей собственной судьбой, точнее – решать большинство важнейших вопросов самостоятельно, через автономные демократические органы власти, украинцы одновременно через принадлежность к федерации могли иметь и вполне ощутимые выгоды. Они бы пользовались преимуществами, которое имеет крупное государство на международной арене, эффектом от концентрации в единой государственной системе людских и материальных ресурсов. Поэтому федеративному центру логично было делегировать полномочия на проведение учитывающей интересы автономных образований внешней политики, строительство общих вооруженных сил, обеспечение функционирования единой финансовой системы, системы связи и путей сообщения, возможно, на решение и некоторых других важных для жизнедеятельности совместного государственного организма вопросов. Чрезвычайно важным представлялось и то, что при такой модели развития событий не разрывались бы живые экономические, политические, духовные связи, налаживавшиеся веками, – иное дело, что предстояло устранить имевшиеся тут перекосы и деформации⁸⁹.

Именно торжество демократии (ее высшим идеалом представлялось Учредительное собрание) должно было обеспечить такой прогресс в децентрализации бывшей империи, при котором определенные территории, на которых сложилось преобладание этнического элемента, получают право в собственных пределах вести дело сообразно с местными, национальными условиями и интересами (национально-территориальная автономия – ограниченное местное самоуправление, венчаемое представительным органом – Украинский сейм – аналог Учредительного собрания). Означенное представлялось хорошей и достаточной основой для решения проблемы, которая именовалась украинским вопросом. Ставя его в прямую зависимость от развития прогрессивных по содержанию событий в стране в целом, лидеры украинского движения не только не стремились противопоставить перспективную автономную Украину центрам России, а наоборот, с их деятельной помощью (демократической гарантией), не разрывая наработанных веками экономических, политических, идеологических, духовных и иных связей и традиций, достичь издавна вынашиваемой цели – найти возможности, пути к как можно более полновесной национальной самореализации в семье славянских народов (если «не заглядывать» в более далекую перспективу). Сущность стратегической цели, на которую ориентировалось украинство, излагалась М. Грушевским предельно четко и откровенно: «Украинцы не имеют желания от кого-либо отделяться, отгораживаться – они хотят только, чтобы им и всем гражданам Украины была возможность управлять краевыми делами, опреде-

⁸⁷ *Его же*. Хто такі українці і чого вони хочуть // Там же. С. 69–74; Якої ми хочемо автономії і федерації // Там же. С. 115.

⁸⁸ *Винниченко В.* Відродження нації. Ч. I. С. 44–45.

⁸⁹ *Грушевський М.* Якої ми хочемо автономії і федерації // Великий Українець. С. 121–131.

лять судьбу края без всяких вмешательств со стороны и без возможности таких вмешательств. Они сознают свои силы и способности и уверены в том, что когда край будет иметь свободу и будет гарантирован от всяких сдерживаний и вмешательств извне, он будет развиваться настолько сильно и успешно, что ему не нужно будет каких-либо искусственных ограждений от чужих влияний или конкуренций»⁹⁰. А принадлежность к великой и могучей державе позволяла бы эффективно воспользоваться ее очевидными преимуществами на международной арене, особенно важными в условиях продолжения мировой войны.

Весьма примечательно и то, что обозначенная перспектива была для лидеров Украинской революции не скороспелой, сиюминутной реакцией на сложившуюся ситуацию, видением только «близлежащих возможностей». Их воззрения – свидетельство того, что они, как наследники славных освободительных традиций кирилло-мефодиевцев, сохранили верность выношенным идеям славянской федерации. Торжество Российской революции, федеративное переустройство государства они считали важнейшей стратегической целью, открывающей путь к реализации давних замыслов европейского масштаба. «Я твердо верю, да и не один я, – убеждал М. Грушевский, – что великая революция российская, только бы ее защитить от упадка и анархии, – очень повлияет на политическое переустройство всей Европы, на ее превращение в Европейскую федерацию. О такой федерации думали издавна политики и специалисты государственного права: они считали ее логическим выводом со всего дальнейшего развития европейской жизни. Она только казалась очень далекой до последних событий – так как теперь кажется близкой и осуществимой. И вот почему я и другие несколько не озабочены полной политической независимостью Украины, не придаем ей никакого веса. Для ближайшего времени вполне достаточно широкой украинской автономии в федеративной Российской республике. А в будущем, надеемся, эта республика войдет в состав федерации европейской, и в ней Украина станет одной из наиболее сильных, мощных и надежных составляющих частей – одной из опор этой Европейской федерации»⁹¹.

Думается, есть немало оснований утверждать, что такой четкой, конкретной программы к тому моменту не смогла выработать ни одна политическая сила в России.

Достаточно вспомнить, что Временное правительство, поспешившее провозгласить страну демократической республикой, не удосужилось ни принять сколько-нибудь целостной, внятной концепции своей деятельности, ни хотя бы принципиально определиться относительно животрепещущих вопросов момента – об окончании войны и заключении мира, об отношении к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, о созыве Учредительного собрания и конфигурации органов исполнительной власти. Полная неопределенность оставалась в аграрном, национальном вопросах, всячески тормозилось принятие рабочего законодательства⁹².

Даже сравнительно более мобильные образования – порождения революционного творчества – Советы оставались долгое время в состоянии поиска приемлемой платформы. Ни мартовское совещание Советов в Петрограде, ни Первый Всероссийский съезд Советов в июне 1917 г. не смогли преодолеть разнобоя в подходах участников к назревшим проблемам жизни страны⁹³.

⁹⁰ Грушевський М. Звідки пішло українство і до чого воно йде // Великий Українець. С. 91.

⁹¹ Там же. С. 92.

⁹² См. семь томов академического издания: Революционное движение в России после свержения самодержавия» и поэтапно до октября 1917 г.: Документы и материалы. М., 1957–1982; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы. Март-октябрь 1917 г. Ч. 1–2. М.; Л., 1957; Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1966; Солдатенко В. Ф., Любовець О. М. Революційні альтернативи 1917 року й Україна. К., 2010. С. 42–62, 97–113, 154–183.

⁹³ См.: Вопросы истории КПСС. 1962. № 5. С. 112–120; Первый Всероссийский съезд Советов. М.; Л., 1930; Игнатов И. Е. Всероссийские съезды Советов рабочих и солдатских депутатов. Л., 1927. С. 78–87.

Хотя по объяснимым причинам, но все же только к концу апреля (Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), Петроград) смогли в общем и главном прийти к единству мнений большевики, совсем непросто воспринявшие курс на переход от буржуазно-демократической революции к социалистической⁹⁴. Впрочем, и в последующем тут не обошлось без определенных трений.

Естественно, никакой речи не могло быть о полном согласии во взаимоотношениях и координации позиций на ближайшую и отдаленную перспективу между общероссийскими партиями (Партия народной свободы (кадеты), меньшевики, эсеры, бундовцы и др.)⁹⁵.

Глава Центральной рады М. Грушевский, его тогдашний ближайший сподвижник В. Винниченко, их соратники выполнили в тот момент очень важную, можно сказать – исключительную, историческую миссию (на такую роль, кроме них, вряд ли вообще кто был способен в украинском политикуме) – они в кратчайшие сроки смогли убедить самые широкие слои нации в том, что предложенный ими вариант научно обоснован, логичен, реально вполне осуществим, продуктивен. Грушевский адаптировал для сознания украинца с двухклассным церковно-приходским образованием теоретические выкладки сложнейших вопросов о возможных государственных системах (их преимуществах и недостатках), о различных вариантах политических конструкций государств и, как абсолютно обоснованный вывод – требования широкой национально-территориальной автономии в федеративной демократической республике России. Именно этой цели он и подчинил все свое творчество и всю организационно-политическую деятельность.

* * *

Революционные времена, с их скоротечностью, спрессованностью событий, не позволяют силам, берущим на себя авангардную роль, долго доказывать правоту своих теоретических воззрений и построений. Платформы, концепции, программы проходят быструю апробацию жизнью. Приобретающие все больший опыт массы зачастую буквально в считанные дни выносят свои неумолимые вердикты партиям, их поведению, их лозунгам. Сравнительно быстро слетает с сущности предлагаемых курсов пропагандистская шелуха, обнаруживается политическая мимикрия тех, кто рядится в модные, популярные словесные наряды с целью прикрытия своих целей, на деле расходящихся с красивыми обещаниями.

Короткий по историческим меркам период между Февралем и Октябрем продемонстрировал динамику развития революционного сознания масс, необходимости оперативной выработки способности объективно оценивать позиции и действия политических сил, лагерей, примыкать к движениям, в наибольшей степени ориентированным на решение самых насущных, самых животрепещущих проблем, концентрирующихся на главных направлениях – обеспечении социального и национального прогресса, или хотя бы приближении к обеспечению условий, позволяющих преодолеть системный кризис, переломить негативные тенденции, вывести на открытую дорогу позитивных преобразований.

⁹⁴ См.: Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 145, 147, 151; Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958; История Коммунистической партии Советского Союза Т. 3. Коммунистическая партия – организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции и обороны Советской республики. Март 1917–1920 г. Кн. 1. (Март 1917 – март 1918 г.). М., 1967. С. 29–82.

⁹⁵ См.: *Думова Н.* Кончилось ваше время.: [О поражении кадетской партии в 1917 г.] М., 1990; *Меньшевики в 1917 году. Документы и материалы: в 3 т.* М., 1994/1997; *Канищева Н.* Конституционно-демократическая партия // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 267–273; *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т.* М., 2000; *Смирнова А. А.* На тернистом пути к нежеланной власти. Петроградские социалисты в февраль – мае 1917 года. СПб., 2005; *Ее же.* От коалиции к катастрофе. Петроградские социалисты в мае-ноябре 1917 года. СПб., 2006; *Солдатенко В. Ф., Любовец О. М.* Указ. соч. С. 46–62, 154–183; и др.

Временное правительство, от которого ожидали решительных, по-настоящему революционных мер, направленных на разрыв со вчерашними, самодержавными порядками, принципиальное дистанцирование от них, оказалось в положении несоответствия вызовам эпохи, народным чаяниям, более того – в противоречии даже с объявленными смутными обещаниями.

Заявив о том, что первейшей задачей является созыв Учредительного собрания, правительство очень медленно «раскачивалось», вступив на путь откровенных проволочек, параллельно пытаясь закрепить позиции цензовых элементов страны, противодействовать активизации масс, подъемам революционной волны. Признать такую линию прагматичной вряд ли можно, поскольку искусственное затягивание с реальными шагами по внедрению в жизнь идеала, с которым многие и многие связывали будущее страны, ее народа, оборачивалось нарастанием массового недовольства. Ведь перманентно отодвигалась и перспектива решения социально-экономических проблем, прежде всего аграрной, а также национальной, которые Временное правительство, поддерживающие его круги отказывались решать до созыва Учредительного собрания.

Жизненно важными, неотложными были вопросы войны и мира. Все правительственные партии и организации (прежде всего – либералы, меньшевики, эсеры), соглашательское руководство большинства Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выступали за продолжение войны до победного конца. Такая линия привела за короткое время (апрель-июль 1917 г.) к трем кризисам Временного правительства, перетасовкам (вариантам коалиций) в его составе, которые не только не завершались поворотами в стадию поиска эффективных, рациональных решений, а лишь каждый раз приводили к обострению общественных противоречий, усугубляли политическую ситуацию, оборачивались новыми репрессивными мерами против революционных сил, нарастающих массовых выступлений. Особенно активизировались антиреволюционные силы в после-июльский период. Восстановление смертной казни на фронте, запрет и преследования левых партий, разгул цензуры – самые наглядные примеры политического пейзажа тех дней.

Надо сказать, что лидерам Украинской революции практически не довелось затрачивать больших усилий для убеждения широких слоев украинства в правоте избранного курса, хотя в пропагандистской работе сыграл свою роль талант В. Винниченко, С. Ефремова, В. Прокоповича и др. Оказалось, что это именно те чаяния, которые веками внутренне вынашивались и к которым инстинктивно стремилась почти вся нация. В этом свете в значительной мере становится понятной та последовательность, с которой Центральная рада, получив от народа своеобразный мандат доверия, стремилась претворить в жизнь автономистско-федералистскую программу в своих трех первых Универсалах, принципиально ее отстаивала во взаимоотношениях с Временным правительством.

Типичной для 1917 г. стала картина: любого уровня собрания (вплоть до сельских сходок) обязательно избирали своим почетным председателем главу Украинской Центральной рады (так велик был авторитет М. Грушевского, даже портрета которого большинство украинцев никогда не видели, но о взглядах были уже наслышаны), а резолюции принимались в полном соответствии с пропагандируемой им платформой. В этих условиях даже бывшая Украинская народная партия, изменившая весной название на Украинскую партию самостийников-социалистов, во главе с Н. Михновским официально объявила о своей приверженности автономистско-федералистскому курсу⁹⁶. Самостийнические лозунги раздавались очень редко, а соответствующие надписи на транспарантах и флагах демонстрантов «тонули» в море призывов, сформулированных М. Грушевским⁹⁷.

⁹⁶ См.: Солдатенко В. Ф. Деміурги революції. Нарис партійної історії України 1917–1920 рр. С. 39–40.

⁹⁷ *Он же*. Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки. Т. I. С. 172–174; 228–241.

Доминирующие настроения той поры очень образно передает Винниченко, доказывающий, что в один миг исчезли все иные политические ориентации, кроме одной: «Всероссийская революция, Справедливость... За 250 лет пребывания в союзе с Россией, – с неподдельным пафосом, вдохновением пишет он, – украинство впервые в эти дни почувствовало себя в России дома, впервые интересы этой бывшей тюрьмы стали близкими, своими.

Мы стали частью – органической, активной, живой, желаемой частью – единого целого. Всякий сепаратизм, всякое отделение от революционной России считалось абсурдным, бессмысленным. Для чего? Где мы найдем больше того, что теперь мы имеем в России? Где во всем мире есть такой широкий, демократический, всеохватывающий строй? Где есть такая неограниченная свобода слова, собраний, организаций, как в новой великой революционной державе? Где есть обеспечение права всех угнетенных, униженных и эксплуатируемых, как не в новой России»⁹⁸.

Абсолютным торжеством таких настроений стали итоги работы Всеукраинского национального конгресса (съезда), состоявшегося в Киеве 6–8 апреля 1917 г. Обсудив наиболее животрепещущие проблемы переживаемого момента, делегаты пришли к единодушному заключению:

«1. Согласно историческим традициям и современным реальным потребностям украинского народа съезд считает, что только широкая национально-территориальная автономия Украины обеспечит потребности нашего народа и всех других народностей, живущих на украинской земле.

Что такое автономное устройство Украины, а также и других автономных краев России, будет иметь полные гарантии в автономном строе.

Потому единой соответствующей формой государственного устройства съезд считает федерацию и демократическую Республику Русскую.

А одним из главных принципов украинской автономии – полное обеспечение прав национальных меньшинств, проживающих на Украине»⁹⁹.

Считая свои планы ограниченной, «мягкой» децентрализации государства назревшими, справедливыми, конструктивными, не угрожающими целостности России, руководство Украинской революции всячески доказывало, что шаги центральной власти навстречу предполагаемой национально-территориальной автономии отдельных национальных краев и областей не только не будут иметь негативного, тем более разрушительного последствия, а наоборот – будут вызывать всевозрастающие симпатии, авторитет центра, доверие и тяготение к нему, вести к превращению окраин, получающих демократическое самоуправление, в прочную опору новой власти, нового строя.

Руководство Центральной рады с первых же дней революции предприняло довольно энергичные усилия, чтобы убедить Временное правительство, политические силы России в своей абсолютной лояльности новому, республиканскому строю, в его полной поддержке, готовности вносить свой вклад в закрепление демократии, в масштабах всей страны.

Не будучи сторонниками радикализма, форсированных, тем более – силовых методов достижения цели, стремясь к максимальной легитимности, почти к «стерильности» своих действий, руководители Центральной рады предлагали решить назревавший вопрос автономии Украины постепенно, поэтапно, надежно подготавливая широкое общественное мнение к адекватному восприятию намечаемых изменений.

Так, направив в середине мая 1917 г. делегацию в столицу, украинские лидеры обратились к Временному правительству и Исполкому Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов со специальной декларацией – докладной запиской. Создается впечатление, что

⁹⁸ Винниченко В. Назв. работа. С. 42–43.

⁹⁹ Українська Центральна Рада. Документи і матеріали: У двох томах. Т. 1. С. 5455.

Центральная рада не столько требовала законных прав для Украины, сколько извинялась за то, что ход событий, настроения масс вынудили ее обратиться к высокому руководству, «потревожить» его: «Украинская Центральная Рада как представительный орган в организованной украинской демократии до сих пор играла, да и сейчас играет, сдерживающую и направляющую в организованное русло роль.

Но она могла и может это делать только до того времени, пока эта организация идет в контакте с естественным развитием народного движения. Если в силу чего-либо она должна будет прекратить или даже утратить свою организационную деятельность, она будет снесена стихийным потоком»¹⁰⁰.

Руководители Украинской революции стремились убедить официальный Петроград в том, что они его союзники, что их беспокоят спокойствие и порядок в крае в той же степени, как и столичное начальство. И обращение к правящим инстанциям продиктовано прежде всего стремлением не выпустить взрывоопасную ситуацию из-под контроля: «Мы берем на себя смелость обратить самое серьезное внимание Временного правительства, Совета рабочих и солдатских депутатов и всей российской демократии на современное положение вещей и призываем пойти нам навстречу в решении нашего тяжелого, ответственного задания – направления украинской стихии по такому руслу, которое не только не помогало бы усиливающейся брани, а наоборот, помогло бы организации сил всей России...»¹⁰¹

В свете вышеизложенного определенным преувеличением представляется оценка авторов новейшего труда о том, что «весной 1917 года власть на Украине перешла к Центральной Раде»¹⁰². Реально этот процесс займет довольно значительное время и завершится гораздо позже.

Конечно, в плане социальной природы, программных ориентаций, избираемой тактики руководство Центральной рады было довольно близким, в чем-то по существу даже родственным, Временному правительству, умеренно-реформистским силам Петрограда. Потому оно стремилось сначала найти соглашение с официальным правительством и чтимым им руководящим государственным центром, оттягивая «на потом» реализацию нараставших требований масс. Грушевский пытался даже упредить возможную негативную реакцию российской стороны на провозглашенный совершенно закономерный лозунг «украинизации», публично призывал ни в коем случае не допустить рецидивов «насищенной украинизации».

Безусловно надуманными являются бытующие подчас подозрения, что украинская сторона, начиная с минимальных просьб – предложений центральной власти, далее хитростью (это, дескать, несложно предположить) могла втянуть официальный Петроград в процесс, по ходу которого затем неизбежно наращивала бы требования, ведущие к политической дестабилизации и в конце концов – к развалу страны.

Гораздо больше оснований считать искренними именно несколько неловкие оговорки в деловой, дипломатической переписке с Временным правительством (они отражались и в других официальных документах), согласно которым лидеры Украинской революции квалифицировали свои очень осторожные, эластичные шаги – просьбы к Временному правительству, как в значительной степени вынужденные. Массы не только доверяли Центральной раде, но и в условиях революционной эйфории все более проявляли нетерпение, начинали оказывать давление на своих вождей.

В 1917 г. шаг за шагом (где-то в обостренном противоборстве, где-то достигая очень незначительного понимания, согласия Временного правительства) как бы «нарабатывалась»

¹⁰⁰ Вісті з Української Центральної Ради. 1917. № 8. Травень.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² См.: История Новороссии. М., 2018. С. 441.

модель функционирования полиэтнического государства в условиях закрепления демократии, о стремлении к чему неустанно твердили практически все тогдашние политические силы.

Именно в этом контексте, как представляется, может быть, с наибольшей степенью вероятности и убедительности определен масштаб влияния украинского фактора на общероссийский революционный процесс 1917 г.

Однако Временное правительство попыталось строить взаимоотношения с Центральной радой на основе жесткого неприятия любых украинских инициатив. В официальных ответах на предложения, в ходе переговоров прибегали к любым аргументам – возражениям. Например: Временное правительство не вправе решать такие кардинальные вопросы, как территориальный, который может быть только компетенцией Учредительного собрания; непонятно вообще, что собой представляет Украина, каковы ее границы, кто имеет право претендовать на автономный статус; Центральная рада, сформированная по этническому принципу, не может претендовать на роль выразителя интересов всего многонационального населения Украины и т. д. Массы же в революционной атмосфере считали себя вправе явочным порядком решать вопросы, которые представлялись важными, актуальными. Так «снизу» началось движение за сплочение воинов украинцев в тылу и на фронте в отдельные украинские части. Для руководства этим процессом, его стимулирования в мае 1917 г. в Киеве был проведен Первый всеукраинский войсковой съезд. Работу в этом направлении было решено продолжить на Втором съезде, созыв которого был назначен на начало июня. Из Петрограда посыпались грозные оклики, воспевающие шаги по украинизации армии как разваливающие ее в условиях войны. Министр А. Керенский телеграммой запретил созыв Второго съезда, что обернулось обратным эффектом: дополнительная информация лишь увеличила число посланных из частей депутатов.

Прибывшие на форум солдаты торжественно поклялись не покидать Киев до тех пор, пока Центральная рада, не обращая внимания на реакцию Временного правительства, не примет государственного акта, определяющего судьбу Украины. До этого в подобном духе высказался и весьма представительный Всеукраинский крестьянский съезд¹⁰³.

В этих условиях, чтобы не разойтись с массами, от имени которых она говорила и действовала, Центральная рада наконец-то решилась выразить волю народа Украины в своем Первом Универсале, провозглашенном на Втором Всеукраинском войсковом съезде 10 июня 1917 г. Центральная идея документа заключена в словах: «Да будет Украина вольной. Не отделяясь от всей России, не разрывая с государством российским, пусть народ украинский на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью. Пусть порядок и строй на Украине дает избранное всеобщим равным, прямым и тайным голосованием – Всенародное Украинское Собрание (Сойм). Все законы, которые должны дать этот строй тут у нас, на Украине, имеет право издавать только наше Украинское Собрание.

Те же законы, которые должны порядок определить по всей российской державе, должны издаваться во Всероссийском парламенте»¹⁰⁴.

Фактически в Универсале начала реализовываться платформа (концепция) Украинской революции, утвержденная национальным конгрессом. А последовавший буквально через пять дней очередной шаг – создание Генерального секретариата во главе с очень влиятельным и популярным писателем и драматургом В. Винниченко, как органа исполнительной власти (с заявленными функциями правительства, характерными для государственных образований) недвусмысленно говорил в пользу намерений Центральной рады развивать и углублять начатый процесс.

¹⁰³ См.: Солдатенко В. Ф. Українська революція. Історичний нарис. С. 211–232.

¹⁰⁴ Вісті з Української Центральної Ради. 1917. № 9. Травень (май). В датировании номера очевидная техническая ошибка. – В. С.

Временное правительство, безусловно, чувствовало, и в принципе довольно объективно оценивало размах Украинской революции, в которой настроения масс (низов) оказались гораздо радикальнее (и нетерпеливее) в осуществлении весьма умеренной программы, предложенной Центральной радой. Это, скорее всего, и сказалось на поведении Временного правительства, которое серьезно нервничало, в частности, по поводу той же стихийно развернувшейся украинизации армии, к которой Центральная рада имела весьма опосредованное отношение, даже пыталась сдерживать самочинные действия солдатской массы. Официальный Петроград пытался действовать превентивно, «с порога» отвергая очень ограниченные, не выходящие за рамки элементарной демократии требования украинцев, всерьез полагая, что на этом процесс не остановится, покатится дальше – к развалу страны на неуправляемые национально-административные субъекты. Отсюда окрики, запреты, угрозы, реализация которых была не просто проблематичной, но и заведомо невозможной. В результате авторитет правительства в этой сфере терпел только ощутимый урон, а страх перед возможными последующими шагами со стороны активизирующегося украинского движения неудержимо нарастал.

В ситуации довольно ощутимого влияния украинского фактора на всю общественно-политическую жизнь страны Центральная рада, опираясь на массовый подъем, безусловно, могла добиться более серьезных достижений в реализации своей программы. Однако лидеры Украинской революции считали, что в условиях укрепляющейся демократии, за которую тоже, как полагали, несут ответственность, они обязаны исключить любые силовые приемы, даже тактику эластичного давления, и только легитимным способом получить желаемый результат, как законную реакцию, правомерное решение Временного правительства.

Избрав, таким образом, робкую, малоперспективную линию достижения стратегической цели, а именно – через зыбкую, больше утопическую, надежду убедить Временное правительство в необходимости спокойно, без возражений принять предложения украинской стороны, лидеры национально-освободительной революции были ошеломлены, оказались в растерянности, столкнувшись с резко негативными реакциями официального Петрограда.

Немало удивляло и то, что шовинистические действия Временного правительства решительно поддержали почти все общероссийские, в том числе позиционировавшие себя демократическими, партии, имевшие достаточно прочные позиции и в самой Украине.

Единственной партией, решительно выступившей в поддержку законных требований украинцев, их шагов к введению собственной государственности, были большевики. Их лидер В. И. Ленин в статьях «Украина», «Украина и поражение правящих партий России», «Не демократично, гражданин Керенский!» и др., опубликованных в «Правде», со всей бескомпромиссностью разоблачал «великорусских держиморд» за их позицию в украинском вопросе.

Процитировав в статье «Украина» положение I Универсала, которые касались требований разрешения национальной проблемы, В. И. Ленин отмечал: «Это совершенно ясные слова. С полнейшей точностью заявлено в них, что в данное время украинский народ отделяться от России не хочет. Он требует автономии, ничуть не отрицая необходимости и верховной власти “всероссийского парламента”. Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отрицать полнейшей законности украинских требований. Ни один демократ не может также отрицать *права* Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за *добровольное* соединение в одно государство двух народов. Именно безоговорочное признание этого права одно лишь в состоянии разорвать на деле, бесповоротно, до конца, с проклятым царистским прошлым, которое *все* сделало для *взаимоотчуждения* народов, столь близких и по языку, и по месту проживания, и по характеру, и по истории. Проклятый царизм

превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке»¹⁰⁵.

Гневно заклеив политику Временного правительства, вождь большевиков показал ее полный крах относительно Украины, призвал соглашательские партии, входившие в коалицию с буржуазией, поддержать права украинцев вплоть до отделения в собственное государство: «Революционная демократия России, если она хочет быть действительно революционной, действительно демократией, должна порвать с этим прошлым, должна вернуть себе, рабочим и крестьянам России, братское доверие рабочих и крестьян Украины. Этого нельзя сделать без полного признания прав Украины, в том числе *права* на свободное отделение»¹⁰⁶.

В. И. Ленин, большевики доказывали: путь к тесному интернациональному единению, как идеалу коммунистов, лежит именно через безоговорочное признание всех национальных требований, какими бы кардинальными они ни были. «Мы не сторонники мелких государств, – писал лидер РСДРП (б). – Мы за теснейший союз рабочих всех стран против капиталистов и “своих” и всех вообще стран. Но именно для того, чтобы этот союз был добровольным, русский рабочий, не доверяя ни в чем и ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, *не навязывая* им своей дружбы, а *завоеывая ее* отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм»¹⁰⁷.

Деятели украинского политического лагеря высоко оценивали подобную принципиальную позицию.

Однако не все большевики имели одинаковые взгляды на сущность украинской проблемы, пути ее разрешения. Особенно рельефно разноречиво сказывался в местных организациях. Так, лидер Киевской организации Г. Л. Пятаков, некоторые его сторонники выступали против лозунга права наций на самоопределение, рассматривали национальное движение как реакционное явление.

Руководство партийных организаций промышленных Левобережья, Донбасса, Юга (Э. И. Квиринг, С. И. Гопнер, В. Г. Юдовский, П. И. Старостин, А. И. Хмельницкий и др.) считали эти регионы неопределенно украинскими, предлагали решать вопрос об их включении в состав Украины путем референдумов.

Находясь в эпицентре украинского движения – Киеве, местные большевики очень сложно выстраивали свои отношения с Центральной радой, украинскими партиями, их руководством. В действиях последних наряду с демократическим содержанием в национальной сфере они усматривали противодействие радикальным, максималистским, интернационалистским настроениям и политике РСДРП(б) в главном вопросе – о свержении Временного правительства и установлении диктатуры пролетариата. А потому – позиция украинского руководства расценивалась как реакционная, контрреволюционная, буржуазно-националистическая.

Перспективу развития революции организации РСДРП(б) связывали не столько с Центральной радой, сплотившимися вокруг нее украинскими партиями (им, пожалуй, было больше недоверия и рассматривались они лишь в определенных эпизодах как временные, ситуативные попутчики), а с трудящимися массами, прежде всего с рабочими и крестьянами.

Из общей армии наемного труда, достигшей к началу 1917 г. 18,5 млн человек, на Украину приходилось более 3,6 млн, или около $\frac{1}{5}$ рабочих России. Наиболее организованным, сплоченным, политически активным отрядом пролетариата Украины являлись промышленные рабочие, численность которых превысила 636 тыс. человек (73 % всех промышленных рабочих). Приблизительно $\frac{2}{3}$ промышленных рабочих Украины были сосредоточены в

¹⁰⁵ Ленин В. И. Украина // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 341.

¹⁰⁶ Там же. С. 342.

¹⁰⁷ Там же.

Донецко-Криворожском бассейнах, что и предопределило особо значительную роль этого района в борьбе пролетариата за власть.

В деле революционной мобилизации пролетариата большевики исключительно большую роль отводили Советам рабочих депутатов, привлечению их на свою сторону.

В ряде мест большевики завоевали прочные позиции в Советах уже в момент их создания. Так, на Нелеповском руднике все 10 членов Совета рабочих депутатов, избранного 4 марта, были большевиками. Председателем Совета стал Н. И. Дубовой. Он же был и председателем объединенного Совета Щербиновки, Нелеповки и Никитовки. В Берестово-Богодуховском Совете 18 из 20 депутатов были большевиками. Возглавлял Совет большевик Р. Я. Терехов. Кальмиусско-Берестовский районный Совет возглавляли большевики Т. И. Кириленко и Д. Ф. Мельников. Председателем Херсонского Совета рабочих депутатов, несмотря на засилие в нем соглашателей, стал большевик И. Ф. Сорокин. В Полтаве председателем исполнительного комитета Совета в конце апреля избрали большевика С. Л. Козюру. В исполкоме Краматорского Совета 11 из 17 мест принадлежало большевикам, в исполкоме Луганского Совета большевики получили 11 мест из 35.

Деятельность большевиков в Советах была очень активной и разносторонней. Особое внимание они уделяли объединению и координации действий Советов в борьбе за решение общеполитических вопросов и удовлетворение насущных потребностей трудящихся.

По воспоминаниям активных участников революционной борьбы в Горловско-Щербиновском районе большевиков С. М. Белозерова, Я. Борина, Н. И. Дубового и М. И. Острогорского, «районный и местные Советы тогда же (с весны 1917 г. – *Авт.*) фактически являлись полновластными административными органами в районе, так как ими сразу же были захвачены милиция и все другие административные учреждения. Благодаря этому обстоятельству в районе не было более популярного лозунга, чем “Вся власть Советам!”»¹⁰⁸.

Несмотря на то что во многих городах Украины большевики в первых составах Советов составляли 10–20 %, они играли значительную роль в деятельности этих органов. Создав свои фракции, большевики организованно и планомерно выступали инициаторами революционных начинаний, требовали сокращения рабочего дня, улучшения положения рабочих, активно боролись против империалистической войны.

Члены РСДРП(б) повсеместно выступали инициаторами перевыборов Советов. Так, луганские большевики в июне приняли резолюцию, призывавшую «к реорганизации Совета путем введения туда новых представителей на основе пропорционального представительства и отзыва из Советов его членов, которые ничего общего не имеют с интересами рабочего класса»¹⁰⁹. Несмотря на сопротивление соглашателей, большевики Киева в результате майских перевыборов увеличили свою фракцию в Совете рабочих депутатов до 90 человек (около трети всех членов Совета), а в исполком провели 11 своих депутатов (из 40). В состав исполкома от большевистской фракции вошли А. В. Иванов, М. Л. Леонтьев, М. М. Майоров, А. А. Сивцов, И. М. Фиалек и др.¹¹⁰

В результате частичных перевыборов увеличилось количество большевиков в Винницком и Харьковском Советах. Перевыборы и в других местах Украины подтвердили, хотя в городских и уездных Советах непромышленных районов и в несколько меньшей степени, общую тенденцию вызревания классового сознания пролетариата, солдат, крестьян, постепенного падения влияния меньшевиков и эсеров, представителей других мелкобуржуазных пар-

¹⁰⁸ 1917 год в Горловско-Щербиновском районе // Борьба за Октябрь на Артемовщине: Сб. воспоминаний и статей. Харьков, 1929. С. 132.

¹⁰⁹ Борьба за власть Советов в Донбассе: Сб. документов и материалов. Сталино, 1957. С. 60.

¹¹⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Т. 1. С. 102.

тий, классовая позиция которых как пособников эксплуататорских классов становилась все более явной.

Призывы большевиков усилить влияние Советов, сосредоточить в их руках всю полноту власти встречали возрастающую поддержку трудящихся. Глубокий внутренний процесс революционизирования масс, происходивший в стране, проявился в их стремлении превратить Советы в действительно полновластные органы. Отдавая свои голоса большевикам или сочувствующим им беспартийным трудящимся, массы тем самым порывали с политикой соглашательства. И хотя в период двоевластия преобладающее большинство Советов оставалось эсеро-меньшевистским, первые перевыборы убедительно доказали временный, преходящий характер такого положения, неизбежность большевизации Советов в процессе дальнейшего развития революции.

Уделяя главное внимание завоеванию влияния в Советах рабочих депутатов, большевики развернули активную работу по воссозданию существовавших ранее и формированию всеохватывающей сети новых профсоюзов, избранию фабрично-заводских комитетов, созданию других организаций трудящихся и привлечению через них масс к активному участию в политической жизни, в подготовке социалистической революции.

Большевики Украины пользовались влиянием во многих профсоюзных организациях. В Киеве председателем союза металлистов был большевик А. В. Иванов, секретарем – большевик Е. Г. Горбачев. В Луганске в правлении профсоюза металлистов работали большевики Ю. Х. Лутовинов, А. П. Шелихов и др., в Екатеринославе председателем правления профсоюза металлистов был большевик И. Г. Жуковский, в Одессе – большевик П. И. Старостин. Во главе профсоюза металлистов в Харькове стояли Г. А. Романович, Ф. П. Судик и другие большевики. Позже этот союз возглавил Ф. А. Сергеев (Артем). В руководство союза металлистов Николаева, объединявшего 13 тыс. рабочих, входили члены РСДРП(б) И. С. Скляр, С. Ф. Радченко, Н. И. Лихачев.

Большевики Украины направляли борьбу и других профессиональных союзов. Так, в Киеве правление профсоюза портных полностью состояло из большевиков. Тут проводили работу Д. И. Иткинд и И. Ф. Смирнов. 20 человек насчитывала большевистская фракция союза печатников. В профсоюзе деревоотделочников работал В. Н. Боженко, кожевников – А. А. Сивцов.

Центральное бюро профсоюзов Луганска и Славяносербского уезда состояло преимущественно из большевиков. Председателем бюро был избран член РСДРП(б) И. Д. Литвинов, возглавлявший одновременно Луганский союз металлистов¹¹¹. Под влиянием и руководством большевиков действовали союзы горняков Горловско-Щербиновского и Макеевского районов. Работали члены РСДРП(б) и в других союзах. Однако в большинстве профсоюзов в середине года еще преобладали соглашатели, что предопределяло необходимость умножения усилий большевиков в борьбе за завоевание этих массовых организаций трудящихся.

Постепенно завоевывая большинство в руководящих органах профсоюзов, большевистские организации превращали профсоюзы в боевые революционные организации пролетариата, привлекая их к политической борьбе за победу социалистической революции.

Еще более успешными оказались результаты работы местных большевиков в фабзавкомках Украины. Под их влиянием фабзавкомы начали объединяться в городском масштабе. Руководство ими возглавили Центральные советы фабрично-заводских комитетов. В ряде городов Донбасса, в Харькове, Екатеринославе, Луганске, Киеве и других городах Украины руководство Центральными советами фабзавкомов возглавили большевики. Руководили они и фабзавкомами многих предприятий. Так, председателем завкома завода ВКЭ в Харькове был член городского комитета РСДРП(б) К. О. Киркиж. В состав рабочих комитетов и правлений

¹¹¹ Донецкий пролетарий. 1917. 21 июня.

входили члены Харьковского комитета С. Ф. Буздалин, А. Ф. Пастер, Г. А. Романович и другие большевики¹¹².

На многих предприятиях Донбасса, Екатеринослава, Харькова большевики значительно упрочили свои позиции в результате состоявшихся в апреле-мае перевыборов состава фабзавкомов. Председателем Брянского завкома в Екатеринославе был избран большевик Н. И. Хавский, секретарем – Э. И. Квириг (затем И. Г. Жуковский). Большевик Н. В. Копылов стал секретарем объединенного завкома трубопрокатных заводов¹¹³. В процессе большевизации рабочие комитеты наряду с защитой экономических интересов пролетариата все активнее включались в политическую жизнь. Уже в период двоевластия многие фабзавкомы Украины вели активную борьбу за осуществление лозунга «Вся власть Советам!». Часто именно эти организации оказывали действенную помощь большевикам в переизбрании Советов, отзывании делегатов, не оправдавших доверия трудящихся, замене их большевиками.

Массовые организации пролетариата под воздействием большевиков не только активно участвовали в решении различных вопросов, связанных с улучшением положения рабочих и других слоев трудящихся, в первую очередь солдат и беднейших крестьян, но и подводили их к пониманию необходимости социалистической революции, сосредоточения власти в руках Советов как главной предпосылки решения назревших задач общественного развития. Благодаря усилиям большевиков эти организации стали для масс подлинной школой общественно-политической деятельности, где рабочие и другие слои трудящихся приобретали необходимый политический опыт.

В процессе развертывания революционной борьбы происходило постепенное объединение действий Советов, профсоюзов, фабзавкомов, создавались условия для еще более широкого сплочения рабочего класса. При этом объективной основой достижения прочного единства рядов пролетариата является переход рабочих масс, в первую очередь их организаций, на ленинские позиции, их неуклонная большевизация.

С первых дней Февральской революции на большинстве крупных предприятий, где, как правило, существовали влиятельные большевистские организации, началось формирование отрядов рабочей милиции и рабочих дружин. Уже в конце марта – начале апреля рабочие дружины Украины насчитывали в своих рядах 5–6 тыс. человек. В Киеве и Одессе их численность достигала 1000 человек, в Харькове и Екатеринославе – 500–600, в городах Донбасса и Юга – 200–300 человек. В Одессе к концу мая на многих заводах были образованы красногвардейские «десятки», а на более крупных предприятиях, таких как РОПиТ, «Анатра», железнодорожные мастерские, – красногвардейские «сотни». Два отряда красногвардейцев, находившихся под практически безраздельным большевистским влиянием, было создано членами союза рабочей молодежи Одессы¹¹⁴.

Первоначально формирование Красной гвардии осуществлялось при партийных организациях, в отряды зачислялись преимущественно большевики. Со временем к формированию вооруженных сил пролетариата все более активно привлекались массовые организации рабочего класса. По поручению партийных комитетов организацией Красной гвардии занимались партийные работники: в Харькове – Е. Д. Тиняков, Луганске – А. Я. Пархоменко, Екатеринославе – Т. Л. Бондарев и М. И. Потапов, Одессе – Н. И. Чижиков и А. В. Трофимов, в Киеве – А. В. Иванов, В. Н. Боженко, Каменском – В. В. Тржасковский. Начавшийся процесс создания вооруженных сил пролетариата имел чрезвычайно важное значение. Определяя роль первых

¹¹² См.: Гриценко А. П. Робітничий клас України у Жовтневій революції. С. 77–78.

¹¹³ Жуковский И. (Трубний Мирон). На шляхах до Жовтня // Борці за Жовтень розповідають. 1957. С. 117.

¹¹⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 70. Оп. 3. Д. 59. Л. 81, 217.

отрядов Красной гвардии, В. И. Ленин называл их «зачатком *новой* армии, организационной ячейкой *нового* общественного строя»¹¹⁵.

Через созданную систему организаций рабочего класса пролетарии вовлекались в активную политическую жизнь, в решение назревших социально-экономических проблем. Они все в большей мере сознавали свою возрастающую роль, совершенствовали классовое мировоззрение, ежедневно, ежечасно, в зависимости от обстановки и наличных сил, отстаивали завоеванные позиции, расширяли плацдарм для новых наступлений, готовились нанести решающие удары по капитализму.

Не ограничиваясь «мирными» формами борьбы, большевики призывали трудящихся к испытанному средству – стачкам, которые в 1917 г. приобрели особую организованность, продолжались длительное время. В период мирного развития революции на Украине произошло 117 стачек, из них 30 – отраслевых¹¹⁶. Особенно успешной была стачечная борьба рабочих Харькова, Екатеринослава, Луганска, Киева, у руководства которой стояли большевики. Всеми имевшимися в их распоряжении средствами (оперативной информацией о ходе забастовок, обращениями и призывами к их поддержке, к активизации действий, а также вхождением в руководящие органы забастовщиков, формулированием целей борьбы, требований к предпринимателям и т. п.) большевики способствовали росту масштабов, массовости стачечного движения, достижению намеченных задач, завоеванию все новых рубежей.

Организации РСДРП(б) вели похожую деятельность и в других слоях населения, стремясь завоевать союзников для пролетариата. Большое внимание обращалось на крестьянство, в среде которого более 57 % составляли бедняки, эксплуатируемые не только помещиками, но и кулаками (более 12 % от общего числа сельских жителей)¹¹⁷.

Большевистские организации Украины провели значительную работу по разъяснению крестьянским массам значения образования Советов крестьянских депутатов, оказали действенную помощь в их создании, слиянии с Советами рабочих и солдатских депутатов. В период двоевластия на Украине было организовано 38 уездных и 4 губернских Советов крестьянских депутатов (Киевский, Харьковский, Черниговский и Таврический)¹¹⁸. Но недостаточно высокий уровень сознательности крестьянских масс сказывался на партийном составе Советов, где довольно сильным было влияние соглашателей, особенно эсеров.

Для разоблачения несостоятельности аграрной политики соглашателей большевики нередко использовали трибуны крестьянских съездов (всего на Украине в период двоевластия состоялось 72 крестьянских съезда – 14 губернских и 58 уездных), различных собраний¹¹⁹. Так, на проходившем 30 апреля – 4 мая крестьянском съезде Херсонской губернии, в котором принимали участие 332 делегата, большевики И. С. Скляр и Я. И. Ровинский в своих выступлениях призывали к единству рабочих и крестьян в борьбе за власть Советов. Делегаты съезда с большим вниманием отнеслись к речам представителей большевистской партии.

Большевистская партия обращалась к передовым рабочим и революционным солдатам с призывом широко развернуть пропаганду и агитацию среди крестьян, разъяснять им цели революции, помогать освобождаться из-под влияния буржуазии и ее пособников. Трудящиеся крестьяне с большим энтузиазмом встречали деятельность большевиков в деревне, приветствовали их начинания, просили умножить усилия в деле проведения в жизнь ленинской аграрной программы, подлинно революционной тактики. «В том, что вы требуете разрешения этого вопроса (земельного. – *Авт.*) до Учредительного собрания, вы вполне правы, – говори-

¹¹⁵ Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 295.

¹¹⁶ Грищенко А. П. Робітничий клас України у Жовтневій революції. С. 96.

¹¹⁷ Королевский С. М., Рубач М. А., Супруненко Н. И. Победа Советской власти на Украине. М., 1967. С. 47.

¹¹⁸ Гамрецький Ю. М., Тимченко Ж. П., Щусь О. Й. Ради України в 1917 р. С. 17.

¹¹⁹ См.: Тимченко Ж. П. Селянські з'їзди на Україні в 1917 р. // УІЖ. 1969. № 11. С. 113, 114–117.

лось в одной из корреспонденций в екатеринославскую «Звезду». – Вы в этом направлении кое-что уже сделали... За вас будет стомиллионное крестьянство, а главное – вся армия. И если вы начали это великое дело, то продолжайте его, не страшитесь никаких препятствий»¹²⁰.

Крестьяне с. Навозы Черниговской губернии писали в «Правду»: «Из далекой глуши, куда долетает твой смелый клич, клич борьбы с помещичьей и капиталистической Россией, приветствуем тебя как истинную защитницу интересов рабочего класса и многомиллионного крестьянства»¹²¹.

Большевики активно поддерживали процесс демократизации в армии, приветствовали создание солдатских комитетов и Советов солдатских депутатов, слияние последних с Советами рабочих и крестьянских депутатов. В марте-апреле комитеты были избраны в большинстве гарнизонов Украины и на кораблях Черноморского флота. Только на Юго-Западном фронте в солдатские комитеты входило более 75 тыс. человек¹²². Ко второй половине мая на этом фронте было создано более 10 600 комитетов, в том числе 4 армейских, 24 корпусных, 88 дивизионных, 535 полковых и около 10 тыс. ротных. В большинстве комитетов преобладали соглашатели. Из созданных на всех фронтах 14 армейских комитетов только комитет XI армии Юго-Западного фронта возглавил большевик Н. В. Крыленко. Большевик Г. В. Разживин был избран руководителем комитета 1-го Туркестанского корпуса, большевик Я. К. Пальвадре – комитета 1-го Гвардейского корпуса. Большевики В. А. Баруздин, Н. Г. Крапивянский, М. Н. Коковихин, Я. Я. Безайс являлись председателями полковых и дивизионных комитетов. В солдатских комитетах действовали и другие большевики.

Параллельно с солдатскими комитетами создавались Советы солдатских депутатов. По неполным данным, в мартовские дни 1917 г. на территории Киевского военного округа начали действовать 28 Советов солдатских депутатов, 22 Совета офицеров и военных чиновников и 5 объединенных Советов. К началу октября тут было создано 6 °Советов солдатских и офицерских депутатов¹²³.

Рассматривая солдатские комитеты и Советы солдатских депутатов как важнейшее средство борьбы за демократизацию армии, революционизирование солдатских масс, большевики создали в качестве опорных пунктов борьбы за солдатские массы свои фракции в выборных армейских органах.

Благодаря действиям большевиков были сорваны попытки буржуазии и контрреволюционного командования изолировать солдатские массы от пролетариата, было достигнуто объединение большинства Советов солдатских депутатов с Советами рабочих депутатов, что способствовало усилению пролетарского влияния на армию.

Идеи братания все шире овладевали солдатскими массами, активизировали их позицию по отношению к войне и виновникам ее продолжения. Н. В. Крыленко вспоминал, как он в составе группы солдат 13-го Финляндского полка участвовал в братании, после чего «был немедленно вызван в штаб, где получил строжайший выговор. В ответ на это солдаты отправили депутацию к командиру полка с угрозой поднять на штыки весь штаб, если ко мне будут применены репрессивные меры. Это была уже прямая угроза, прямой переход к революционным действиям»¹²⁴.

Работа большевиков в солдатской среде приносила свои плоды. Все чаще солдаты одобряли резолюции с требованиями передачи всей власти Советам, перевыборов Советов солдат-

¹²⁰ Звезда. 1917. 14 июля.

¹²¹ Правда. 1917. 6 мая.

¹²² Голуб П. А. Партия, армия и революция: Отвоение партией большевиков армии на сторону революции, март 1917 – февр. 1918. М., 1967. С. 34.

¹²³ Щусь О. Й. Створення Рад солдатських депутатів у тилкових гарнізонах України в 1917 р. // Великий Жовтень і громадянська війна на Україні. С. 54.

¹²⁴ Голуб П. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов. С. 40.

ских депутатов. Так, после выступления члена Киевского комитета РСДРП(б) А. Б. Горвица перед солдатами 148-й Воронежской дружины была принята резолюция о переходе всей власти к Советам, с осуждением политики подготовки наступления на фронте¹²⁵. Подобные резолюции одобрили солдаты многих частей Екатеринославского и Харьковского гарнизонов. Участились факты, когда солдаты крайне неодобрительно, порой даже враждебно, относились к выступлениям оборонцев на митингах

и собраниях. В то же время речи большевистских ораторов вызывали их одобрение. Так было, например, 18 июня в Виннице во время организованного соглашателями митинга-концерта.

16 июня военному министру Керенскому, посетившему гвардейский полк XI армии, была вручена резолюция с выражением недоверия Временному правительству. Гренадеры заявили, что слушать Керенского не будут. Очевидец этих событий комиссар Временного правительства Кириенко отмечал, что «гренадерский полк – это маленький Кронштадт со всеми специфическими особенностями оплотов большевизма... Полк быстро воспринял большевистскую окраску и кроме большевистской литературы не доверял никакой другой»¹²⁶.

Все направления и формы борьбы большевиков за массы были рассчитаны на то, чтобы создать перевес сил, образовать большинство, готовое сломить сопротивление классового врага и обеспечить решение кардинального вопроса классовой борьбы – о власти, поддержать революцию, закрепить ее завоевания. Осуществляя ленинские выводы и установки о формировании политической армии социалистической революции, слиянии в единое русло различных потоков революционного движения, большевики спланировали под своими знаменами и постепенно увлекали за собой большинство политически активной части общества.

Вместе с мощным нарастанием волны национально-освободительного движения ситуация на Юге России, то есть в Украине, накалялась все больше буквально с каждым днем, угрожая правящей верхушке страны непредсказуемыми последствиями, неотвратимыми потрясениями уже в ближайшее время.

Конечно, всех этих обстоятельств и тенденций в комплексе не могло не видеть, не понимать и не учитывать Временное правительство. Чувствуя, осознавая, что политика грубого противодействия любым подвижникам в Украине все более обнаруживает свою бесперспективность, может обернуться полным проигрышем, официальный Петроград решил сманеврировать, перехватить инициативу и прежде всего остановить своевольные действия Центральной Рады, дабы не допустить непоправимого развития событий. В Киев была направлена делегация (И. Церетели, М. Терещенко, Н. Некрасов), к которой присоединился А. Керенский¹²⁷.

Поскольку серьезных аргументов для противодействия объективно назревшим переменам (впрочем, как и реальных сил) у официального Петрограда не существовало, был запущен механизм торга, взаимных компромиссных уступок. За признание свершившимся фактом (т. е. легитимизацией) провозглашения автономного статуса Украины (а значит – и признание законной Центральной рады как ее высшего руководящего органа), согласие на формирование Генерального секретариата как местного органа власти Временного правительства столичные министры добились серьезных уступок со стороны представителей Центральной рады (официальные переговоры с украинской стороны вели М. Грушевский, В. Винниченко, С. Петлюра¹²⁸). Таковыми стали обещание не делать впредь, до созыва Учредительного собрания или без согласия столичных властей, никаких самовольных шагов в деле форсирования автономии

¹²⁵ Голос социал-демократа. 1917. 1 июня.

¹²⁶ Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969. С. 156.

¹²⁷ См.: 1917 года на Киевщине: Хроника событий. Харьков, 1928. С. 142–144; Українська Центральна Рада. Т. 1. С. 160–163; Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки. Т. 1. Рік 1917. С. 281–284.

¹²⁸ Верстюк В. Ф. Українська Центральна Рада. Навчальний посібник. С. 165.

Украины, включить в Центральную раду представителей национальных меньшинств сообразно их удельному весу в составе населения, по существу сдерживание стихийного процесса украинизации армии (осуществлять подобного рода неотвратимые действия лишь в крайнем случае и с согласия военного министра и Верховного главнокомандующего).

Договоренности легли в основу двух симметричных документов – постановления Временного правительства по украинскому вопросу и Второго Универсала Центральной рады, обнародованных в один день – 3 июля 1917 г.¹²⁹

Однако кадеты спровоцировали новый кризис, отозвав своих однопартийцев из правительства. Официально – в знак несогласия с достигнутыми в Киеве договоренностями, воспринятыми как недопустимая уступка «европейскому профессору (М. Грушевскому) и его коллегам». Попутно следует заметить, что авторы солидной монографии «История Новороссии» почему-то связывают июльский кризис с появлением Первого, а не Второго, Универсала Центральной рады¹³⁰.

Правительственный кризис совпал с общеполитическим, положившим начало открытому наступлению правых сил на демократические завоевания, рекламируемое как стремление «спасти страну», предотвратить надвигающиеся разруху, хаос, анархию. Привязавшись к «правительственной колеснице», лидеры Украинской революции, стремившиеся исключить из своего арсенала нелегитимные действия, пытавшиеся достичь желаемого результата мирными, ненасильственными методами, скорее проиграли, чем выиграли, ограничились своими возможностями для перспективных действий.

И происходила такая метаморфоза не столько через мощное противодействие Временного правительства, его расчетливую и жесткую политику, сколько из-за непоследовательности поведения лидеров Украинской революции, боявшихся развития, нарастания национально-освободительного движения (все признаки объективной готовности масс, их сознания, настроений для серьезного углубления борьбы были налицо), особенно в сфере украинизации армии, где каждый 4-5-й военнослужащий в 1917 г. был родом из Украины.

Думается, есть достаточно веских оснований считать, что с начала июля влияние украинского фактора, олицетворяемого силами национально-демократической революции (Центральная рада, Генеральный секретариат, органы украинской власти на местах, национальные общественные организации), начинает медленно, но неуклонно снижаться, занимать все меньшее место в общем балансе процессов общероссийского характера.

Это весьма наглядно подтвердили уже события 3–5 июля в Киеве, получившие в документах и, соответственно, в историографии наименование «выступления полуботковцев»¹³¹. Конфликтная ситуация вызревала несколько ранее, а апогей ее обострения пришелся на момент переговоров правительственной делегации с представителями Центральной рады в Киеве.

Руководствуясь желанием избежать конфронтации с официальной властью, Центральная рада, Генеральный секретариат старались погасить национальный порыв солдатской массы к самостоятельности, созданию Второго добровольного украинского полка имени гетмана П. Полуботка. Лидеры Украинской революции болезненно рефлексировали на то, что в свое время (в апреле) не проявили должной твердости, когда надлежащим образом не противодействовали инициативе М. Михновского и его коллег, придерживавшихся «самостийнических» ориентаций, явочным порядком создать Первый украинский полк имени гетмана Богдана Хмельницкого. Центральная рада по существу тогда потерпела поражение и не хотела его

¹²⁹ Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Т. 1. С. 160–168.

¹³⁰ См.: История Новороссии. С. 442.

¹³¹ Детальное освещение вопроса см.: Солдатенко В. Ф., Солдатенко И. В. Виступ полуботківців у 1917 р. (Спроба хронікально-документальної реконструкції подій) // Український історичний журнал. 1993. № 7/8. С. 17–29; № 9. С. 28–39; № 10. С. 3–20.

повторения¹³². А недовольства, гнева Временного правительства украинские лидеры боялись больше, нежели утраты авторитета среди воинов, желавших прислужиться национальной идее (хотя среди добровольцев оказалось и определенное число лиц с сомнительной, а то и откровенно порочной репутацией).

Однако, никакие увещания функционеров Центральной рады, Генерального секретариата, Украинского генерального войскового комитета (В. Винниченко, С. Петлюры, А. Шульгина, М. Ковалевского, М. Стасюка, М. Полоза и др.) не возымели должного влияния на более чем пятидесятитысячную массу воинов, сконцентрировавшихся на сборном пункте в селе Грушки, в непосредственной близости к Киеву и требовавших объявить их самостоятельной национальной формацией. Лидеры же Украинской революции настойчиво добивались немедленной отправки солдат на фронт как обычного подразделения, главное – подальше от Киева.

После бурных дискуссий снятые с довольства солдаты – полуботковцы 5 июля организовано вошли в Киев, взяли под свой контроль ряд стратегически важных пунктов и потребовали от Центральной рады удовлетворения своих предложений. Однако руководство Рады вошло в соглашение с командованием Штаба Киевского военного округа, верными ему частями и с участием Украинского полка им. Б. Хмельницкого добилось вытеснения взбунтовавшихся солдат из города, водворения их в казармы распределительного пункта. Там часть «заговорщиков» была арестована, остальные разоружены и в спешном порядке отправлены по железной дороге на фронт¹³³.

При этом глава украинского правительства В. Винниченко слал в Петроград, где так же было весьма беспокойно, телеграммы поддержки правительству, успокаивая столичные власти, заверял, что с непокорными элементами удастся справиться, сохраняя порядок. Вот одна из телеграмм Временному правительству: «В ответ на ваш запрос об откликах в Киеве на события в Петрограде, сообщаю: Центральной радой и исполнительными комитетами послана в Петроград телеграмма с заявлением о полной готовности всеми силами поддерживать В. П. и с осуждением выступлений безответственных групп. Издано воззвание к населению Киева и всего края. Однако петроградские события отозвались и здесь.

В ночь на 5 июля группа украинцев – солдат около 5000 чел., образовавшаяся из проходящих через распределительный пункт эшелонов, самовольно и вопреки разрешению У.Г.В.К. (Украинский Генеральный войсковой комитет. – В. С.), назвавшие себя полком имени гетмана Полуботка, захватила арсенал, вооружила себя и поставила караулы у правительственных учреждений. Немедленно Г.С. (Генеральный секретариат. – В. С.) принял решительные меры к восстановлению порядка. Вызванные войска гарнизона, как украинцы,

так и русские (здесь и далее подчеркнуто мною. – В. С.) охраняют город. Часть восставших арестована, остальные – под влиянием решительных мер Г.С. оставляют крепость и арсенал, охрану которых принимает на себя полк имени Богдана Хмельницкого, саперы, юнкера и другие части гарнизона. По согласованию Г.С. с командующим округом охрана города, окрестностей и восстановление порядка поручены члену У.Г.В.К. ген. Кондратовичу.

Секретариат в деле успокоения города идет в тесном контакте с местными комитетами общественных организаций и С.Р. и В.Д. (Советом Рабочих и Военных Депутатов, тут В. Винниченко допускает неточность – в Киеве Совет рабочих и Совет военных депутатов существовали и действовали отдельно. – В. С.). Местные организации большевиков, вместе с другими революционно-демократическими организациями, способствуют успокоению. Не верьте агентам и газетным сообщениям, они составлены поспешно, под влиянием непроверенных слу-

¹³² См.: Солдатенко В. Ф., Хало Л. Г. Військовий чинник у боротьбі за політичну ідентифікацію в Україні в 1917–1918 рр. К., 2002. С. 51–55.

¹³³ Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки: в 4 т. Т. 1. Рік 1917. Харків, 2008. С. 309–324.

хов, циркулирующих среди напуганного населения. Установлен пока только один случай ранения»¹³⁴.

Уже сам исторический эпизод, характер его протекания, поведение украинской власти (во всяком случае, подобным образом себя позиционирующей) демонстрируют серьезный симптоматичный дрейф Украинской революции на сближение, отчасти солидаризирование, и даже смыкание, не столько с демократическими элементами республиканского курса Временного правительства, детерминированного революционной эпохой, сколько с совершенно очевидным креном официального Петрограда «вправо», откровенным стремлением ужесточения методов реагирования на развитие спонтанных тенденций массового поведения, не укладывающихся в «прокрустово ложе» политического истеблишмента.

Но еще более поразительно, как подобное поведение не просто оправдывает, а по существу с неким победным, если не торжествующим видом восхваляет демократ, лидер партии социал-демократов, еще вчера разоблачавший империалистические великодержавные выпады против украинцев, да и, собственно, персонально против себя самого.

Немало удивляет (что, правда, с другой точки зрения может оцениваться как оправданные действия) и то, что довольно влиятельные политические силы прибегли к провокационным попыткам направить развитие событий в Киеве по «петроградскому сценарию». Начали усиленно распространяться слухи, появились панические публикации о том, что выступлением полуботковцев руководят

большевики, что существует связь между столичными и киевскими заговорщиками. Однако никаких реальных фактов подобные утверждения не имели, кроме тех, что активно притесняемые как местными органами власти Временного правительства, так и функционерами, направляемыми Центральной радой, страдавшие солдаты, ища «спасительную соломинку», обращались в конце концов за защитой к большевикам, которые просто не имели для того возможностей. Это признавал и Председатель Центральной рады М. Грушевский¹³⁵.

Впрочем, орган УСДРП «Робітнича газета», редактором которой был В. Винниченко, робко искала виноватых и в лице кадетов, и – более решительно – в лице самостийников во главе с М. Михновским, в руководимом им воинском Клубе полуботковцев¹³⁶.

В свете изложенного вряд ли можно согласиться со стремлением некоторых авторов квалифицировать выступление полуботковцев как «неудачную попытку украинства уже летом 1917 г. провозгласить независимость Украины»¹³⁷.

Неординарное явление олицетворило всю многогранность, противоречивость революционного процесса в Украине, соединение в нем элементов стихийности и осознанности, целеустремленного действия, высокого благородного порыва и эгоистического интереса, зеркально отразив все величие и трагизм переживаемой эпохи.

Один из выводов, который невольно напрашивается, заключается в том, что где-то с рассматриваемой хронологической вехи, а может – и конкретно – непосредственно именно с нее – начинает заметно угасать запал, порыв, инициативность, напор, страсть сторонников национальной революции, исчезает присущая ранее дерзость, стремительность. Конечно, больше, и в первую очередь, это проявлялось в настрое и поведении лидеров, порожденных в значительной мере сомнениями, неуверенностью в своих силах, потенциале сегмента общества, который они всколыхнули, призвали под свои знамена. Можно с большой долей уверенности говорить об уменьшении влияния украинского фактора на общероссийский процесс.

¹³⁴ Киевская мысль. 1917. 6 июля.

¹³⁵ Грушевский М. Спомини // Київ. 1989. № 10. С. 146.

¹³⁶ Робітнича газета (Київ). 1917. 6, 7, 10 липня.

¹³⁷ Капелюшный В. П. Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917–1921 рр.). С. 128–129.

О явном смятении украинского руководства, боязни дать повод петроградским властям заподозрить себя в нелояльности, несоблюдении взятых обязательств красноречиво свидетельствует и факт, описанный в мемуарах главы Центральной рады М. Грушевского. Дело было как раз в момент обострения кризиса, связанного с полуботковцами. «4 июля, – вспоминает историк, – пришла ко мне, к Центральной Раде, депутация от эшелона, который следовал из Саратова на фронт. Заявили, что воины этого эшелона – украинцы – провозгласили себя полком моего имени и просят меня принять от них парад». Судя по всему, Грушевский не только был застигнут врасплох, но и серьезно колебался, как поступить. Потому он «послал их к Генеральному воинскому комитету и вскоре получил ответ Генерального комитета, что он (т. е. УГВК. – В. С.) принципиально согласен признать их «вторым украинским полком Грушевского, если они под этим титулом не собираются уклоняться от военных приказов (подчеркнуто мною. – В. С.)»¹³⁸. Вот что, оказывается, больше всего беспокоило и руководство Центральной рады и органа, в чьи руки официально попало дело украинизации армии – УГВК во главе с С. Петлюрой, а именно – назваться можно как угодно, главное не войти в конфликт с воинским начальством и побыстрее оставить Киев. Только получив соответствующие заверения, М. Грушевский «принял парад, поприветствовал это (...) людское стадо, посланное на убой, поцеловал икону – показанную мне полковую святыню. Неделей позже их отправили на фронт – они пошли безо всякого колебания»¹³⁹.

Что и говорить, подобная путанная, боязливая политика Центральной рады не просто вносила дезорганизацию в процесс украинизации армии, доверенный мало что сведущему в данной сфере С. Петлюре, но и превращала Украинскую революцию, национально-государственное созидание в крайне уязвимое, незащитное дело перед великодержавническими поползновениями и акциями Временного правительства.

Последнее же по-своему расценивало колебания Рады, Генерального секретариата, рассчитывая, что без надлежащей физической силы, без вооруженной опоры Украинская рада не составляет серьезной угрозы, не сможет противостоять грубому натиску, вынуждена будет согласиться с тем, что ей продиктуют, прикажут из столицы.

Подтверждений этому долго ждать не пришлось. Уже в конце июля разыгрались трагические события – обстрел приглашенной в Киев командующим войсками Киевского округа К. М. Оберучевым командой кирасиров Первого Украинского казачьего полка им. Б. Хмельницкого, направлявшегося на фронт. За показательную (или назидательную) гибель полутора десятка и ранение трех десятков солдат ответственности никто не понес, да и не собирался¹⁴⁰.

А параллельно происходило дальнейшее ослабление главных центров украинского движения.

Превратившись из национального в краевой орган, численно увеличившись за счет прилива представителей от национальных меньшинств (россиян, евреев, поляков и др.), Центральная рада, ее Президиум (Малая рада) вроде бы добились единения демократических сил, а на самом деле эффект оказался более символическим, пропагандистским, а не деловым. Начался процесс размыwania пусть ранее менее многочисленной, но зато более монолитной мобильной армии активных борцов за украинскую идею, торжество украинского дела. Усложнилось, стало подчас более тяжелым принятие важных решений, усилились внутриинституциональные противоречия.

Затормозился процесс становления Генерального секретариата. Над прибывшей в Петроград делегацией для согласования «Устава высшего управления Украиной» откровенно издевались, всячески унижали. В конце концов правительство «спустило» Временную инструк-

¹³⁸ Грушевский М. Спомини // Київ. 1989. № 10. С. 146.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ См.: Солдатенко В. Ф., Халю Л. Г. Указ. соч. С. 143–146.

цию Генеральному секретариату (вместо 14 секретарей должно быть 8, из них не менее 4 являться не этническими украинцами, пределы юрисдикции украинской власти ограничивались 5 губерниями из 9, секретариат должен быть местным органом власти Временного правительства, а не Центральной рады, которая может лишь предлагать кандидатуры на утверждение, и т. д.)¹⁴¹.

Еще не став как следует на ноги, украинское правительство было ввергнуто в кризис. В. Винниченко, которому были предъявлены основные претензии как политику, не защитившему надлежащим образом интересы Украины (он возглавлял делегацию, но, не вытерпев мытарств, уехал из Петрограда до обнародования Инструкции), подал в отставку. За ним ушло и все правительство.

Д. Дорошенко, выдвинутому на пост главы Генерального секретариата, не удалось ни сформировать достаточно авторитетную команду, ни выработать хотя бы основные направления предполагаемого курса. Центральная рада отказала ему в утверждении. Пришлось вновь возвратиться к кандидатуре В. Винниченко. Он, несколько «поостыв», согласился повторно принять оставленный пост¹⁴².

Тогда же просил об отставке от руководства Центральной радой (ввиду переутомления) и М. Грушевский. Но согласия не получил¹⁴³.

Конечно, все это не позволяло рассчитывать на серьезный прогресс в дальнейшей реализации концепции Украинской революции. Так, собственно, и произошло.

Инструкцию, хотя и с оговорками, Центральная Рада вынуждена была принять к исполнению. Правительство так и утвердили в урезанном виде 1 сентября 1917 г.¹⁴⁴ Оно занялось малопродуктивной и малоуспешной тяжбой с Временным правительством – выяснением, определением прерогатив – «перетягиванием одеяла». Время шло, энтузиазм масс падал. Сказывались и не прошедшие бесследно страхи от генеральского мятежа Л. Г. Корнилова, угрожала перспектива экономического коллапса.

Украинское руководство действовало нерешительно, поступательного движения практически не обеспечивало. Единственным исключением оказался Съезд народов, проведенный в Киеве 8-15 сентября 1917 г. Украинские деятели явно выдвинулись в разряд интеллектуальных лидеров, ведущих теоретиков в обосновании процесса децентрализации России, образования федерации из национально-автономных образований равноправных народов. Однако одобренные съездом документы не были программой непосредственного, безотлагательного действия, оставались набором благих пожеланий с труднопрогнозируемой перспективой практического претворения в жизнь при существующем петроградском правительстве¹⁴⁵.

Последнее же, чувствуя нарастание кризиса, ощущая его непосредственное «дыхание», все более прибегало к репрессивным мерам. Под надуманным предлогом отхода Центральной рады от выполнения взятых на себя обязательств – именно так было расценено решение начать техническую подготовку к будущим выборам в Украинское Учредительное собрание¹⁴⁶, чего, якобы, нельзя было делать без разрешения Временного правительства, – против Генерального секретариата было инициировано уголовное дело. А В. Винниченко срочно вызвали в Петроград для объяснений¹⁴⁷.

Открыто встав на путь ужесточения репрессий после июльского кризиса, правящие партии России, Временное правительство усилили удары, прежде всего по радикально-революци-

¹⁴¹ Киевская мысль. 1917. 6 августа.

¹⁴² Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки. Т. 1. Рік 1917. С. 348–356.

¹⁴³ Грушевський М. Споми́ни // Київ. 1989. № 10. С. 123.

¹⁴⁴ Українська Центральна Рада. Т. 1. С. 264–265.

¹⁴⁵ Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки. Т. 1. Рік 1917. С. 392–396.

¹⁴⁶ Українська Центральна Рада. Т. 1. С. 194, 252–253, 334, 338, 346–348.

¹⁴⁷ См.: Солдатенко В. Ф. Володимир Винниченко: на перехресті соціальних і національних прагнень. К., 2005. С. 86–87.

онному крылу общественных движений. Первой под прицел, естественно, попадала большевистская партия. Однако она мужественно переносила выпавшие испытания и, перестраивая ряды, меняя и совершенствуя тактику, не собиралась сворачивать с избранного пути. Ее организации в Украине, не теряя связей с массами, продолжали наращивать свой потенциал, усиливать позиции.

На пути к Октябрю организации РСДРП(б) не только добивались мобилизации масс на радикальное социальное переустройство общества, но и принципиально придерживались принципа национального самоопределения, открыто поддерживали как подлинно демократичные и совершенно справедливые требования украинства о решении национального вопроса, о предоставлении Украине автономного статуса как первом шаге возрождения национальной государственности. При этом большевики категорически отвергали националистическую идеологию, всячески пропагандировали интернационализм, стремились воспитывать рабочих, всех трудящихся в духе уважения к братьям по классу, укрепления межнациональной солидарности.

В ответ на попытки буржуазии разжечь «в глубине сознания человеконенавистнические чувства» партия призывала пролетариат к единству, взаимовыручке, взаимоподдержке и взаимопомощи вне зависимости от национальной принадлежности. «Русский рабочий не даст ввести себя в обман, – решительно заявляли киевские большевики, – у него нет вражды к своему рабочему иноплеменнику, он знает, что все рабочие – братья, к какому бы племени они ни принадлежали, что все они одинаково стонут под игом эксплуатации и угнетения, работая на хозяина, что их долг – слиться в одну братскую семью, объединиться для совместной борьбы с буржуазией. Под знаменем РСДРП весь многоплеменный и многоязычный пролетариат России поведет солидную борьбу против всех своих угнетателей»¹⁴⁸.

Принципиальное проведение курса на социалистическую революцию, как залога социального и национального раскрепощения, снискало партии большевиков, ее организациям на местах все возрастающее внимание, прочный авторитет. А после очередных кампаний по дискредитации РСДРП(б), периодических физических репрессий партия выходила еще более окрепшей, закаленной и приобретала все новых сторонников.

Это позволяло преодолевать всевозможные преграды, такие отчаянные контрреволюционные атаки, как корниловский заговор. И успех достигался не применением силы, оружия, а мирными способами, эффективной работой в массах. Так, в разгар организации генеральской авантюры большевики Украины многое сделали, чтобы поднять народ на защиту завоеванных позиций. Выступая в печати, на митингах и собраниях, они стремились вселить в сознание трудящихся непреклонную веру в победу революционных сил, в тщетность попыток реакции и ее прислужников из мелкобуржуазных партий проложить дорогу военной диктатуре. Для того, чтобы не дать буржуазии задуть революцию, разъясняли большевики, рабочие, солдаты, крестьяне должны еще теснее сплотиться вокруг партии Ленина, подготовиться к решающим сражениям за власть не на парламентской трибуне, а на улицах и площадях, в вооруженном противоборстве с классовым врагом. «Атмосфера становится все более, более напряженной. Массы заметно “левеют”. Буржуазия явно перешла в наступление. Приближается буря, – говорилось в одной из редакционных статей «Голоса социал-демократа». – “Стонут чайки перед бурей, стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас перед бурей”.

Стонут меньшевистские чайки. Нам же нечего стонать. Мы верим, что буря очистит воздух, сметет все непрочное, гнилое и если и причинит кое-какой вред, то демократия России, если она действительно жизнеспособна и крепка, должна выйти из нее еще более мощной. Пусть же грянет буря!»¹⁴⁹

¹⁴⁸ Голос социал-демократа (Киев). 1917. 14 марта.

¹⁴⁹ Голос социал-демократа (Киев). 1917. 13 августа.

По призыву большевиков трудящиеся Украины решительно выступали против Государственного совещания. На собраниях и митингах рабочие принимали резолюции протеста против контрреволюционных замыслов, заявляли о готовности отстаивать свои классовые интересы. Собравшись на митинг в день открытия Государственного совещания, рабочие Краматорского завода вынесли резолюцию, в которой заявили: «Протестуем против Московского совещания как центра контрреволюции, наносящего удар революционному пролетариату и трудовому беднейшему крестьянству. Призываем пролетариат к сплочению и приготовиться дать должный отпор контрреволюционным силам». 5000 рабочих завода и шахт Новороссийского общества в Юзовке, заслушав доклад членов областного комитета РСДРП(б) о текущем моменте, приняли резолюцию, в которой говорилось, что революцию в России «может спасти только твердая революционная власть, идущая из трудовых низов народа, власть большинства российского населения – рабочих, крестьян и солдат»¹⁵⁰.

К протесту рабочих присоединяли свой голос крестьяне и солдаты. Так, съезд крестьянских депутатов Изюмского уезда Харьковской губернии 13 августа решительно осудил Государственное совещание. «Признавая, что Московское совещание не имеет тех полномочий, которые ему приписывает Временное правительство, – говорилось в его решении, – съезд считает это совещание контрреволюционным и относится к нему с недоверием»¹⁵¹. 22 августа протест против Государственного совещания и происходившего на нем «братания» меньшевиков и эсеров с буржуазией выразил митинг солдат местечка Большой Токмак Бердянского уезда Таврической губернии¹⁵². Наглые действия Л. Корнилова и его сообщников, рассчитывавших на поддержку в Украине, особенно на Юго-Западном фронте, разбились о консолидированные действия трудящихся всех без исключения регионов края. В Харькове и Екатеринославе, Чернигове и Киеве, на шахтах и заводах Донбасса, в рабочих поселках и крестьянских уездах контрреволюционеры получили решительный отпор.

В то же время в некоторых других городах большевики придерживались иной линии поведения. В созданный в Екатеринославе Комитет спасения революции (его партийный состав оказался разношерстным) вошли большевики Э. Квиринг, В. Аверин и др. Однако они недолго питали иллюзии в отношении характера и классовой направленности деятельности комитета. Не придавая участию в нем большого значения, большевики развернули интенсивную работу среди трудящихся с целью мобилизации их на борьбу с контрреволюцией. «Комитеты спасения революции не спасут революцию, если они будут придерживаться тактики правительства “спасения революции”, – подчеркивала «Звезда». – Гражданская война начата представителями командующих классов, напавших на пролетариат и его революционные завоевания. Лучшее средство обороны – это нападение. И мы должны перейти от обороны к нападению. Да здравствует диктатура революционного пролетариата и беднейших крестьян!»¹⁵³

В Одессе благодаря решительным действиям местного ревкома и Красной гвардии было не только предотвращено выступление корниловцев, но и парализованы попытки использования ими контрреволюционных воинских частей Румынского фронта, что имело далеко не местное значение.

Самоотверженная борьба рабочих и солдат против корниловщины развернулась под руководством большевиков и в других городах Украины, а также на Юго-Западном фронте. Даже соглашательский исполнительный комитет Юго-Западного фронта под давлением сол-

¹⁵⁰ Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции на Украине: Сб. документов и материалов. К., 1955. С. 530–531.

¹⁵¹ Большевицские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март-ноябрь 1917 г.): Сб. документов и материалов. К., 1957. С. 448.

¹⁵² Звезда (Екатеринослав). 1917. 4 сентября.

¹⁵³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 3. Д. 31. Л. 32–33; Звезда (Екатеринослав). 1917. 1 сентября.

датских масс вынужден был принять резолюцию с требованием незамедлительного военно-революционного суда над заговорщиками¹⁵⁴.

Бурные события произошли в Бердичеве – втором после Ставки центре корниловщины. Солдаты арестовали А. Деникина и других членов командного состава штаба Юго-Западного фронта. То же произошло и в штабах VII и Особой армии¹⁵⁵.

В борьбе с корниловщиной большевикам удалось собрать под своими лозунгами рабочий класс и его союзников, сплотить, мобилизовать вооруженные силы революции и в то же время уклониться от навязываемого буржуазией преждевременного сражения. В деле подготовки восстания партия не форсировала событий, а, руководствуясь установками, решениями VI съезда РСДРП(б), предпринимала все зависящие от нее меры для предотвращения вооруженных столкновений, призывала рабочих и солдат стоять на страже революции, соблюдать выдержку, бдительность, не выступать без призыва. Эта тактика собирания сил и уклонения от боя в неблагоприятных условиях дала возможность подготовить пролетариат и его союзников к победоносной борьбе за власть рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Могучая энергия масс за несколько дней смела выступление буржуазии. Разгром корниловского заговора имел громадное значение для дальнейшего развития революции. В этот, один из самых ее критических моментов раскрылось истинное лицо всех политических партий. Попытка буржуазии разжечь гражданскую войну с целью установления военной диктатуры провалилась. С головой выдали свою враждебность к социалистической революции соглашательские партии. В то же время неизмеримо возрос среди трудящихся авторитет большевиков, как умелых и дальновидных, стойких и решительных руководителей революционных масс, проявивших в своем объединении и порыве против корниловщины свою силу и организованность.

Ход политических событий во второй половине лета 1917 г. со всей очевидностью подтвердил правильность вывода о том, что только власть трудящихся способна решить вставшие перед страной и народом задачи. И не случайно главным показателем нового подъема в стране, начавшегося после разгрома корниловщины, стало оживление деятельности Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, действовавших как органы защиты завоеваний революции, а в ряде мест начавших осуществлять свою власть. В этих условиях трудящиеся все активнее требовали устранения от власти эксплуататорских элементов, передачи власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Требование перехода власти к Советам стало в этот период действительно всеобщим, воплотило в себе основную тенденцию развития народной борьбы. 30 августа резолюцию о передаче власти Советам приняли: общее собрание дислоцированного в Харькове моторно-пontonного батальона, 10-тысячный митинг рабочих Брянского завода и собрание полкового комитета 271-го запасного пехотного полка в Екатеринославе, общее собрание рабочих трубо-прокатного завода «С» в Нижнеднепровске, 31 августа – собрание рабочих завода Дитмара в Харькове, собрание рабочих клепального цеха судостроительного завода «Руссуд» в Николаеве; 1 сентября – Харьковская конференция фабзавкомов, областное совещание Советов рабочих и солдатских депутатов Донецко-Криворожского бассейнов, митинг рабочих гвоздильного завода Гантке в Нижнеднепровске. Такая же картина наблюдалась и в других городах, рабочих поселках страны.

Учитывая крутой поворот в развитии революции, характеризовавшийся резким изменением в соотношении сил, ЦК РСДРП(б) принял 31 августа резолюцию «О власти», которая в тот же день была одобрена подавляющим большинством голосов участников пленарного заседания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Резолюция требовала отстра-

¹⁵⁴ Известия Армейского комитета XI армии (Староконстантинов). 1917. 10 сентября.

¹⁵⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2148. Оп. 5. Д. 13. Л. 11.

нения от власти организатора корниловщины – буржуазии и передачи власти в руки представителей рабочего класса и крестьянства. 5 сентября большевистская резолюция «О власти» была принята объединенным собранием Советов рабочих и солдатских депутатов Москвы. Через несколько дней резолюцию с требованием перехода власти в руки рабочих и крестьян одобрило областное совещание Советов рабочих и солдатских депутатов Донецко-Криворожского бассейнов.

В Виннице на заседании Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходившем 3 сентября, большевик Н. Тарногородский внес предложение присоединиться к резолюции по текущему моменту, принятой Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 31 августа. Предложение было принято 53 голосами против 3 при 9 воздержавшихся¹⁵⁶.

8 сентября на общем собрании Киевского Совета рабочих депутатов при обсуждении вопроса о текущем моменте и организации власти 119 голосами против 67 была одобрена большевистская резолюция, разработанная на основе резолюции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «О власти» от 31 августа. Трудящиеся города приветствовали это решение Киевского Совета. Так, состоявшееся 18 сентября общее собрание двух рот 147-й пехей Воронежской дружины, в котором приняло участие 500 человек, постановило переизбрать всех своих депутатов в Совет, поручить им руководствоваться в своей деятельности резолюцией от 8 сентября и войти в большевистскую фракцию¹⁵⁷.

В уездных и местечковых Советах происходили, хотя и несколько позже, в основном такие же процессы, как и в Советах крупных городов, промышленных центров. Орган ЦК партии большевиков с полным основанием мог в те дни заявить: «Много теперь в России городов и местечек, много сел и деревень, которые идут нога в ногу с Питером и Москвой»¹⁵⁸.

В сентябре перешел на большевистские позиции Глуховский уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, присоединился к резолюции Петроградского Совета «О власти» Староконстантиновский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в октябре потребовал перехода власти в руки Советов Дружковский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹⁵⁹. В целом по Украине в сентябре-октябре с таким требованием выступили еще десятки Советов, а в ряде городов и пролетарских районов Донбасса они стали полноправными хозяевами положения.

Таким образом, своевременно корректируя тактику, избирая эффективные формы и методы борьбы, большевики добивались все новых успехов, доказывая тем самым обоснованность своих политических планов и расчетов. Если для противников РСДРП(б) каждый день усугублял положение, объективно свидетельствуя о беспочвенности политических притязаний и бесперспективности надежд, то пролетарская партия осуществляла такую тактику, которая в любых ситуациях приближала ее, руководимые ею массы трудящихся к заветной стратегической цели – социалистической революции.

Важной вехой в судьбе страны, всех ее народов должен был стать Второй Всероссийский съезд Советов, проведение которого предполагалось в последней декаде октября 1917 г. Еще до его решений именно с ним связывали свое будущее во многих регионах России, в том числе и в Украине.

В день открытия форума киевские большевики провозглашали: «Сегодня – в поворотный день Великой Русской революции – революционная армия рабочих, солдат и крестьян производит смотр своим всероссийским силам, сегодня главный штаб русской революции принима-

¹⁵⁶ Боротьба за владу Рад на Поділлі (березень 1917 р. – лютий 1918 р.). Документи і матеріали. Хмельницький, 1957. С. 102–104.

¹⁵⁷ Голос социал-демократа. (Киев), 1917. 9 и 20 октября.

¹⁵⁸ Рабочий путь. (Петроград), 1917. 13 сентября.

¹⁵⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 – апрель 1918: Сборник документов и материалов: в трех томах. Т. 1. К., 1957. С. 831.

ется за выработку плана наступления по всему фронту русской революции. Сегодня мы, пролетариат и гарнизон Киева, многотысячным, но единогласным мощным хором своим в согласии со всей истинно революционной Россией заявляем, что мы ждем от съезда осуществления следующей программы:

1. Немедленный переход власти [к] С[оветам] Р[абочих], Солдатских] и К[рестьянских] Депутатов в центре и на местах»¹⁶⁰.

Совет рабочих депутатов Несветайского горного района (Донбасс) направил в ЦИК Советов телеграмму, в которой приветствовал II Всероссийский съезд Советов как выразителя воли революционных классов. «Шахтеры, – подчеркивалось в телеграмме, – всеми силами поддержат съезд, его борьбу против империализма. Вся власть Советам! Да здравствует мир народов и социализм!»¹⁶¹

Практический переход власти к Советам в ряде населенных пунктов Донбасса, усилившаяся активность стачечной борьбы пролетариев, непрекращающиеся антивоенные выступления, братание на фронте, мощное крестьянское движение, нарастающая волна национально-освободительного движения были явными признаками начинавшейся по всей стране революционной бури. Председатель Петроградского Военно-революционного комитета Н. Подвойский писал в своих воспоминаниях, что «каждая новая партия делегатов, прибывавших на съезд с периферии, подтверждала, что вся страна созрела для пролетарской революции и что момент восстания выбран правильно»¹⁶².

Осуществляя курс на вооруженное восстание, большевики привели в боевую готовность все силы политической армии социалистической революции. За ними шло большинство рабочего класса, прежде всего его наиболее сознательные слои. Рабочий класс открыто поддерживала половина состава армии. В единый фронт революции включилось мощное крестьянское движение и нараставшая волна национально-освободительной борьбы угнетенных народов.

Страна вплотную подошла к решающей битве социалистической революции. Ее политическая армия ждала сигнала штаба восстания.

¹⁶⁰ Голос социал-демократа (Киев). 1917. 25 октября.

¹⁶¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине: Хроника событий. Ч. 1. С. 662.

¹⁶² РГАСПИ. Ф. 565. Оп. 1. Д. 47. Л. 34 об.

2. На переломном рубеже: октябрьский выбор перспективы

К осени 1917 г. в России все отчетливее вырисовывался революционный кризис. Официальная власть не только не демонстрировала уверенности, решительности, настойчивости, все ее шаги вроде бы специально подчеркивали неспособность контролировать развитие событий, полную растерянность, подавленность, странный симбиоз паники с апатией. Казалось, министры Временного правительства не столько желали выполнять властные функции, даже радоваться своему исключительному положению в обществе, сколько устало и обреченно ждать, когда закончится неопределенность и им удастся сбросить с себя бремя исторической ответственности.

Персональные правительственные изменения никакого эффекта не приносили. Демократическое совещание, созыв Предпарламента воспринимались практически всеми как вялая имитация деятельности, поскольку даже инициаторы не верили в реализацию собственных замыслов.

Промедление же с решением практически всех, нередко даже не особенно сложных неотложных задач, что стало, по сути нормой поведения правящей верхушки; ожидание того, что ввиду всеобщего переутомления ситуация разрядится как-то сама собой, воспринимались как нежелание работать для народа, страны, вызывали растущее недовольство, нервировали, электризовали массы. Последним крайне надоело ждать. Они проявляли нетерпение, которое перерастало в агрессивность, и с каждым днем все более отворачивались от тех, кто с весны 1917 г. взял на себя инициативу в устройстве судьбы огромной страны, населявших ее народов. Низы не только не желали больше полагаться на нерадивое руководство, они просто не могли больше это делать. Изнемогая от неопределенности, массы предчувствовали уже адское дыхание экономической катастрофы, зловеще надвигающегося голода. И хотя социальные низы не имели в своем преобладающем большинстве представления, каким путем можно избежать усугубления кризиса, как улучшить ситуацию, в одном они убеждались все очевиднее: с существующим политическим руководством переломить негативные тенденции не удастся. С ними ничего вообще достичь нельзя, даже смягчить нарастание всевозможных неурядиц. Иначе говоря, общественные настроения выстраивались в интегральный вектор, который не столько определял перспективу, направление движения, сколько вырисовывал лагерь, которому больше не было доверия, поддержки, от которого надо было очистить политическое поле и дать возможность попытать свое счастье кому-то другому.

С этой точки зрения не стоит сбрасывать со счетов многочисленные документальные данные о нарастании массового недовольства и формировании сил, которые в итоге свергли Временное правительство, вполне определенно стремились и стали на путь перемен. Проанализированные и обобщенные в советской историографии¹⁶³, эти данные в последнее время по большей части игнорируются (хотя встречаются и исключения)¹⁶⁴, замалчиваются, своеобразно «срабатывая» на концепцию большевистского заговора, верхушечного переворота и т. п.

¹⁶³ См.: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной переворот в истории человечества. Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1987; *Зародов К. И.* Три революции в России и наше время. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983; *Волобуев П. В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987; *Гапоненко Л. С.* Решающая сила Великого Октября. М., 1977; *Смирнов А. С.* Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М., 1976; *Голуб П. А.* Большевики и армия в трех революциях. М., 1977; *Борьба за массы. Разработка левоблокистской тактики и борьба большевиков за ее осуществление в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои.* М., 1981; *Борьба партии большевиков за создание политической армии демократической и социалистической революции (1905–1917).* Киев, Одесса, 1983; и др.

¹⁶⁴ См., напр.: *Волгогонов Д.* Ленин: Политический портрет: в 2 кн. Кн. 1. М., 1994. С. 276–279 и др.

Думается, это небезупречный, даже неоправданный, поверхностный подход, который, кроме принесения в жертву научной объективности, не позволяет понять истинные причины поражений антисоциалистических сил, которые пытались сохранить статус-кво, и одновременно понять феномен победы тех, кто боролся за социалистические идеалы, народоправие, преодоление глубокого, системного кризиса.

Отмеченные тенденции достаточно рельефно воплощались и на региональном уровне¹⁶⁵.

Эскалация протестного напряжения создавала важные предпосылки для свержения правопорядка, который, в значительной степени сам себя завел в тупик. Однако обладая еще немалыми властными возможностями, силы, которые концентрировались вокруг Временного правительства, не могли просто, «самотеком», бесконфликтно оставить политическую арену. Необходимы были импульсы консолидационного направления, которые объединяли бы всех крайне недовольных ситуацией, организовывали бы их на целенаправленные действия; необходим был достаточно подготовленный субъект общественной жизни, который не только возглавил бы разрушение существующей политической системы, а оказался готовым к реализации собственной, отличной от предыдущей, действительно альтернативной модели общественной организации, создания строя, который имел бы притягательные очертания. В революционное время больше всех шансов имела та политическая партия, которая могла дать приемлемые ответы на суровые вызовы времени.

На такую роль история выдвинула большевиков. Субъективно РСДРП(б) стремилась к этому, начиная еще с победы Февральской революции. Она не раз заявляла о готовности взять на себя всю ответственность за самостоятельное либо с идейно близкими леворадикальными силами, скажем, левыми эсерами, формирование новой власти. И пока другие сомневались в способности большевиков возглавить российское общество, пугали социалистическими экспериментами обывателей, ленинская партия накапливала потенциал и опыт, принимала необходимые меры на всех направлениях возможной реализации своих замыслов.

Общие тенденции в значительной степени захватили и Украину, своеобразно отражаясь на региональном ходе событий, в том числе и на национальных процессах. Их анализ показывает, что освободительное движение к осени 1917 г. накопило достаточно мощные потенции, а с другой стороны, – что его руководство, олицетворенное Центральной радой, Генеральным Секретариатом, лидерами украинских партий, не смогло предложить политики, которая сохранила бы динамику летнего развития.

К середине осени 1917 г. противоречия и беды в развитии России переплелись в узел, который все туже затягивался на народной шее, подобно тому неудачнику-альпинисту, который сорвался со скалы, однако конец его страховочной веревки зацепился за ненадежный выступ. Времени на то, чтобы ослабить, распутать, развязать узел не было вовсе: смерть могла наступить еще до того, как веревка не выдержит и тело сорвется в бездонную пропасть. Если же веревка решительно разрубалась, возникала возможность для свободного падения. Конечно, можно было разбиться вдребезги (и такая перспектива была достаточно реальной), но можно было надеяться на спасительный шанс, на сохранение жизни.

Похоже, что на роль того, кто разрубал ту своеобразную злосчастную веревку, и вышла 25 октября 1917 г. большевистская партия во главе с Лениным. Одним энергичным ударом было уничтожено Временное правительство и мгновенно сброшен локомотив российской политики с рельсов либерально-демократического курса. Страна будто сорвалась в полет с целью достижения стратегической социалистической цели.

¹⁶⁵ См., напр.: В авангарді революційних мас: більшовики України на чолі народних мас України у Жовтневій революції. К., 1977; В борьбе за власть Советов на Украине. Из истории борьбы большевистских организаций за завоевание и укрепление Советской власти на Украине. К., 1977; Варгатюк П. Л., Курас И. Ф., Солдатенко В. Ф. В. И. Ленин и большевистские организации Украины в Октябрьской революции. К., 1980 За власть Советов на Украине. Из истории борьбы большевистских организаций (1917–1920 годы). К., 1988.

Как бы сегодня ни пытались унизить октябрьский исторический поступок большевиков («переворот», «мятеж», «насилие над демократией», «самое большое преступление против человечности» и т. п. – язвительным, убийственным эпитетам, кажется, нет предела), нельзя не признать одного – это был крутой, сущностный, масштабный, судьбоносный поворот в российской, да и в мировой истории, который, согласно научным критериям и представлениям, следует именовать именно революцией.

Среди руководителей Октябрьского восстания было немало репрезентантов большевистских организаций Украины: С. Косиор, Ю. Коцюбинский, Н. Крыленко, Н. Подвойский, Е. Розмирович, Н. Скрыпник, В. Чубарь, Г. Чудновский и др. В решающих петроградских событиях участвовали большевики – делегаты II Всероссийского съезда Советов, прибывшие из Украины, – М. Арсеничев, М. Афонин, Ф. Ачканов, В. Баженов, С. Бондаренко, П. Гудыма, Я. Залмаев, Н. Кабаненко, М. Майоров, В. Примаков, П. Старостин, Ф. Чекирисов и др.

Они внесли свой вклад и в закрепление победы всероссийским форумом Советов. Из 670 депутатов II Всероссийского съезда Советов (25–26 октября 1917 г.) 143 человека представляли 78 Советов рабочих, солдатских депутатов Украины и солдатских комитетов ЮгоЗападного и 8-й армии Румынского фронтов (соответственно 21,3 % и 19,4 % от общего количества зарегистрированных делегатов и Советов). 65 делегатов от Украины были большевиками. Они вместе с представителями других левых течений Украины (всего 83 делегата от 48 Советов – соответственно 58 % и 61,5 %) высказались за установление в России, а значит – и в Украине, власти Советов¹⁶⁶.

Были активно поддержаны декреты о мире, о земле; делегаты с мест приняли участие в выборах нового состава Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов, в утверждении сформированного рабоче-крестьянского правительства – Совета народных комиссаров во главе с Лениным.

Естественно, революция не могла быть (и не была) единовременным актом. Развиваясь вширь – захватывая все новые районы, и вглубь – решая неотложные вопросы, определенные программой РСДРП(б) и соответствующие интересам трудящихся всех народов многонациональной страны, революция мгновенно перебросилась в Украину.

Октябрьское восстание в Петрограде произошло в то время, когда Украинская революция с каждым днем оказывалась во все более сложной ситуации, из-за промедления с окончательным выбором одного из двух альтернативных путей дальнейшего общественного развития, которые диктовались тогдашними обстоятельствами. Своеобразным отражением разного видения вариантов такого выбора могут быть (конечно, лишь в определенной степени и никак не абсолютно) оценки событий в Петрограде ключевыми фигурами украинского движения. М. Грушевский считал победу большевиков случайной, неожиданной, незакономерной, которая не получила поддержки «ни в армии, ни в гражданстве. Российская республика впала в длительную анархию, области ее фактически отделились и вынуждены жить своей жизнью и своими средствами бороться с той разрухой, что поднималась под большевистскими лозунгами “Вся власть Советам!”»¹⁶⁷.

Винниченко, наоборот, доказывал, что победа большевиков вполне закономерна, ведь «сами массы были по природе своей, по своему классовому положению большевиками, то есть они всем своим существом хотели полного политического и социального освобождения. И, разумеется, они охотнее верили тем, кто призывал их к такому освобождению, кто им обещал его, чем тем, кто останавливал, кто призывал дальше отдавать свою жизнь во имя чуждых и

¹⁶⁶ Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д.М.; Л., 1928. С. 113–153; *Варгатиук П. Л., Солдатенко В. Ф., Шморгул П. М.* В огне трех революций. Из истории борьбы большевиков Украины за осуществление ленинской стратегии и тактики в трех российских революциях. К., 1986. С. 459–460.

¹⁶⁷ *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. Київ; Відень, 1919. С. 552.

противных интересов»¹⁶⁸. Поэтому-то массы и стали на сторону большевиков, предопределив их превосходство и конечную победу. При этом бывший председатель Генерального секретариата заметил, что обвинения большевиков в демагогии, сознательном надувательстве масс если и небеспочвенны, то и не могут считаться основной причиной их успеха, поскольку еще в большей степени (во всяком случае, не в меньшей) такие же приемы были характерными и для политических соперников РСДРП(б)¹⁶⁹.

О свержении Временного правительства в результате выступления рабочих, солдат и матросов Петрограда в Киеве стало известно около второго часа дня 25 октября 1917 г. Возникали продолжительные собрания, совещания, консультации с участием представителей различных политических органов и группировок. Ожесточенные дебаты развернулись на объединенном заседании исполкомов Совета рабочих и Совета солдатских депутатов. В большевистской фракции оказались отсутствующими четыре члена, которые выехали в Петроград на II Всероссийский съезд Советов. Поэтому между большевиками и их оппонентами возникло численное равновесие¹⁷⁰. Голоса разделились пополам, шестичасовые разговоры и споры не дали практического результата. Да и не могли дать. Весь пыл растрачивался на слова, а не на действия.

Ситуация сложилась неустойчивая, скорее – взрывоопасная. Очагом свергнутого в столице Временного правительства в Киеве был штаб Киевского военного округа, располагавший большим контингентом консервативно настроенных войск. И было неизвестно, как они себя поведут.

Центральная рада проявила большую оперативность. Малая рада собрала экстренное заседание, в котором приняли участие представители общественных организаций города. Общее настроение было тревожным. После бурных дебатов постановили: «Образовать революционный комитет для охраны революции на Украине. На всей территории Украины Комитет должен распоряжаться всеми силами революционной демократии, и ему подчиняются в порядке охраны революции все органы власти обозначенной территории. Комитет является ответственным перед Украинской Центральной Радой и немедленно приступает к деятельности»¹⁷¹.

В состав революционного комитета вошли: от Центральной Рады – украинские социал-демократы М. Ткаченко и Н. Порш, украинские эсеры А. Севрюк, Н. Шаповал, Н. Ковалевский, украинские социалисты-федералисты А. Никовский, Ф. Матушевский, большевик Г. Пятаков, член партии Поалей-Цион С. Гольдельман; от партий и организаций: русский эсер С. Сараджев, украинский социал-демократ А. Песоцкий, большевик В. Затонский, бундовец М. Рафес, серповец М. Зильберфарб, от украинского Генерального военного комитета – С. Петлюра, от Железнодорожного комитета – М. Шумицкий, от Всеукраинского Совета военных депутатов – М. Тележинский и Е. Касьяненко, от Киевского совета рабочих депутатов – И. Крейсберг. В состав комитета ввели также представителей Киевского совета солдатских депутатов и Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Харькова, Екатеринослава, Одессы¹⁷².

П. Христюк считает, что «таким образом, рядом с Генеральным Секретариатом было образовано Центральной радой как бы новое революционное Правительство для всей Украины»¹⁷³. При комитете организовали Революционный штаб, заданием которого было создать надежную военную силу¹⁷⁴.

¹⁶⁸ Винниченко В. Відродження нації. Ч. II. С. 64.

¹⁶⁹ Там же. С. 63–66.

¹⁷⁰ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 309–311.

¹⁷¹ Робітнича газета. 1917. 27 жовт.

¹⁷² Нова Рада. 1917. 27 жовт.

¹⁷³ 1917 год на Киевщине. С. 311; Робітнича газета. 1917. 27 жовт.

¹⁷⁴ Христюк П. Замітки і матеріали... Т. II. С. 42.

На следующий день Комитет по охране революции обратился к населению Украины с обращением. В нем, в частности, говорилось: «Краевой комитет по охране революции извещает всех граждан Украины, что все общественные, военные тыловые власти, а также и все организации революционной демократии должны твердо и непоколебимо выполнять все его приказы и предписания.

Комитет заявляет, что он не допустит никаких выступлений против интересов революции, что все враждебные революции выступления Комитет будет решительно подавлять всеми способами, вплоть до вооруженной силы, имеющейся в распоряжении Комитета.

Власть Комитета, который объединяет все органы революционной демократии, все революционные и социалистические партии нашего края, как украинские, так и неукраинские, распространяется на всю Украину, на все девять губерний: Киевскую, Подольскую, Волынскую, Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую»¹⁷⁵.

В тот же день Комитет объявил «Обязательное постановление»:

«1. Всякого рода погромы, дебоши, и беспорядки будут беспощадно подавляться всеми средствами, которые имеются в распоряжении Комитета, вплоть до вооруженной силы.

2. Всякие проявления контрреволюционной агитации, попытки натравить одну часть населения на другую и подстрекать к беспорядкам на почве продовольственных трудностей будут решительно подавляться, и виновные понесут тяжелейшее наказание.

3. В целях охраны спокойствия в крае запрещаются, до отмены сего постановления, собрания и митинги под открытым небом и всякие другие выступления на улицах.

4. Всем властям на Украине предлагается принять все меры, имеющиеся в их распоряжении, к неукоснительному исполнению этого обязательного постановления.

Комитет уверен в том, что население края сумеет оценить серьезность положения и приложит все силы к охране революции и спокойствия в крае»¹⁷⁶.

В приведенных документах обращают на себя внимание несколько принципиальных моментов. Рада решительно разрывала с Временной инструкцией Временного правительства для Генерального секретариата. Посредством Комитета власть Центральной рады распространялась практически на всю территорию Украины, ранее входившую в состав Российской империи (кроме Кубани и Дона).

Ко всякого рода нарушителям спокойствия и порядка Центральная рада угрожала применить силу, вплоть до военной.

В Комитете Раде удалось объединить представителей разнообразных политических сил, в том числе большевиков. Как очевидный результат компромисса, обратной стороной которого были взаимное недоверие и опасения, комитет, очевидно, был более пригоден не столько для решения неотложных вопросов, сколько для того, чтобы сдерживать возможную инициативу, особенно радикального характера. И три большевика – Г. Пятаков, И. Крейсберг, В. Затонский – согласились войти в коалиционный орган. «Помню, – пишет В. Затонский в воспоминаниях, – возвращаясь из какого-то собрания, решил зайти в комитет (РСДРП(б). – В. С.) узнать, нет ли каких новостей. Дорогой встретил комитетчиков с Пятаковым во главе. – Вот, – говорят, – кстати, ты по-украински говоришь. Идем! Спрашиваю: – В чем дело? Говорят: пойдем в Центральную Раду. От имени Украинских социал-демократов приходили в комитет Касьяненко Евгений и Неронович и предлагали соглашения с Центральной Радой»¹⁷⁷.

Так большевики в очередной раз прибегли к сотрудничеству с радовцами (предыдущие шаги подобного рода осуществлялись ими после упомянутой инструкции Временного прави-

¹⁷⁵ Робітнича газета. 1917. 26 жовт.; Нова Рада. 1917. 27 жовт.

¹⁷⁶ Народна воля. 1917. 27 жовт.; Нова Рада. 1917. 27 жовт.

¹⁷⁷ Літопис революції. 1929. № 3. С. 142.

тельства и в дни корниловщины), обязуясь со своей стороны не предпринимать активных действий в Киеве. Вот как, например, объясняет в написанных в 1920 г. воспоминаниях мотивы и цели вхождения в конце октября 1917 г. в Центральную Раду и созданный ею «Краевой комитет по охране революции» большевистских представителей тот же В. Затонский: «Основное наше требование к Раде было таким – не выпустить с Украины, а также с Юго-Западного и Румынского фронтов никакой военной части на подавление революции в Москве и Петрограде. Дело в том, что эти фронты были для нас наиболее ненадежными и мы знали, что керенщина, которая объединилась в борьбе против революции с корниловщиной, пытается опереться на части, которые стоят на Украине. Эту задачу, так сказать, пассивной помощи революционным центрам, мы могли бы легко осуществить в союзе с Радой, если бы она честно выполняла свои обязательства»¹⁷⁸. Таким образом, тактика большевиков, их действия исходили из расчета на союз с Центральной Радой как организацией преимущественно революционной и демократической.

Совсем иначе подходили к заключению компромисса лидеры украинских партий. «Намечался даже новый курс внутренней политики, построенной на объединении всех социалистически-революционных элементов демократии, о чем свидетельствует, между прочим, вхождение в Комитет соц. – дем. большевиков, которые к тому времени стояли полностью в стороне от работы Центральной Рады, – считает П. Христюк. – Намечалось осуществление на Украине того лозунга, за который шла борьба на петроградском Демократическом совещании – образование однородного социалистически-революционного правительства на Украине»¹⁷⁹.

Если бы произошло то, на что надеялись в экстремальных условиях лидеры украинского движения, то, очевидно, в значительной степени был бы реализован курс, предначертанный Центральной радой. То есть концепция Украинской революции воплощалась бы в жизнь. Однако реалии оказались отличными от теоретических расчетов.

В частности, то, чем так гордились лидеры Украинской революции на предыдущий ее стадии, считая это одним из величайших достижений, – единство демократического фронта, согласие украинских партий с местными организациями общероссийских партий – в решающий момент обернулось непредсказуемыми последствиями. «Умеренные мелкобуржуазные элементы украинской и особенно неукраинской демократии остались, конечно, верны себе и начали принимать меры к тому, чтобы разрушить намеченный социалистический блок»¹⁸⁰. В разных организациях они потребовали решительного противодействия поддержке социалистической революции и, в частности, в Малой раде 26 октября 1917 г. по инициативе М. Рафеса «вымучили» резолюцию с осуждением большевистского восстания в Петрограде и предостережением о недопустимости перехода власти к Советам рабочих и солдатских депутатов. «Этой резолюцией, – с сожалением констатирует П. Христюк, – был расторгнут только что образованный революционно-социалистический фронт»¹⁸¹.

Таким, по мнению историка, оказался механизм образования в Украине трех фронтов: контрреволюционно-буржуазного, революционно-демократического (украинского) и большевистского (московского). Признание подобной расстановки сил (с различиями в квалификации, названиях) является общим для большинства историков Украинской революции. В рамки этой условной схемы они пытаются вписать и все события последних дней октября в Киеве, что оказывается не таким простым делом. Так, Д. Дорошенко, следуя в целом утверждению о существовании трех лагерей, высказывает интересное наблюдение: «Вокруг штаба военного округа объединились в одном лагере не только истинные приверженцы и защитники Времен-

¹⁷⁸ У дні Жовтня. Спогади учасників боротьби за владу Рад на Україні. К., 1967. С. 3.

¹⁷⁹ Христюк П. Замітки і матеріали... Т. II. С. 43.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Христюк П. Замітки і матеріали... Т. II. С. 44.

ного Правительства, но и все те, кто относился одинаково враждебно как к украинцам, так и к большевикам. Их победа над большевиками в Киеве угрожала и украинцам. Русская революционная демократия (кроме большевиков) – кадеты, меньшевики, эсеры – все встали на сторону штаба военного округа»¹⁸².

Иными словами, буквально за несколько дней произошли существенные сдвиги, которые откололи, перевели, по большей части во вражеский лагерь, значительные силы, на потенциал которых еще вчера рассчитывали вдохновители и руководители Украинской революции. Последнее обстоятельство не могло не сыграть своей роли, не сказаться на позиции Центральной рады, Комитета по охране революции, Генерального Секретариата. В частности, большевики, идя на объединение с Центральной радой, обязались не предпринимать каких-либо активных действий в Киеве. Но уже на следующий день, после принятия Малой радой упомянутой резолюции с осуждением восстания в Петрограде и обещанием «решительно бороться со всякими попытками поддержки этого восстания на Украине»¹⁸³, большевики оставили комитет.

Здесь же, на заседании Малой рады, Г. Пятаков заявил: «Бои на улицах Петрограда продолжаются уже 3 дня. Это свидетельствует, что там восстание не большевиков, а революционного пролетариата и войска. Карл Маркс высказывался против восстания парижского пролетариата в 71-м году, однако когда Парижская Коммуна взяла власть, он был на ее стороне. Выражаясь здесь против восстания петербургского пролетариата и войска, вы этим самым ударили и по нашей партии, и поэтому мы выходим из М. Рады, считая себя свободными. Но знайте, что, несмотря на все это, в тот момент, когда вы будете погибать под ударами русского империализма, мы будем с вами с оружием в руках»¹⁸⁴. Последние слова были встречены громкими аплодисментами.

27 октября позиция Центральной Рады была еще раз подтверждена в обращении Генерального Секретариата «Ко всем гражданам Украины».

В тот же день на объединенном заседании Совета рабочих и Совета солдатских депутатов, проходившем в театре Бергонье, председательствовавший лидер киевских большевиков выступил с пространной речью: «Центральная Рада вонзила нож в спину революционного Петрограда, – говорил Г. Пятаков. – Это запомнится. Если Советы будут раздавлены, если Керенский в крови потопит восстание петроградских рабочих и солдат, то украинский народ надолго должен забыть о праве на самоопределение. К вам, товарищи-украинцы, рабочие и солдаты, обращаюсь, прежде всего, с горячим призывом не идти за Центральной Радой, ставшей на путь позорного соглашательства, а всеми силами поддержать восстание петроградских товарищей»¹⁸⁵.

Заседание приняло предложенную большевиками резолюцию с сочувствием петроградским рабочим и солдатам и заверениями в готовности поддержать их начинание. Документ завершался постановлением: «Организовать ревком Советов, передать ему всю полноту власти в Киеве, поручить ему всемерно проводить в жизнь постановления съезда Советов и подчинить его действия высшему контролю Киевских Советов Р. и С. Д., имеющих право переизбрать его в любой момент»¹⁸⁶.

В состав ревкома, за исключением нескольких левых эсеров, вошли только большевики – В. Затонский, А. Иванов, И. Кулик, И. Крейсберг, Я. Гамарник, Н. Лебедев, Л. Пятаков, а возглавил его Г. Пятаков. Сформированный орган перебрался в бывший царский дворец на

¹⁸² Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. І. Ужгород, 1932. С. 161.

¹⁸³ Нова Рада. 1917. 28 жовт.

¹⁸⁴ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 295.

¹⁸⁵ Там же. С. 324–325.

¹⁸⁶ Киевская мысль. 1927. 28 октября.

Александровской улице, превратив его в свою опорную базу, завез туда 200 винтовок. Однако ничего более сделать не удалось.

Вечером 28 октября дворец был окружен войсками. Делегация от Центральной рады, городской думы, меньшевиков, эсеров и бундовцев потребовала выдачи оружия и освобождения дворца. Г. Пятаков, учитывая расклад сил и неудачное расположение Мариинского дворца (удаленность от «Арсенала» и других пунктов сбора революционных сил), склонялся к принятию выдвинутых условий, тем более что требования прекращения борьбы не было¹⁸⁷.

С мнением Пятакова согласились все члены ревкома, и во дворец вошли 12 юнкеров для принятия оружия. Вслед за ними в помещение ворвалась толпа вооруженных казаков, офицеров. Членов ревкома арестовали, начали издеваться, а потом под конвоем переправили в штаб Киевского военного округа.

Однако на заседании Киевского комитета РСДРП(б) совместно с представителями заводов и воинских частей 29 октября было восстановлено ВРК, в который наряду с А. Ивановым и В. Затонским, случайно избежавшими ареста, вошли М. Богданов, А. Карпенко, И. Кудрин, Друзякин¹⁸⁸ и др.

Ревком разработал план и взял на себя руководство восстанием. Была выпущена листовка, в которой ревком сообщил, что объединенное заседание киевских Советов рабочих и солдатских депутатов передало ему всю полноту власти в городе и поручило претворить в жизнь решения II Всероссийского съезда Советов. Листовка призывала трудящихся поддерживать ревком в борьбе против сил Временного правительства. «Объединяйтесь же, – говорилось в документе, – здесь, в Киеве, вокруг комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, а по всей России – вокруг съезда Советов!»¹⁸⁹

К вечеру того же дня по сигналу ВРК началось вооруженное восстание против сил штаба Киевского военного округа. Главной ареной стал Печерский район города. Решающую роль в восстании играли рабочие «Арсенала» и солдаты 3-го авиапарка. К ним присоединились восставшие других районов. На следующий день – 30 октября – в городе началась всеобщая забастовка рабочих и служащих. В ходе трехдневных уличных боев (ход борьбы на солидной документальной основе неоднократно воспроизводился в исторической литературе) войска штаба КВО были разбиты. Большинство воинских частей и штаб сдались восставшим¹⁹⁰.

Пожалуй, можно в чем-то согласиться с критическими замечаниями в адрес восставших и их руководителей, высказанных В. Верстюком: отсутствие единого плана, централизованного руководства, согласованности действий, высокой организованности и т. д.¹⁹¹ Но и ставить под сомнение сущность происходящего в последние дни октября в Киеве, квалифицировать события лишь «локальными» «вооруженными инцидентами на Печерске» также вряд ли правомерно¹⁹². В результате автору остается только удивляться быстрой капитуляции достаточно многочисленного контингента войск штаба КВО.

Центральная рада в дни киевских боев заняла выжидательную позицию и удачно маневрировала.

¹⁸⁷ Кулик И. Октябрьские дни в Киеве // Летопись революции. 1922. № 1. С. 40–41.

¹⁸⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Февраль 1917 – февраль 1918 г.: Хроника важнейших историко-партийных и революционных событий: в двух частях. Ч. 2-я. Большевики во главе трудящихся в период борьбы за установление Советской власти в Украине. К., 1982. С. 59–60.

¹⁸⁹ Большевицские организации Украины, (март-ноябрь 1917 г.). С. 750.

¹⁹⁰ 1917 год на Киевщине: Хроника событий. С. 338–348; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Февраль 1917 – февраль 1918 г. Ч. 2-я. С. 12–15, 23–26, 37–39, 49–51, 59–61, 70–71, 79–81, 93–94.

¹⁹¹ См.: Верстюк В. Ф. Центральна Рада: Навчальний посібник. С. 200.

¹⁹² Там же.

Мнение, что вооруженные силы Рады принимали участие в восстании в союзе с большевиками, не имеет фактического подтверждения. Однако в последнее время такая точка зрения распространяется нередко со ссылками на О. Субтельного, который ход событий в конце октября – начале ноября 1917 г. излагает таким образом: «Не имея достаточно сил, чтобы разбить и Центральную Раду, и сторонников Временного правительства в Киеве, сплотившихся вокруг штаба армии, большевики решают на время сохранить хорошие отношения с украинцами, пытаясь одновременно покончить со штабом армии. 10 ноября (по новому стилю. – В. С.) в Киеве вспыхнули бои почти шеститысячных сил большевиков со штабом армии, в распоряжении которого было до 10 тыс. человек. В решающий момент Центральная Рада приказала 8 тыс. своих бойцов прийти на помощь большевикам, заставив штаб армии эвакуироваться из Киева.

Но большевики оторопели от удивления, когда Центральная Рада объявила, что берет на себя верховную власть во всех девяти губерниях, где украинцы составляют большинство»¹⁹³.

В действительности же, захваченная событиями врасплох, Центральная рада некоторое время колебалась, определяясь с линией поведения. Среди прочих факторов это обуславливалось и тем, что она, по крайней мере в начале, не могла чувствовать и не чувствовала себя уверенно в чисто военном отношении. Срочно отозванные с фронта украинизированные части (эшелон полубот-ковцев, батальон имени Т. Шевченко) прибыли в Киев только в начале ноября. «Но от них уже не было никакой помощи, – утверждает Д. Дорошенко. – Те украинские части, которые приходили в Киев, были уже утомлены физически и духовно и растлены большевистской пропагандой. На те полки, которые стояли в Киеве, надежда тоже была невелика: это показали ноябрьские события, когда украинские военные открыто проявляли симпатии к большевистскому делу»¹⁹⁴. Поэтому 28 октября, не добившись от штаба округа назначения при нем комиссара от Комитета по охране революции на Украине с устранением комиссара Временного правительства Кириенко, а также того, чтобы штаб координировал свои действия с Украинским Генеральным войсковым комитетом, Центральная рада распустила Краевой комитет, передав его функции Генеральному секретариату: «Управление военными властями поручается Штабу округа под контролем комиссариата»¹⁹⁵.

Продолжая лавировать, Рада в ночь на 29 октября подписала со штабом военного округа соглашение, согласно которому передавала высшую военную власть в Киеве командующему округом. Правда, при последнем должна быть создана временная комиссия, «которая информируется обо всех приказах, касающихся намеренного употребления вооруженной силы в округе на случай политических и анархических выступлений». В комиссию должны войти по одному представителю от Генерального секретариата, Украинского Генерального войскового комитета, Украинского войскового съезда, Казачьего съезда, Киевской городской думы, Совета рабочих депутатов и другие лица, «которых начальник округа посчитает нужным пригласить»¹⁹⁶.

Не включаясь непосредственно в боевые действия, Рада во время большевистского восстания наращивала политический авторитет протестами против разгрома войсками штаба округа демократических организаций, ареста членов ВРК – большевиков, разъяснительной работой среди чехословацкой бригады, юнкеров, «ударников» и т. д.¹⁹⁷ Под натиском восставших, вследствие дипломатических и агитационных усилий Рады и процессов внутреннего раз-

¹⁹³ Субтельний О. Україна: історія. К., 1991. С. 305.

¹⁹⁴ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 371.

¹⁹⁵ Робітнича газета. 1917. 4 листоп.; 1917 год на Києвищине. С. 329–331.

¹⁹⁶ 1917 год на Києвищине. С. 337–338.

¹⁹⁷ Там же. С. 337, 338, 347, 351, 352, 356, 357.

лада, части штаба Киевского военного округа, претерпев ряд ощутимых поражений, отступили, их руководство спаслось бегством из Киева.

В переговорах 31 октября – 1 ноября 1917 г., имевших целью установление мира в городе, обессиленные в ходе восстания большевики вынуждены были согласиться на все условия, выдвинутые Радой¹⁹⁸.

1 ноября 1917 г. Центральная Рада объявила себя краевой властью в Украине. В призыве, опубликованном Генеральным секретариатом, отмечалось: Центральна рада избрана всем народом Украины и выражает волю всей революционной демократии. По сути это краевой Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов¹⁹⁹.

Г. Пятаков, которого вместе с арестованными коллегами юнкера были вынуждены освободить, приступил к исполнению обязанностей председателя Военно-революционного комитета. Он направил Совнаркому России радиотелеграмму, содержание которой свидетельствовало о надеждах на возможность избежать вооруженной борьбы с Центральной радой: «Дружным усилием большевистских и украинских солдат и вооруженных красногвардейцев штаб (Киевского военного округа. – В. С.) принужден сдаться. Мятежники раздавлены после большой ружейной, пулеметной и артиллерийской перестрелки... Лакеи Керенского попытались посылать различные части войск против украинцев и большевиков, но ни одна не пошла»²⁰⁰. На следующий день Военно-революционный комитет обратился к жителям Киева с призывом к мирному труду. А брат Георгия – Леонид Пятаков, ставший председателем ВРК Совета рабочих и солдатских депутатов, сменив на этом посту младшего брата, телеграфировал в Петроград Л. Троцкому: «В Киеве все спокойно»²⁰¹.

Последнее, конечно, не соответствовало действительности. «Было ясно, – писал о тех днях В. Затонский, – что схватка (с Центральной Радой. – В. С.) неизбежна, и у нас силы не было. Подстрекать массы против Центральной Рады было гораздо труднее, чем против белых, и тут надо сказать, что у многих среди нас не было полной уверенности, что с Радой надо было кончать вооруженной рукой»²⁰².

3 ноября под председательством Г. Пятакова состоялось объединенное заседание Исполкома Киевских Советов рабочих и солдатских депутатов. Большевики выступили с заявлением о необходимости установления по требованию масс власти Советов. Одновременно относительно организации власти в Украине они заявили, что признают краевой властью Центральную раду, однако лишь при условии обязательного созыва съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для «реорганизации Центральной Рады в Центральную Раду рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»; последние являются реальной властью на местах и претворяют в жизнь постановления советского правительства и Центральной рады. Вместе с тем большевики поддерживали требование созыва Украинского Учредительного собрания²⁰³.

По-разному можно оценивать осуществлявшуюся тактику (собственно, так и было долгие десятилетия в советской историографии – к согласию прийти так и не удалось). Принятые решения стали стержнем поведения киевских большевиков на целый месяц и, надо сказать, не один раз ставили Центральную раду в нелегкое положение. Однако оценивать тогдашнюю тактику однозначно не стоит. От нее в конце концов пришлось отказаться. Впрочем, как известно, так поступают всегда – тактику используют, когда она приносит эффект, и меняют в случае

¹⁹⁸ Робітнича газета. 1917. 2 листоп.

¹⁹⁹ 1917 год на Киевщине. С. 353.

²⁰⁰ Там же. С. 354.

²⁰¹ Там же. С. 356.

²⁰² Літопис революції. 1929. № 4 (7). С. 150.

²⁰³ 1917 год на Киевщине. С. 357.

противоположного результата, или из-за возникновения новых обстоятельств и задач. Да и месяц для революционной эпохи – период длительный.

В целом же, за исключением Винницы, где левые элементы во главе с большевиками взяли в конце октября 1917 г. за оружие (правда, не под непосредственным влиянием событий в Петрограде, а по собственным, местным, локальным причинам, еще за пару дней до свержения Временного правительства, а последнее уже лишь стимулировало ход восстания)²⁰⁴, ситуация не доходила до военной фазы. Это, впрочем, вовсе не означало, что господствовало спокойствие. Напротив, во многих населенных пунктах власть начала «перетекать» в руки сторонников власти Советов.

Местные большевистские организации, получив сообщение о победе вооруженного восстания в Петрограде, призывали трудящихся энергично поддержать революцию, активизировать борьбу за власть на местах, за воплощение в жизнь декретов и постановлений советского правительства.

Уже 27 октября газета «Звезда» опубликовала пламенное воззвание Екатеринославского комитета РСДРП(б). «Товарищи рабочие, солдаты, все трудящиеся! – говорилось в ней. – Пришло великое время осуществления идеалов революции. Все, как один, в поддержку героического революционного Петрограда, требуйте перехода власти в руки Советов!»²⁰⁵ А через несколько дней в той же статье «Как могут поддержать революционную власть екатеринославские рабочие и крестьяне» отмечалось: «Крепкий, стальной фундамент для революционной власти создает только революционная работа рабочих, солдат и крестьян на местах. Если хотите, товарищи, сделать непобедимой Советскую власть, внедряйте, рабочие, немедленно в жизнь контроль над производством; организованно и планомерно, товарищи крестьяне, берите в свое ведение помещичьи земли; железной братской дисциплиной свяжите себя, братья-солдаты, в единую мощную силу. Только такая работа может здесь, в Екатеринославе, и во всей безграничной русской земле сделать непобедимой революцию, сделать жалкой и бессильной контрреволюцию – откуда бы она не исходила...»²⁰⁶

Под руководством большевиков трудящиеся Луганска, Макеевки, Горловки, Щербиновки, Краматорска, Дружковки, Марьевки, Голубовки, других городов и районов Донбасса, Левобережья (Нижнеднепровск), а также ряда населенных пунктов прифронтной зоны установили власть Советов в первые же дни после Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде²⁰⁷. Причем этот своеобразный «красный пояс» имел отчетливую тенденцию к расширению и усилению влияния на всю Украину, поскольку охватывал основные промышленные центры и регионы, принципиально важные для жизнедеятельности целого края.

Все больше под контроль большевиков, левых эсеров, других представителей левого политического спектра попадали солдаты воинских частей Юго-Западного фронта и 8-й армии Румынского фронта, дислоцированных в пределах Украины.

Вышеотмеченное подтверждается материалами многочисленных сборников документов и материалов, воспоминаний, посвященных победе социалистической революции и установлению советской власти на местах²⁰⁸, а также публикациями в тогдашней прессе²⁰⁹. В то же

²⁰⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Февраль 1917 г. – февраль 1918 г. Хроника... Ч. I. С. 674–675; Ч. II. С. 15, 27, 40, 53, 62–63.

²⁰⁵ Звезда. (Катеринослав), 1917. 27 октября.

²⁰⁶ Звезда. (Катеринослав), 1917. 27 октября.

²⁰⁷ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Февраль 1917 г. – февраль 1918 г. Ч. II. С. 23, 30–37, 40, 46, 78.

²⁰⁸ Борьба за Советы на Екатеринославщине: Сб. воспоминаний и статей. Днепропетровск, 1927; Борьба за Октябрь на Артемовщине: Сб. воспоминаний и статей. Харьков, 1929; Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине: Сб. док. и материалов. К., 1951; Борьба за перемену Радянської влади на Україні: Збірник спогадів учасників Великої Жовтневої соціалістичної революції. К., 1957; Борці за Жовтень розповідають: Спогади учасників боротьби за владу Рад на Катеринославщині. К., 1957; Великая Октябрьская социалистическая революция на Укра-

время они не позволяют согласиться с утверждением автора предисловия к изданию «Украинское национально-освободительное движение. – Март-ноябрь 1917 года», который считает, что «в начале ноября (1917 г. – В. С.) в Украине не оказалось силы, альтернативной украинскому национально-освободительному движению и его лидеру – Украинской Центральной Раде»²¹⁰. Деформации в воссоздании объективной картины, возможно, связаны с тем, что национально-освободительное движение, действительно характеризовавшееся достаточной мощью, анализировалось в отрыве, без сравнения с другими общественными процессами в Украине, прежде всего с теми, которые концентрировались вокруг большевиков. А масштабность и влияние последних как минимум не уступали результативности деятельности тех элементов, которые выступали на стороне Центральной рады.

Поэтому такое «мирное» развитие событий таило в себе накопление очень опасной взрывной энергии, предвещало неотвратимое осложнение ситуации, неизбежный всплеск политических страстей.

ине: Сб. док. и материалов. Т. II. Октябрь-декабрь 1917 г. К., 1957; Октябрь в Екатеринославе: Сб. док. и материалов. Д. 1957; Борьба за власть Рад на Поділлі (березень 1917 – лютий 1918 р.): Документи і матеріали. Хмельницький, 1957; Больше-вистские военно-революционные комитеты. М., 1958; Незабутні роки: Спогади учасників Великої Жовтневої соціалістичної революції та громадянської війни на Україні. К., 1967; Октябрьская революция и армия: Сб. документов. М., 1972. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сб. документов. М., 1977.

²⁰⁹ См.: Солдатенко В. Ф. Идти впереди всех. Из опыта борьбы большевистской прессы Украины за победу социалистической революции. К., 1986. С. 129–141 и др.

²¹⁰ Український національно-визвольний рух. С. 29.

3. Противоречия антагонизируются

Объявив себя высшей краевой властью, Центральная рада была не в состоянии сколько-нибудь серьезно контролировать положение в Украине. Как и до того, она просто не имела неоспоримого преимущества, которое базировалось бы на реальной вооруженной силе. Части, присягнувшие ей на верность, проявляли неуверенность, их как будто ошеломили события, заставив искать самостоятельные ответы на вопрос, каким ценностям отдать предпочтение – социальным или национальным. Весьма характерными в этом отношении стали два собрания – III Всеукраинский войсковой съезд и казачий съезд, которые соответственно 20 и 21 октября начали свою работу громкими торжествами.

На Всеукраинский войсковой съезд прибыли 965 делегатов (в основном украинских эсеров и социал-демократов), а в течение заседаний их количество выросло почти в 2,5 раза²¹¹. Они представляли 3 млн воинов-украинцев²¹². Съезд приветствовали представители французской, бельгийской и румынской миссий.

На казачьем съезде присутствовали 600 делегатов (хотя ожидалось 1200) от всех казачьих войск на фронте и в тылу. Казачий съезд приветствовали председатель Чехословацкого национального совета Т. Масарик и английский консул в Киеве Дуглас.

Оба съезда проводились по сути в два этапа – до и после получения сообщений о восстании в Петрограде.

Особенно показательными оказались настроения III Всеукраинского войскового съезда, на котором была представлена политически наиболее активная прослойка украинства. Как и ранее, лидеры Украинской революции с самого начала работы форума пытались приглушить эмоции, унять страсти и направить съезд в возможно более спокойное русло. Так, Н. Порш обратился к военным с речью: «Современное украинское войско – это часть, правда, значительная, но только часть и притом меньшая. Поэтому не может оно теперь на своем съезде и не должно идти самостоятельным политическим путем. Первые два Войсковых съезда были еще в некоторой степени овеяны национальной военной романтикой. III Войсковой съезд должен решительно отвергнуть эти остатки старых времен, должен понять, что современная демократия везде, а тем более украинская, идет не к постоянному войску, не к войнам. Украинская демократия встала на путь федерации, и этим путем должно идти войско. Обособление не в интересе трудящихся масс»²¹³.

Однако, несмотря на то, что общий тон речей, по сравнению с предыдущими съездами, несколько снизился, атмосфера оставалась довольно напряженной, предгрозовой.

Характер дискуссии на съезде, тенденции, которые доминировали на нем, дали П. Христюку основания для вывода: «Украинская революционная демократия готовилась на Войсковом съезде к последнему бою с русской буржуазией за национально-политическое освобождение украинского народа»²¹⁴.

Правда, при рассмотрении данного вопроса следует иметь в виду, что абсолютного единодушия мнений и настроений, как и на предыдущих форумах, не было. Уже в который раз за 1917 г. проявлялась одна и та же тенденция, переходящая в закономерность: массы, рядовые участники движения были гораздо более решительными, более радикальными чем их руководители. Интересный эпизод в подтверждение этой мысли пересказал в своей книге Н. Шаповал: «Вспоминаю одну трогательную зарисовку с этой незабываемой эпохи. Сразу, как только

²¹¹ Нова Рада. 1917. 22 жовт.

²¹² 1917 год на Киевщине. С. 363.

²¹³ Цит. по: *Збарзкий С.* Крути. До 40-річчя Великого Чину. 29-го січня 1918 р. Мюнхен; Нью-Йорк, 1958. С. 57.

²¹⁴ *Христюк П.* Замітки і матеріали... Т. II. С. 41.

началось восстание большевиков в России, а в Киеве был создан Верховный Краевой Комитет, однажды ночью, где-то часа в 4-ре утра, в дом Ц. Рады пришла делегация от войскового съезда, чтобы заявить дежурным представителям Краевого Комитета о своих желаниях. Члены этого Комитета по очереди дежурили каждую ночь, чтобы отдавать приказы по охране революции. В этот раз было несколько членов, и к делегации вышел в коридор Петлюра и другие. Делегация была немаленькая – почти сто казаков и матросов, которые заявили, что съезд требует от Ц. Рады как высшей власти немедленно провозгласить Украину республикой. Петлюра начал сладенько уговаривать делегатов, что Ц. Рада сделает это тогда, когда прояснятся обстоятельства, ибо, теперь, мол, неизвестно, как будет с российским правительством, упадет оно, или нет, а если не упадет, то оно пойдет на нас войной, у нас же силы не велики, еще не организованы, на Украине и в тылу стоит почти пять миллионов русского войска и т. д. и т. п. Делегаты перебивали его речь и добивались “немедленно” и начали кричать, что если Ц. Рада не провозгласит вскоре Украину республикой, то они ее подымут на штыки! При всем огромном уважении казачества к Ц. Раде (почетным председателем войскового съезда был сам М. Грушевский!) все же военные люди говорили угрюмо и сердито о “штыках”. Угрозы от любви! О, как грустно было украинским революционерам годами работать в подполье, вести пропаганду в украинских темных массах, которые даже своего национального имени не знали, за царя и попов горой стояли! Казалось, конца и края этой темноте нет, но вот революция их, рабочих и крестьян украинских, разбудила, и они за $\frac{1}{2}$ года организационной суеты уже просто пошли к цели и первые в своей душе пришли к ней – давай республику и все тут! Радостно трепетало у нас внутри, тепло переполняло сердце – наш народ не отдает нас в руки российской полиции, как “студентов” или “сицилистов”, как это случалось до революции, а требует полного самоопределения, требует Украинской Республики! Слезы радостно наплывали на глаза, голова клонила к радостному плачу...»²¹⁵

Еще менее четко представлялась ближайшая перспектива Украинской революции в социально-экономической сфере. Отчасти, войсковому съезду на первом этапе его работы не суждено было определиться в этой области. По предложению С. Петлюры форум прервался и образовал из своего состава «Первый украинский полк охраны революции» (4 куреня, командир – полковник Ю. Капкан, помощник – поручик Н. Галаган). Но, прождав два дня в готовности и практическом бездействии, полк самоликвидировался (правда, съезд решил оставить на некоторое время часть своих делегатов в Киеве, сформировав из них отдельный курень, который должен был перейти в распоряжение Центральной рады)²¹⁶, и 28 октября солдатские посланцы, вернувшись в зал заседаний, высказали свое отношение к ситуации в России, Украине, Киеве. Съезд единодушно осудил действия штаба Киевского военного округа, выступил против шовинистических намерений казачьего съезда. Значительная часть депутатов не скрывала своего одобрительного отношения к петроградским событиям и потребовала от Центральной Рады решительности. Это и отразила итоговая резолюция, принятая на закрытом заседании: «Исходя из принципа полного, ничем не ограниченного самоопределения наций, III Всеукраинский войсковой съезд добивается от своего высшего революционного органа – Центральной Рады – немедленного провозглашения в ближайшей сессии Украинской Демократической Республики. Принципы определения федеративных связей с другими народами должны быть выработаны Украинским суверенным Учредительным собранием»²¹⁷. Что же касается большевиков, то было принято бороться только с их требованиями о передаче власти Советам рабочих и солдатских депутатов, хотя петроградское восстание «нельзя считать

²¹⁵ Шаповал М. Велика революція і українська визвольна програма. Прага, 1928. С. 92–93.

²¹⁶ См.: Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 49; Галаган М. З моїх споминів: У 4 ч. Львів, 1930. Ч. III. С. 11–18; Нова Рада. 1917. 29 жовт.

²¹⁷ Нова Рада. 1917. 29 жовт.

поступком антидемократичным» и съезду предстояло принять все меры, чтобы войско с Украины не направлялось «на борьбу с представителями интересов трудового народа»²¹⁸. Немало делегатов съезда заявляли, что готовы идти не за Центральной Радой, а за большевиками²¹⁹.

П. Христюк охарактеризовал возникшую коллизию таким образом: «Как видим, Съезд разошелся здесь с Центральной Радой. В то время, как Малая Рада, хотя и условно, высказалась все же против восстания в Петрограде, Съезд отнесся к нему с видимой симпатией, назвав проводников этого восстания – большевиков – “представителями интересов трудового народа” и отметив, что не только не будет бороться против восстания, а наоборот – примет все меры, чтобы воспрепятствовать вообще борьбе с рабоче-крестьянской революцией в Московии.

Почему же именно в то самое время Съезд постановил решительно бороться с притязанием большевиков передать власть в руки рабочих и солдат и на Украине, не трудно понять. Украинская революционная демократия имела перед собой все еще две задачи: социально-экономическую и национальную. И в то время, как в области социально-экономической симпатии ее (по крайней мере значительной части) были определены на стороне предводителей рабоче-крестьянской революции – московских соц. – дем. большевиков, в сфере национально-политической она не доверяла (и имела основания не доверять) даже этим самым левым и революционным элементам господствующей демократии»²²⁰.

Христюк пытается найти и дополнительные пояснения возникшей совсем непростой ситуации. Среди прочих аргументов – учет того, что переход власти к Советам рабочих и солдатских депутатов означал бы переход ее в руки неукраинской демократии (неукраинский или обрусевший пролетариат и русские в своем большинстве солдаты гарнизонов формировали, соответственно, преимущественно неукраинские по составу Советы). «К тому же, – считал историк, – хоть это и не было полностью так, украинская революционная демократия имела право утверждать, что на Украине власть и так принадлежала не кому иному, как рабочим, солдатам и крестьянам, в лице Центральной Рады. Правда, в Центральной Раде впереди шли и преимущество имели не соц. – дем. большевики, но это сути дела не меняло. Все украинские революционно-социалистические партии были представлены в ней, и никто не препятствовал наиболее левым из них взять руководство в свои руки. Можно было бы сказать, что среди украинских социалистических партий не было вовсе таковой, которая в то время могла бы выдвинуть лозунг социалистической революции, как выдвинула его русская соц. – дем. партия большевиков. Да, не было. Были зародыши ее. Но разве это означало, что вся украинская революционная демократия должна была перейти под опеку хотя и более развитой социально и социалистически московской демократии? Да и кто мог бы поручиться, к чему эта опека могла бы привести? Разве украинская демократия не чувствовала враждебного отношения к себе со стороны самых левых элементов московской демократии? Разве идея национального освобождения украинского народа не была чужой, непонятной и даже враждебной для московской “интернациональной” демократии, столь “интернациональной”, что из всех едва не ста наций России она в обыденной жизни признавала только – московскую!»²²¹

Рассуждения Христюка характерны также для других авторов и являются очень важными для понимания подлинных тенденций Украинской революции на одном из самых крутых исторических поворотов. Ведь до 25 октября 1917 г. Украинская революция входила в определенное противоречие с общероссийскими процессами, прежде всего на национальной почве. Это ярко проявлялось в отношениях Центральной рады с Временным правительством, в негативном отношении последнего к автономистско-федералистским ориентациям украинства, к его

²¹⁸ Нова Рада. 1917. 5 листоп.

²¹⁹ 1917 год на Киевщине. С. 332–333.

²²⁰ Христюк П. Записки і матеріали... Т. II. С. 47.

²²¹ Там же. С. 47–48.

попыткам сделать конкретные шаги в этом направлении. Что касается социальных аспектов, то, несмотря на усиливающиеся социалистические ориентации лидеров Украинской революции, которые, очевидно, противоречили преимущественно либеральным настроениям Временного правительства, до острых конфликтов здесь не доходило. Центральная рада, Генеральный секретариат просто не совершали ничего такого, что бы сколько-нибудь существенно противоречило политике Петрограда.

На протяжении нескольких последних дней октября произошли довольно существенные изменения. Когда социальные ориентации общероссийской революции стали определять большевики, став доминирующей силой в Петрограде, лидеры украинства поспешили отмежеваться от их курса, даже больше – заняли не просто иную, но и во многом противоположно-непримиримую, даже воинственную позицию, несмотря на очевидное противоречие такой позиции настроениям широких масс.

Возвращаясь же к работе казачьего съезда, следует заметить, что он оказался значительно более консервативным чем войсковой, с откровенной враждебностью встретив сообщения об октябрьском перевороте. Делегаты съезда высказались за оказание помощи штабу Киевского военного округа для ликвидации в Киеве многовластия, пытались давить на Центральную раду и даже направили вызовы казакам на фронт, чтобы те прибыли в Киев, а в казачьи подразделения Киева отправили своих эмиссаров²²². Представителям Центральной рады удалось нейтрализовать настроения и действия казаков, хотя застраховаться от неприятностей с их стороны, конечно, было невозможно полностью.

Вместе с частями штаба Киевского военного округа и юнкерами училищ казаки, по решению съезда, 31 октября оставили Киев, преимущественно подавшись на Дон, к генералу А. Каледину²²³.

Центральная рада заняла без особого труда своими войсками ключевые пункты города и административные помещения, заставив считаться с собой как с реальной высшей властью в городе.

Оценивая тактику Центральной рады, всего украинского руководства в октябрьских событиях, пожалуй, нельзя считать ее взвешенной или хитро замаскированной, хотя такая точка зрения и существует в историографии. Сосредоточение власти в Киеве после ожесточенных боев «между революционным войском и контрреволюционными войсками Штаба» в руках Центральной рады стало в равной степени как логичным, так и неожиданным в прогностическом отношении результатом, который для Центральной рады скорее был совпадением непростых обстоятельств, чем следствием целенаправленных, спланированных, ясно осознаваемых усилий.

Падение же Временного правительства, ликвидация его местных органов создали для Украинской революции, ее политического руководства благоприятную обстановку. Можно было мгновенно реализовать все то, что не удавалось достичь на протяжении предыдущих восьми месяцев нервно-напряженной борьбы, претворить в жизнь неурезанную платформу формирования автономного строя в Украине. Шаги в этом направлении представлялись тем более важными, чем настойчивее требовала их украинская демократия, в частности III Всеукраинский войсковой съезд.

Неудивительно, что уже 30 октября 1917 г. Центральная рада приняла решение пополнить Генеральный секретариат генеральными комиссарами по делам военным, пищевым, железнодорожным, судебным, по торговле и промышленности, почте и телеграфу. На следующий день Центральная рада рассмотрела вопрос о положении тех украинских земель, которые, согласно инструкции Временного правительства, оставались вне автономной Украины,

²²² 1917 год на Киевщине. С. 326.

²²³ Киевская мысль. 1917. 2 нояб. (веч. выпуск). 8 нояб.

и, «принимая во внимание волю украинского народа, выраженную в многочисленных постановлениях крестьянских, национальных и общетерриториальных – губернских и уездных съездов, разных политических и общественных организаций отделенных частей Украины, а также взвесив то, что раздел Украины, как следствие империалистической политики российской буржуазии относительно Украины, обостряет национальную борьбу, нарушает единство революционных сил демократии Украины и тем самым ведет край к беспорядку и росту контрреволюции», – постановила распространить власть Генерального секретариата на всю Украину, включая Херсонщину, Екатеринославщину, Харьковщину, материковую Таврию, Холмщину, часть Курщины и Воронежчины²²⁴.

В состав территории, подчиненной Центральной Раде, не была включена только Кубань, хотя жители этого края и участвовали в украинском национально-освободительном движении. Причины этого следует искать в особом характере развития революции в регионе.

Кубанские черноморские казаки как часть одного Кубанского казачьего войска (национально разнородного) были слишком тесно связаны с общекраевыми интересами, которые диктовали казачеству отдельную линию политической, революционной борьбы. Признавая свою принадлежность к украинскому народу и «великой матери Украине», принимая определенное участие в общеукраинской борьбе, украинское кубанское казачество в то же время не порывало связей с общероссийским казачеством, в частности, сделало большой вклад в создание так называемого «Юго-Восточного Союза».

Еще до октябрьских событий в Петрограде состоялось важное для жизни Кубани заседание Кубанского военного Совета, продолжавшееся две недели. Обсудив дело будущего государственного строя в России, Совет единогласно высказался за федеративную республику. В заседаниях Совета участвовали как гости представители Украины, встреченные очень тепло. Председатель Совета приветствовал их на украинском языке, называя «сынами нашей матери – Украины».

Став на почву федерации, кубанцы в конце января 1918 г. провозгласили свою область Кубанской Народной Республикой с отдельным Законодательным Советом и правительством²²⁵.

* * *

Трудно утверждать, что осуществляемые лидерами украинства шаги вытекали из априорно враждебного отношения большевиков к национальным интересам украинской нации. Ведь именно РСДРП(б) оказалась единственной партией, которая неизменно осуждала все великодержавные акции Временного правительства касательно Украины и к концу октября 1917 г. еще не успела официально оформить через соответствующий государственный акт собственную национальную платформу («Декларация прав народов России» была принята СНК лишь 2 ноября 1917 г.).

Но в развитии Украинской революции в национально-государственной сфере была и своя логика, обусловленная внутренними факторами. Местные большевики, считая себя частью единой партии, пришедшей к власти во всей стране, и прилагая усилия к установлению нового порядка в Украине (провозглашение власти Советов во многих населенных пунктах Донбасса, прифронтовой полосы, восстание за власть Советов в Киеве, Виннице и т. д.), не желали мириться с сосредоточением власти в руках Центральной рады²²⁶. В лучшем случае, учитывая

²²⁴ Христук П. Замітки і матеріали... Т. II. С. 49–50.

²²⁵ Христук П. Замітки і матеріали... Т. II. С. 195.

²²⁶ Боротьба за владу Рад на Подолі (березень 1917 р. – лютий 1918 р.): Документи й матеріали. Хмельницький, 1957. С. 138–140, 155, 156, 170–171 и др.; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Укра-

реалии, они соглашались признать за последней властные компетенции на какой-то незначительный срок – до изменения соотношения сил. Соответствующей была и тактика.

Во-первых, считалось возможным признать высшую власть Центральной рады в крае, но на местах такой властью должны стать и уже становились Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (одно это уже практически полностью лишало бы Центральную раду возможности влиять на ход событий на местах).

Во-вторых, планировалось вскоре созвать Всеукраинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов совместно с Центральной радой для избрания на нем «настоящей Рады Советов», единой рабоче-крестьянской власти для Украины. Расчет такого «компромисса» также был очевиден – растворить украинское представительство в Советах рабочих и солдатских депутатов, поглотить его, лишить Украинскую раду как «буржуазный орган» даже номинальной власти.

Поэтому-то Центральная рада сделала все, чтобы не выпустить политическую инициативу из своих рук, использовать момент для углубления процесса национально-государственного строительства. Именно в таком русле и следует, очевидно, рассматривать мотивы и историю появления Третьего универсала Центральной рады.

Так, М. Грушевский пишет, что перед угрозой кровавой междоусобицы «создание единой, сильной власти в крае являлось жгучей потребностью. Такие резолюции и были вынесены Ц. Радой, и этого было еще мало: единственным способом утверждения этой власти было подведение государственного фундамента под нее»²²⁷. Таким образом, пришли к убеждению, что «Украинская республика действительно должна быть провозглашена немедленно, но провозглашение это не может ограничиться одной формальной стороной, – вместе с тем должен быть по возможности полно раскрыт демократический и социалистический характер сего восстановленного украинского государства. В результате взаимопонимания между фракциями украинских с.-д. и с.-р. был выработан проект третьего универсала Ц. Рады, который и был с некоторыми изменениями принят и провозглашен Ц. Радой 7 ноября»²²⁸.

Со слов М. Грушевского становится понятным, что готовившийся государственный акт одновременно должен был стать программой широких действий демократического и социалистического характера, то есть программой дальнейшего развития революции.

В значительной степени разделял точку зрения своего старшего коллеги и В. Винниченко, еще откровеннее заявляя: «...для украинской демократии вопрос стоял так: либо признать петроградское Правительство Народных Комиссаров и идти вместе с ним, разделяя всю его социальную и политическую программу, или вести вполне самостоятельную, ни с кем уже не связанную акцию.

Центральная Рада избрала второй путь... Силой обстоятельств Украина фактически отрезалась от России, имея с ней только номинальную федеративную связь. Центральной Раде оставалось только соответствующим актом зафиксировать это положение...»²²⁹

Кроме того, «Генеральный Секретариат не мог дальше висеть в воздухе как орган какого-то центрального правительства, которого не было, – и не было даже надежды, чтобы оно могло образоваться. Он должен стать правительством Украинского государства»²³⁰.

Так появился на свет один из важнейших, судьбоносных для Украины и ее народа революционных документов.

«Народ украинский и все народы Украины! – извещала Центральная рада. – Тяжелое и трудное время выпало на землю республики Российской. На севере, в столицах идет междо-

ине. Ч. II. С. 15, 41, 57, 62–63, 81, 95, 96, 107, 108, 131 и др.

²²⁷ Грушевський М. Ілюстрована історія України... С. 552–553.

²²⁸ Там же. С. 553.

²²⁹ Винниченко В. Відродження нації. Ч. II. С. 73–74.

²³⁰ Там же. С. 74.

усобная и кровавая борьба. Центрального правительства нет, и по государству распространяется безвластие, беспорядок и разруха.

Наш край также в опасности. Без власти, сильной, единой, народной, Украина тоже может упасть в бездну междоусобицы, резни, упадка. Народ украинский! Ты вместе с братскими народами Украины поставил нас беречь права, приобретенные борьбой, творить порядок и строить всю жизнь на нашей земле. И мы, Украинская Центральная Рада, твоей волей, во имя творения порядка в нашей стране, во имя спасения всей России, оповещаем:

Отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики Российской и сохраняя единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика стала федерацией равных и свободных народов.

До Учредительного Собрания Украины вся власть творить порядок на землях наших, издавать законы и править принадлежит нам, Украинской Центральной Раде, и нашему правительству – Генеральному Секретариату Украины.

Имея силу и власть на родной земле, мы той силой и властью станем на страже прав и революции не только нашей земли, но и всей России.

...Граждане! Именем Народной Республики в федеративной России мы, Украинская Центральная Рада, призываем всех к решительной борьбе со всякими беспорядками и разрушениями и к дружескому большому строительству новых государственных форм, которые дадут великой и изможденной республике России здоровье, силу и новое будущее. Выработка этих форм должна быть проведена на Украинском и Всероссийском Учредительных собраниях...»²³¹

Провозглашение Украинской Народной Республики, намерения строить федеративные отношения с другими национально-государственными образованиями бывшей России на принципах единения демократически-социалистических сил, меры в социально-экономической и политической сферах – отмена помещичьей собственности на землю, введение 8-часового рабочего дня, государственного контроля над производством, сообщение о стремлении к заключению немедленного мира, о праве национально-персональной автономии для национальных меньшинств и другие положения Третьего Универсала М. Грушевский назвал «грандиозной программой» для дальнейшей деятельности руководства Украинской революции – Центральной рады и Генерального секретариата.

Как всегда, с особым пафосом оценивал Универсал В. Винниченко: «Теперь, наконец-то, мы могли создать жизнь по нашему образу и подобию, и только по-нашему. Теперь мы имели все средства для того. Все государственные аппараты переходили в руки Генерального Секретариата, все финансовые средства были в его распоряжении, вся военная сила подлежала его приказам...»²³²

Провозглашение Третьего Универсала стало, бесспорно, выдающейся вехой, кульминационным пунктом Украинской революции. Юридически оформлялось достижение вековой величественной цели – восстановление национальной государственности, получившей естественное название – Украинская нация с созданием Украинской Народной Республики поднимались на качественно новую ступень своего развития. Перед ней открывались невиданные до того возможности для масштабных сдвигов как в различных отраслях внутренней жизни, так и в международных отношениях. Одним мощным движением Украина фактически догоняла нации и государства, имевшие возможности беспрепятственной эволюции на протяжении столетий, и буквально врывалась на международную арену как прогрессивное общественное национально-государственное образование.

²³¹ Нова Рада. 1917. 8 листоп.

²³² Винниченко В. Відродження нації. Ч. II. С. 81.

Однако это действительно эпохальное для украинской нации событие уже на протяжении десятилетий воспринимается и оценивается по-разному.

Критически отнеслись к Третьему Универсалу и провозглашению УНР местные организации РСДРП(б). Они развернули интенсивную кампанию с целью дискредитации и документа, и обусловленных им действий. Примером подхода большевиков к решению Украинской революцией текущих проблем является статья в «Пролетарской мысли» «Довольно дипломатии».

«7-го ноября Центральная Рада издала новый Универсал, – говорилось в публикации, – с некоторым опозданием и с определенным урезанием Универсал лишь подтверждает часть декретов, изданных новым правительством рабочих и крестьян, а объявление Украинской республики является лишь выводом из объявленной питерским советским правительством декларации прав народов. Хотя присутствующая при провозглашении Универсала публика громко аплодировала и кричала “Слава”, вряд ли этот Универсал сможет удовлетворить широкие круги рабочих и крестьян. Правда, там говорится о земле, о мире, о контроле и еще о многом, но сейчас после победы, одержанной советскими войсками, нет такого соглашательского воровья, который об этих высоких материях не чирикал бы изо всех сил. Разве можно теперь найти человека, который хотел бы повлиять на ход политической жизни и который высказывался бы против немедленной передачи земли земельным комитетам, немедленного предложения мира всем желающим и т. д. Сейчас дело не в лозунгах, а в том, как и кто эти лозунги будет осуществлять, стоит ли Рада на точке зрения пролетарско-крестьянской революции, или на точке зрения революции буржуазно-демократической.

Напрасно мы искали бы ясный и простой ответ на этот главный и кардинальный вопрос. Весь Универсал состоит из обычной буржуазной демократической мелодекламации, которую можно толковать и так, и так. Рабочих и крестьян можно убеждать, что Универсал направлен против помещиков и капиталистов, а последних можно увещевать необходимостью успокоить рабочих и крестьян некоторыми уступками. Но рабочим и крестьянам вся эта дипломатия не нужна. Они требуют от Центральной Рады категорического ответа: стоит ли Рада на стороне правительства рабочих и крестьян, или она против него...»²³³

Причем с каждым днем критический тон большевистских выступлений становился все более отчетливым и непримиримым.

Отрицалось даже то, что сначала оценивалось, хоть и с оговорками, но все же положительно. Такой, в частности, была статья в той же «Пролетарской мысли» под названием «Центральная рада и земельный вопрос»²³⁴.

Правда, не все большевистские организации сразу же четко определились в своем отношении к высшему государственному акту Центральной рады. Так, орган Полтавского комитета РСДРП(б) – газета «Молот» – горячо приветствовала Третий Универсал и, сравнивая его с ленинскими декретами, не находила в них принципиальных разногласий, считала Универсал воплощением линии советской власти на украинском языке. Только через определенное время полтавские большевики сменили первичные выводы²³⁵.

Неоднозначную оценку получил Третий Универсал и в украинской среде. Ему противопоставлялись другие, по мнению некоторых авторов, более весомые и содержательные документы. Сразу стоит отметить, что такие попытки нельзя признать достаточно убедительными. Так, явным преувеличением является утверждение М. Стахова о том, что реальным восстановлением Украинского государства стали решения Центральной рады от 31 октября и 1 ноября о выходе Генерального секретариата из-под подчинения Временному правительству и распро-

²³³ Пролетарская мысль (Киев). 1917. 10 нояб.

²³⁴ Пролетарская мысль. (Киев), 1917. 16 нояб.

²³⁵ Молот. (Полтава), 1917. 12 нояб.

странении его власти на все губернии Украины²³⁶. Нельзя согласиться и с его положением о том, что «это было с самого начала своего существования фактически и формально суверенное Украинское Государство», которое в Третьем Универсале «нашло лишь свое оформление»²³⁷.

С этими утверждениями перекликаются положения книги С. Литвина о С. Петлюре. По его логике, изданием Третьего Универсала Центральная Рада «дала формальную основу под фактически уже существующую Украинскую державу... Украинская Народная Республика юридически стала суверенным государством, самостоятельным в пределах своей территории (? – В. С.) и ни от кого независимым извне, с самостоятельной верховной властью»²³⁸. Известно, правда, зачем тогда было принимать через два месяца Четвертый Универсал, если уже 7 ноября 1917 г. в вопросе о самостоятельности были расставлены все точки над і.

Представляется, что самую серьезную попытку всесторонне проанализировать содержание Третьего Универсала, в том числе определить те его недостатки, которые проявятся позже, сделал в своих «Заметках и материалах к истории украинской революции» П. Христюк. При чем преимущество его исследовательского подхода заключается в попытке вписать не только события, которые произошли в Украине позже (как следствия воплощения в жизнь идей Универсала), но и значение самого документа как определяющего фактора в более широкий, общероссийский контекст, изъятие из которого процессов в Украине и принимаемых документов мешает постижению истины.

Обдумывая одно за другим положения исторического акта, П. Христюк приходит к ряду принципиальных выводов, среди которых важнейшими для предпринимаемого исследования являются следующие: «...в отношении к крестьянско-рабочей революции в Московии, а тем самым и к Советскому Правительству, образованному в Петрограде большевиками, Центральная Рада и Генеральный Секретариат не заняли вполне внятной позиции, хотя политика Временного Правительства и осуждалась Центральной Радой, хотя упадок его и переход власти к большевикам был на руку Центральной Раде, последняя все же не задумывалась серьезно над вопросом о признании московских Народных Комиссаров если не всероссийским, то хотя бы московским правительством.

Рабоче-крестьянская революция в Московии трактовалась тогда умеренной украинской и неукраинской демократией, не говоря уже о мелкой буржуазии, не более, как “распространение по государству безвластия, беспорядка и руины”. Серьезнее сути дела в этих кругах никто не воспринимал. Даже левые группы украинской демократии не сразу сориентировались. В то, что в Московии закрепится большевистское правительство и там дойдет до социалистической революции, в Центральной Раде не верили. Представители национальных меньшинства (особенно рус. соц. – дем. меньшевики, бундовцы и рус. соц. – рев.) смотрели на события в Петрограде как на преступную и вредную для общероссийской революции большевистскую авантюру, предрекали в своих речах близкий крах большевистской власти и все предостерегали Генеральный Секретариат и Центральную Раду от какого бы то ни было сближения с большевиками. И можно сказать, что главным образом из-за “меньшинств” Центральная Рада не сконцентрировалась в то время серьезно на мысли о формальном признании Совета Народных Комиссаров как правительства Московии. А такое признание само напрашивалось. Центральная Рада довольно часто подчеркивала, что она является органом рабочих, крестьянства и воинства Украины. Следовательно, казалось, было бы вполне возможно признать такую же (хотя и в форме диктатуры соц. – дем. партии большевиков) организацию власти и в Московии. К тому же и Третий Войсковой Съезд подсказывал Центральной Раде именно такую позицию,

²³⁶ *Стахів М.* Третій універсал з погляду державного і міжнародного права // Наук. зап. Укр. техніко-господар. ін-ту. Мюнхен, 1967. С. 7.

²³⁷ Там же. С. 7, 16.

²³⁸ *Литвин С.* Суд історії: Симон Петлюра і петлюріана. К., 2001. С. 105.

обозначив в своем постановлении, что он не может считать выступление большевиков поступком антидемократическим и будет бороться с попытками его подавления»²³⁹.

Христюк склонен усматривать в указанной позиции украинского руководства серьезный просчет. Он размышляет, что формально признать СНК «московским правительством» было бы логично и потому, что впоследствии Центральная рада, Генеральный секретариат никаким своим актом не возражали против статуса СНК как «московского правительства», даже в нотах к руководителям возможных субъектов будущей федерации фактически обращались и к правительству Ленина. Другое дело, что у Центральной рады не было оснований для признания Совета народных комиссаров всероссийским правительством. «Центральная Рада твердо стояла на почве федеративного переустройства России и еще на Демократическом Совещании добивалась образования для России правительства “ответственного перед демократией всех народов России”, то есть организованного на федеральных началах. Совет же народных комиссаров во главе с Лениным никак не соответствовал этому основному и важному требованию Центральной Рады, будучи фактически правительством Московии; следовательно, Центральная Рада, не изменяя себе, не могла признать превосходства этого правительства над собой.

Оставалось для Центральной Рады еще две возможности: а) совершенно махнуть рукой на Московию и всю Россию и заняться исключительно своими делами и б) принять возможные меры к образованию общероссийского федеративного правительства. На этот последний путь и стала Центральная Рада, заявив, как следует из Универсала, что она считает своим долгом помочь всей России “спастись от безвластия, беспорядка и руины”»²⁴⁰.

Здесь, думается, очень важно заострить внимание на том, что Христюк достаточно осторожно присовокупляет к своей оценке отношения Центральной рады и Генерального секретариата к Совнаркому не только планы федеративного переустройства государства, возможной роли в этом процессе Украины, конкретную деятельность в данном направлении, в частности развитие отношений с ленинским правительством, но и весьма важный элемент – вывод о соотношении между социальной направленностью революционного процесса, которым руководили большевики, и политическим курсом, которого, согласно Третьему Универсалу, стали придерживаться лидеры Украинской революции.

На первый взгляд, многие положения Универсала не противоречат (более того – соответствуют) линии декретов Советской власти. Однако тот же Универсал свидетельствует о сознательном дистанцировании Украинской революции от большевистского курса. Конечно, это еще мало что значило. Теоретически можно предположить немало (по крайней мере, больше одного) вариантов достижения любой цели, в том числе и создание социалистического («народоправного») общества. Можно доказывать (и это позже множество раз будет делаться), что социализм – вообще тупиковый, вредный для общества путь развития. Но конкретные исторические обстоятельства сложились так, что в России и Украине конца 1917 г. водораздел между большевистской и другими вариантами политических ориентаций выглядел как граница между политикой в интересах народных масс и политикой, которая расходилась с этими интересами.

Несмотря на все претензии к большевикам (их количество с течением времени росло) один из тогдашних активных политических деятелей П. Христюк нашел крайне необходимым хотя бы кратко отметить различия украинской революции с большевистским курсом именно при анализе Третьего Универсала Центральной рады – документа, с которым отождествляется выбор варианта дальнейшего развития украинского общества. Подчеркнув, что «в Третьем Универсале мы видим начертание социально-экономического содержания той государственно-сти, которую творила Рада», Христюк пишет: «Присматриваясь к этим идеалам ближе, можно сказать, что они более или менее соответствовали моменту. Формулируемые в самых общих

²³⁹ Христюк П. Записки і матеріали... Т. II. С. 53.

²⁴⁰ Там же. С. 54.

чертах, они могли быть правдиво оценены только в процессе осуществления их в жизни, ибо только в этом процессе они могли развиваться и приобрести конкретное содержание.

Такие важные вещи, как установление государственного контроля над всей продукцией, требование приспособления суда к народным потребностям, сотрудничества органов самоуправления с советами крестьянских и рабочих депутатов, могли в процессе незаконченной революционной борьбы развиваться и уйти далеко от своего первичного неясного прообраза. Так, например, участие рабочих в установлении и осуществлении контроля над продукцией и распределением могло в конце концов перейти в форму национализации промышленности и организации продукции на общественных коллективных основах; привлечение к сотрудничеству с демократическими самоуправлениями Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов могло легко дойти до перемены роли этих двух сторон: советы крестьянских и рабочих депутатов могли из подсобных органов превратиться в главные – в органы власти на местах, а самоуправления перейти, как органы технико-хозяйственные, под их контроль.

Наконец, будущее Учредительное Собрание могло также не повлечь за собой ликвидацию центральных классовых революционных органов украинской демократии – советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – и создать некую форму сотрудничества»²⁴¹.

Нужно ли говорить: Христюк пытается доказать, что к моменту принятия Третьего Универсала еще существовали возможности для того, чтобы большевистская и Украинская революции дополнили друг друга, а не вошли в антагонистическое противоречие. «Обо всех этих возможностях мы говорим потому, что они не отбрасывались и большинством самой Украинской Центральной Рады, и, как таковые, являются ценными для характеристики проявленного Радой понимания задач революции, – продолжает историк. – Правда, Центральная Рада не стала определенно на позицию необходимости жестокой классовой борьбы, не провозгласила своей ближайшей целью полный развал буржуазно-капиталистического общества и созидание нового социалистического общества и, в связи с этим, не провозгласила лозунги организации государственной власти в центре и на местах на классовом, советском принципе. Но после этого было бы вполне ошибочным делать вывод, что Центральная Рада избирала своим идеалом создание буржуазной или мелкобуржуазной государственности. Слово “народная” республика было употреблено в Универсале Центральной Рады вовсе не для украшения и не для того, чтобы его, в подчинении к возрожденной украинской государственности, постигла такая же печальная участь, как и чужеземное слово “демократическая” в старой европейской практике»

²⁴².

Центральная Рада сознательно выдвигала цель развития подлинно народной государственности, при которой политическая власть находилась бы в руках народа, а социально-экономические отношения были бы устроены так, чтобы обеспечить как духовные, так и материальные интересы трудящихся масс. Для достижения этой цели Центральная рада (ее рабоче-солдатско-крестьянское большинство во главе с украинскими социалистическими партиями – эссерами и социал-демократами) вовсе не собиралась следовать образцам западноевропейских республик, даже самых «демократических», и поэтому не связывала себя в то время старыми, установленными на Западе государственно-политическими формами «чистого» парламентаризма²⁴³.

По оценкам активных участников событий, главной ошибкой Центральной рады в то время была ее позиция «социального, межклассового мира», ее вера в то, что намеченные задачи удастся воплотить в жизнь без ожесточенной борьбы с буржуазией. «Эта позиция и эта вера вели к тому, что Центральная Рада, с одной стороны, не спешила с претворением в жизнь

²⁴¹ Христюк П. Записки і матеріали... Т. II. С. 56–57.

²⁴² Там же. С. 57.

²⁴³ Христюк П. Записки і матеріали... Т. II. С. 57.

объявленных реформ, а с другой – переоценивала вес избранных на основе пятичленной формулы органов самоуправления и будущего Учредительного Собрания и недооценивала в то же самое время веса и значения в революции классовых органов трудящихся масс – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, хотя и являлась сама более классовым, нежели междуклассовым, органом. Отсюда начиналось потом, при неблагоприятных условиях развития украинской революции, отклонение Украинской Центральной Рады (собственно эсефовско-эсдековского правительства ее) вправо; здесь таится причина частых призывов Генерального Секретариата к “спокойствию” и прекращению “анархии” в то время как, казалось, надо было призывать к борьбе с буржуазией, к акции, которая вырывала бы из рук последней сосредоточенные в ее руках материальные ценности»²⁴⁴.

Характерным для этой «примиренческой» позиции и тактики умеренной части украинской демократии стали изданные Генеральным секретариатом вслед за Третьим универсалом пояснения к нему, «главным образом, в деле земельном». В дополнение к этим пояснениям секретариат земельных дел издал еще свой особый циркуляр земельным комитетам, в котором разъяснял, что именно следует понимать под нетрудовыми землями. Из разъяснений следовало, что «земельных собственников, владеющих землей в рамках трудового хозяйства, например, менее, чем 50 десятин, Универсал не касается; такая трудовая собственность Универсалом не отменяется и остается по-прежнему»²⁴⁵. «Ясно, что такие “объяснения” вносили в дело одни только неясности, – констатирует П. Христюк. – Ссылка на Учредительное Собрание в таких важных вопросах, как дело уплаты различных долгов, лежавших на помещичьем имуществе, в то время как в Универсале ясно сказано было, что экспроприация земель проводится без выкупа, только запутывала дело. Упоминание же земельного секретариата о 50 десятинах было и вовсе неуместным. Оно вызвало большое недовольство среди беднейшего крестьянства»²⁴⁶.

Итак, хотя и осторожно, Христюк вполне определенно поставил под сомнение правильность выбора ориентации, сделанного Центральной радой и Генеральным секретариатом осенью 1917 г. Нелегко что-то противопоставить и тому способу доказательства, к которому прибег историк.

Еще больше понимал необходимость такого подхода В. Винниченко. Во всяком случае, в «Відродженні нації» после краткого раздела, посвященного Третьему Универсалу (значительную часть занимает воспроизведение его полного текста), бывший председатель Генерального секретариата помещает целые две главы с характерными названиями «Основной недостаток украинской демократии» и «Фальшивое понимание национально-украинской государственности». Красноречивы и названия некоторых пунктов: «Не массы виноваты», «Социализм малороссийского хуторянина», «Наша “безбуржуазность”», «Страх перед безбуржуазной государственностью», «Плохие даже демократы» и т. д.

Упомянутые разделы сплошь аналитически-оценочные и при этом очень самокритичны. Их основную идею можно свести к нескольким лаконичным выводам: «Большевики делали, действовали только для масс, и потому они верили только в массы, поэтому у них были пыл, воля, стремление, восторг, энтузиазм.

Мы же не имели ни веры той, ни восторга, а значит, не имели и доверия масс. Это было у нас в первый период создания нашей государственности, когда социальный и национальный моменты сливались в одно сильное, смелое целое. Тогда был и наш энтузиазм, и наша непобедимость, и непоборимая, непоколебимая вера масс.

²⁴⁴ Там же. С. 57–58.

²⁴⁵ Там же. С. 58–59.

²⁴⁶ Там же. С. 57.

Но дальше у нас не хватило смелости, отваги, широты и дальновидности взгляда. Мы испугались “темных инстинктов” масс, мы испугались их огромной простоты, нам не хватило дальнейшего, большего энтузиазма»²⁴⁷.

Винниченко считал, что Украинская революция пережила удивительную метаморфозу: до решающего момента создания юридической государственности оказались забытыми действительная ее суть, интересы трудящихся масс, их национальное и социальное возрождение. Средство же этого возрождения – государственность – стала восприниматься как единственная цель движения²⁴⁸. Что касается характера создаваемой государственности, то, по свидетельствам и оценкам автора «Відродження нації», лидеры украинства «никогда даже не задумывались над тем, чтобы строить чисто наше, чисто крестьянско-рабочее государство, то есть такое государство, которое наиболее соответствовало характеру нашей крестьянско-рабочей нации»²⁴⁹.

Социальное направление процесса государственного строительства оказалось отличным и даже противоположным первоначальному замыслу, концептуальному видению цели революции. С искренней болью Винниченко позднее писал: «И сколько действительно той энергии, сил, упорства, крови и жизни мы вложили в то, чтобы создать... не свою государственность, враждебную нашей нации, пагубную для нее!

Говоря откровенно, мы решительно ничего не изменяли в сути той государственности, которая была во времена Временного Правительства. Ни одной основы ее мы не нарушили. Мы только изменяли национальную форму ее, – взамен сине-бело-красного флага мы вешали желто-голубой»²⁵⁰.

Такой курс, по мнению Винниченко, привел к расколу, а затем и пропасти между руководством и рядовыми участниками украинского движения. И даже через несколько лет после описываемых событий он не смог признать тогдашнюю политическую линию ни логической, ни мотивированной: «Мы совершенно верно доказывали всегда, что самым большим врагом нашего национального освобождения были буржуазные классы на Украине. Итак, кажется, должно было бы быть ясно, что пока на Украине остается господство буржуазных классов, то есть буржуазного строя, наше полное национальное освобождение невозможно. И нашей задачей, если мы уже только на национальное дело обращали все свое внимание, в интересах хотя бы только национального освобождения нужно было в первую очередь уничтожить господство буржуазного строя на нашей земле, разрушить силу наиболее враждебных и чуждых нашей национальности классов. Вся наша особая история, все условия нашего исторического развития требовали этого от нас, это было необходимостью дальнейшего нашего освобождения.

А мы что вместо этого? Поддерживали, укрепляли, защищали господство этих классов на Украине»²⁵¹.

Бывший глава украинской исполнительной власти подтверждает горькие выводы анализом положений как Третьего Универсала (государственный контроль над промышленностью вместо рабочего, неприкосновенность финансового капитала при отсутствии любой возможности выплачивать заработную плату рабочим, неизменность судопроизводства и т. п.), так и сопутствующих документов, особенно многочисленных «разъяснений» политики Рады в земельном вопросе, призванных не только успокоить крупных землевладельцев, но и скорректировать торжественно провозглашенную норму – отмену помещичьей собственности на землю.

²⁴⁷ Винниченко В. Відродження нації. Ч. II. С. 95–96.

²⁴⁸ Винниченко В. Відродження нації. Ч. II. С. 101.

²⁴⁹ Там же. С. 106–107.

²⁵⁰ Там же. С. 108.

²⁵¹ Там же. С. 109–110.

Подытоживая вышеизложенное, можно с уверенностью утверждать следующее.

С первых же дней Украинская революция пыталась найти собственный путь решения насущных проблем. В конкретных обстоятельствах многовекторного общероссийского революционного процесса она оказалась между двумя крайними полюсами, олицетворяемыми Временным правительством и большевиками. Неотвратимо втягиваясь в конфронтацию с первой силой, которая стремилась не допустить сколько-нибудь серьезных сдвигов, в том числе в национальной и государственно-политической сферах, основной выразитель и фактор Украинской революции – Центральная рада, сформированная преимущественно из представителей социалистических партий, занимала сравнительно более левую, радикальную позицию.

В то же время украинские политические лидеры пытались отчетливо дистанцироваться и от курса большевиков, допуская сотрудничество с последними в Украине лишь на основе широкой коалиции всех демократических сил, формирования однородно-социалистической власти, то есть, если называть вещи своими именами, растворения представительства РСДРП(б) в общей массе других факторов общественного, государственно-политического процессов. В перспективе не исключалась и эволюция в сторону большевистской платформы, но такой вариант казался слишком абстрактным и непременно отдаленным.

Атмосфера же революционной грозы все больше захватывала массы, которые уже не могли и не хотели терпеть неопределенность. А потому можно понять проявление их нетерпения, желание ускорить решение насущных проблем, особенно социально-экономических. Вектор их стремлений совпадал с позициями и действиями большевиков. Поэтому так стремительно распространялась власть Советов – процесс, названный В. Лениным триумфальным шествием социалистической революции. Не встречая преград (исходя из Третьего Универсала, УНР объявлялась автономной составляющей несуществующей федерации, а если таковой не было – той же России, – во всяком случае, мало кто был способен их различать), общая тенденция большевизации Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, установление власти последних и неотложные практические шаги к осуществлению большевистской программы (перемирие на фронте, легитимное овладение имениями и раздел земли, 8-часовой рабочий день, национализация предприятий, рабочий контроль, решительные меры по локаутам, спекуляции и т. д.) достаточно стремительно вовлекали в сферу своего влияния и Украину.

При таких обстоятельствах выбор варианта общественно-политического развития Украинской Народной Республики – расчетливое, осторожное продвижение демократическим путем к социалистической перспективе и решительное сопротивление «красногвардейской атаке на капитал» – воспринимался как попытка зацепиться за вчерашний день, противопоставить себя настойчивому велению времени, остановить естественную историческую поступь.

Итак, выбор общественно-политической альтернативы, сделанный лидерами Украинской революции на ответственном историческом рубеже, обещал неизбежное осложнение ситуации как внутри украинского общества, так и в его отношениях с близким соседом, неотвратимые коллизии с довольно туманной перспективой, во всяком случае – с весьма иллюзорными надеждами на успех²⁵².

В контексте изложенного, прямо корреспондируясь с трудами активных участников событий осени 1917 г. в Украине, руководителей Украинской революции и ее первых историков, нельзя не заметить следующего. Объективный, честный и весьма квалифицированный анализ расстановки сил, оценки сущности развивающихся тенденций, процессов дает основания для довольно обоснованных представлений о серьезной дифференциации в украинском обществе, возрастающих противоречиях между его стратами, чего не смогла учесть должным

²⁵² Детальнее эта проблема освещается в статьях: Солдатенко В. «...І дати всеросійським справам спокій» // Віче. 1993. № 8. С. 125–135; *Он же*. Соціально-політичні альтернативи революційної доби і проблема української державності // Вісн. Академії Наук України. 1994. № 7–8. С. 48–53.

образом Центральная рада, пытаясь найти какую-то «среднюю», «бесконфликтную» линию поведения. Последнее же было просто невозможно, априорно проигрышно, чего нельзя было не признать уже по свежим следам событий.

Как ни странно, с этим не хотят считаться те, кто стремится изобразить практически идиллическую картину консолидированной нации, не имевшей причин для социальных катаклизмов, для неотвратимо надвигавшейся Гражданской войны.

Думается, реалистичнее оценивают ситуацию некоторые российские историки. Так, А. В. Шубин пишет: «Лидеры Центральной рады были националистами и социалистами, что определяло основные противоречия их политики. Им пришлось выбирать между целями национальной консолидации и социальными преобразованиями, которые ее неизбежно нарушают.

Лидеры Центральной рады не учли печальный опыт Временного правительства, который показал, что в условиях революции затягивание преобразований ведет к катастрофическому сокращению социальной базы власти»²⁵³.

В новой работе ученый еще более категоричен: «Промедление с реформами определило падение влияния Рады – социальный фактор в условиях революции был важнее национального. Но в условиях противостояния более радикальному большевизму украинские социалисты пытались защититься от него национальным щитом»²⁵⁴.

Правда, нельзя не отметить, что, осуществляя в соответствующем сюжете довольно значительный крен в изложении событий данного времени по существу под углом зрения Украинской революции, автор несколько «приглушенно» оценивает Третий Универсал Центральной рады, степень его влияния на общероссийские процессы, квалифицируя автономный статус Украины в федеративной России не такой уж важной, кардинальной подвижкой, отчего «Украинская Центральная рада не считалась враждебным фактором как “Южная Вандея” Каледина»²⁵⁵.

²⁵³ Шубин А. В. Революция и немецкая оккупация (1917–1918) // История Украины. С. 269.

²⁵⁴ Шубин А. В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб., 2017. С. 305–306.

²⁵⁵ Шубин А. В. Революция и немецкая оккупация (1917–1918). С. 269–270.

4. Конфликт в Украине как системная общественная реальность

Принятие украинской Центральной радой Третьего Универсала стало, бесспорно, чрезвычайно важной, вершинной вехой в истории Украинской революции. Однако оно в то же время ознаменовало и начало таких сверхсложных далекоидущих процессов, которые в огромной степени повлияли на судьбу нации, поиск ею своего места среди других общностей, определение собственной общественной роли. Больше всего это касается проблемы федеративного переустройства России.

Решение этой проблемы, думается, зависит от ответов на целый ряд вопросов, которые условно можно объединить в три группы: 1) обусловленность планов Центральной рады, касающихся федеративного переустройства России; 2) степень научно-политической аргументации ее инициативы; 3) оценка последствий попытки реализации масштабной государственной концепции.

Идея федеративного переустройства России в Универсале является сквозной, доминирующей, наиболее рельефной.

И заканчивался Универсал соответствующим призывом:

«...Граждане! Именем Народной Украинской Республики в федеративной России мы, Украинская Центральная Рада, призываем всех к решительной борьбе со всякими беспорядками и разрушениями, к дружному великому строительству новых государственных форм, которые дадут большой и обессиленной республике России здоровье, силу и новое будущее. Выработка таких форм должна быть осуществлена на украинском и всероссийском учредительных собраниях»²⁵⁶.

Верность избранному еще весной 1917 г. курсу на федерализацию России, как наиболее надежному варианту и даже, может быть, единственному гаранту закрепления автономного статуса Украины, вообще-то можно понять ²⁵⁷. Однако абстрактно-теоретические расчеты, несомненно, должны были органично сочетаться с нюансами конкретно складывающихся и динамично меняющихся обстоятельств.

Выступив с осуждением Октябрьского восстания большевиков в Петрограде, пообещав решительно бороться с попытками поддержки советской власти в Украине, Центральная рада вряд ли до конца осознала, что общественные процессы в России постепенно приобрели новое качество и необратимый характер. Не случайно в Третьем Универсале даже не упоминается ленинский СНК: «Центрального правительства нет». Падение СНК считалось лишь делом времени. Поэтому на смену предыдущему этапу революции, когда федеративные планы в целом логично вписывались в общий процесс демократизации российской республики, возникла ситуация, к которой органически приспособить старые лозунги стало проблематично, практически невозможно. Если точнее, не об одном, отдельно взятом лозунге федерации (для его реализации при определенных обстоятельствах шансы как раз существовали), а о его месте в совокупных представлениях о завершившейся 25 октября 1917 г. фазе общества, которые теперь объективно трансформировались и противопоставлялись новым политическим реалиям.

Думается, что в апеллировании к правительствам краев и областей бывшей России в вопросе консолидации усилий по федеративному переустройству государства просматрива-

²⁵⁶ Українська Центральна Рада. Т. I. С. 401.

²⁵⁷ См.: Солдатенко В. Ф. Украинские интеллектуалы и поиск модели рационального социально-государственного устройства России: исторический дискурс // Восточно-славянская цивилизация: история и современность. К., 2013. С. 145–169; Он же. Федеративная модель национально-государственного устройства в свете исторического опыта российско-украинских отношений // От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности: Материалы международной научной конференции (МГУ им. М. В. Ломоносова, 28–29 сентября 2012 г., Москва). СПб., 2013. С. 92–107.

ется уже не столько уверенность в правильности выбранного пути, сколько очевидный страх перед перспективой остаться наедине с петроградским правительством Ленина, неверие в собственные потенции, неготовность исключительно своими силами решать назревшие проблемы даже внутриукраинского развития.

Здесь непостижимо переплелись особенности украинского менталитета – бремя ответственности за неясные политические последствия действий (а они могли быть и отрицательными) предусмотрительно разложено на возможно большее число субъектов – с совершенно необоснованными надеждами на игру случая, призрачной верой в то, что судьба хоть когда-то может оказаться благосклонной к Украине, ее лидерам.

Не имея достаточно твердой почвы под ногами (триумфальное шествие революции, установление большевистской власти Советов на местах не только не обошли стороной Украину, а оказались здесь более интенсивными, чем в других регионах), Центральная рада лирично и патетично распространялась о том, что подобно тому, как когда-то свет христианской веры пошел по всей большой земле русской именно из Киева, так и покой, порядок народы России ждут из того же златоглавого Киева.

Это уже было не только недопустимое эйфорическое преувеличение, но именно тот исходный момент, который означал, что важнейшая проблема – проблема власти – становилась с ног на голову. В перспективе спасти Центральную раду и возглавляемую ею УНР могла только консолидация однородных административно-государственных образований, то есть антисоветская федерация, а не наоборот.

В политической жизни подобное явление распространено достаточно широко. Это не просто инерция мышления, неспособность к творческому освоению реалий, продуцированию новаций. Центральная рада не только не могла, она априорно не хотела признать и принять доминантные политические тенденции.

Таким образом, декларируемое Центральной радой федеративное объединение своей первой и главной целью имело бы уже не столько решение проблемы национально-государственного устройства России, сколько объединение усилий для противостояния новому строю. Отсюда – потеря четкости в суждениях, ясности и последовательности в выборе пути, средств, смятение, неразбериха, неискренность в пропагандистских акциях, необходимых для массовой поддержки линии поведения. Честнее всех в этом сознался В. Винниченко. Осмысливая тогдашние события через два года, 9 ноября 1919 г. бывший глава Генерального секретариата Украины запишет в «Дневнике»: «Эти дни – годовщина социалистической революции в России. Это – годовщина наших ухищрений в Киеве, недостойного политиканствования, политического шантажа и захвата власти. Не силой, не тем энтузиазмом, который был в начале, а хитростью, фальсификацией социалистичности. И это будто бы во имя государственности нашей. О, мы ее понимали только с поповскими молебнами, попами, ризами, такую государственность, которую мы только знали, о которой мечтали. Рабоче-крестьянская государственность, разрушающе-творческая, новая, с новым содержанием, с новыми негорделивыми ценностями, – это нам было чуждым, нежелательным, страшным. И мы за поповские молебны, за антантских “посланников к Украинской Республике”, за напыщенные названия “министров” отдали наш энтузиазм, наше родство с социально-угнетенными, с творческими, с беспокойными. И за это они нас выгнали из Украины. А мы им за это... привели немцев, гетмана и единую, неделимую...»²⁵⁸

Что же касается возможных партнеров в деле созидания федеративной коалиции, то они были абсолютно или преимущественно не готовы к такой перспективе. Центральная рада, которая сама прошла значительный и достаточно результативный путь в выработке подходов, теоретическом обосновании концепции общероссийского федеративного государственного стро-

²⁵⁸ Винниченко В. Щоденник. Едмонт; Нью-Йорк, 1980. Т. I. С. 408–409.

ительства, просто не учла, что ее соседи (здесь, конечно же, речь не о прибалтах, финнах, поляках, которые добивались самостоятельного государственного статуса, то есть отмежевания от любой, в том числе федеративной, России) элементарно не созрели, прежде всего психологически, до того, чтобы стать активными факторами сложнейшего процесса.

Сама же Центральная Рада не имела потенциалов ни для прямой (скажем, в крайнем варианте – военной) акции против Совнаркома, ни для усилий, направленных на хотя бы ясную, убедительную, мобилизующую разъяснительную работу среди возможных участников федеративного процесса.

Поэтому планы федеративного переустройства России в варианте Центральной Рады в ноябре-декабре 1917 г. не имели под собой достаточно серьезной почвы и реальной перспективы. Расчеты Рады на воплощение в жизнь этих планов связывались разве что с редким благоприятным стечением обстоятельств (спонтанный крах СНК, советской власти, чудодейственное сочетание воли и совпадение векторов общественного движения многих национально-государственных образований, возникновение их мощной антибольшевистской равнодействующей и т. п.).

Как известно, чуда не произошло, украинская история пошла по маршруту, который жестко прокладывался совсем другими факторами, вовремя не уловленными и должным образом не оцененными руководством украинства.

Уже с 9 ноября 1917 г. Генеральный секретариат проводил переговоры со Штабом Верховного главнокомандующего старой русской армии о создании единого правительства и проведении мирных инициатив (вполне реальными были опасения, что начатые СНК переговоры о перемирии на фронтах без согласования с руководством национально-государственных образований закончатся безрезультатно). На следующий день, то есть 10 ноября, председатель Генерального секретариата В. Винниченко «реферировал дело участия Генерального Секретариата в организации центральной власти на Малой Раде. Генеральный Секретариат выдвинул тогда проект образования однородной социалистической федеративной власти – от народных социалистов до большевиков включительно. Этот проект Малая Рада одобрила, поручив Секретариату и дальше вести дело в начатом направлении»²⁵⁹.

23 ноября Генеральный секретариат обратился «к правительству юго-восточного союза казаков, горцев и народов свободных степей, к правительству Кавказа, правительству Сибири, органу власти автономной Молдавии, органу власти автономного Крыма, органу власти автономной Башкирии и к прочим организованным областям, а также к Совету Народных Комиссаров в Петрограде с предложением немедленно вступить в переговоры с Генеральным Секретариатом в деле образования социалистического правительства в России, на основе такой платформы: заключение всеобщего демократического мира и созыв в свое время Всероссийского Учредительного Собрания»²⁶⁰. В случае согласия Генеральный секретариат просил немедленно сообщить о готовности прибыть в Киев соответствующих представителей для участия в специальном совещании.

Однако эта инициатива не принесла ожидаемых результатов. П. Христюк ищет оправдание этому в объективных причинах: «Организованные области России, к которым обращался Генеральный Секретариат, представляли из себя очень разнородные общественно-государственные организмы. Казачьи области, с одной стороны, и Московия после октябрьской революции, с другой, – были двумя смертельно враждебными лагерями, которые ни при каком взгляде не могли прийти к какому-либо сотрудничеству. В то время как большевики в Московии начали немилосердную борьбу против буржуазии с целью полного уничтожения ее как класса, казачий съезд, который проходил в Новочеркасске на Донщине, выступал за сохране-

²⁵⁹ Христюк П. Замітки і матеріали... Т. II. С. 54.

²⁶⁰ Христюк П. Замітки і матеріали... Т. II. С. 54–55.

ние существующих социально-экономических отношений и решительно заявлял, что “верховную власть нужно организовать на принципе коалиции здоровых организаций” края; также товарищ министра внутренних дел (Временного Правительства) Хижняков, приезжавший в Киев для переговоров по делу образования центрального правительства, заявлял от имени свергнутого Временного Правительства и “московских политических кругов”, что в будущем правительстве никак не может быть представителей российской соц. – дем. партии большевиков.

А посреди двух этих враждебных лагерей находилась Украинская Центральная Рада со своими мечтательными проектами – объединить то, что по своей сущности в то время не поддавалось объединению, не имея искренних сторонников ни справа, ни слева»²⁶¹.

М. Грушевский склонен связывать главную причину неудачи с реализацией курса на образование федеративной демократической республики в большевистском руководстве России: «Народы и области России не осмеливались творить федерацию без участия крупнейшего из членов, Великороссии, а та не проявляла своей воли в этом направлении, отчасти потому, что была парализована большевистской анархией, отчасти и еще больше – потому, что все-таки не могла оторваться от своих централистских навыков. Украинские призывы оставались без ответа»²⁶².

Со значительной долей скептицизма оценивает усилия Рады по созданию федеративного правительства России Д. Дорошенко: «Никакого федерального российского правительства Генеральный Секретариат не создал по той простой причине, что он обходил единственное реально уже существующее правительство в России – Совет Народных Комиссаров, против которого он сам оказался слишком слабым. Большевиков раздражали уже сами переговоры с Доном, с правительством генерала Каледина...»²⁶³ Даже те репрессии, которые осуществляли калединцы в Донбассе, не получили адекватной оценки со стороны Рады.

Парадоксальность всего исследуемого в данном разделе периода заключалась прежде всего в том, что практически все положительные начинания заканчивались не только безрезультатно или крахом, но и приводили к огромным осложнениям, серьезному обострению противоречий, иногда даже к противоположному результату.

Так и меры по созданию федерации вели прежде всего к обострению отношений с СНК. А вывод напрашивался достаточно простой. Его весьма категорично сформулировал тот же Дорошенко: «...это была явно непосильная и ненужная для Украины задача. Логика событий показала, что Украине надо было совсем отделиться от России, стать самостоятельной и независимой державой; она должна была признать правительство Народных Комиссаров как правительство России, на основе обоюдного признания (большевики сами тогда неоднократно подчеркивали, что признают за каждой нацией право на самоопределение вплоть до отделения включительно) и – оставить всероссийские дела в покое. Украина имела перед собой такие колоссальные задачи внутренней организации, что гоняться за созданием всероссийской федерации, подвергая себя вражде с уже существующим фактически новым российским правительством, – это была невыполнимая в тогдашних условиях задача...»²⁶⁴

Для понимания революционных процессов в Украине конца 1917 г. чрезвычайно важно разобраться в сути конфликта между большевиками, советской властью, и украинским национально-освободительным движением. К сожалению, в последнее время даже постановка исследователями такого вопроса не всегда является достаточно четкой, она преимущественно

²⁶¹ Там же. С. 55.

²⁶² Грушевський М. Ілюстрована історія України. С. 555.

²⁶³ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 205.

²⁶⁴ Там же. С. 185.

необоснованно трансформируется лишь в один из аспектов тех событий – отношений между Совнаркомом и Центральной радой.

На самом деле проблема значительно более многоплановая и масштабная.

В свое время председатель Центральной рады М. Грушевский лишь обозначил основные (да и то не все) контуры ситуации: «Все время Украина жила в состоянии внутренней войны. Правительство Народных Комиссаров, которое на какое-то время укрепило свою власть в Петербурге и Москве, на северном и западном фронте призвало свои войска на борьбу с Ц. Радой.

Украинское правительство разоружало такие враждебные части и высылало их из Украины в интересах обеспечения порядка. По этой причине, а также потому, что украинское правительство для предотвращения убоицы не пропускало большевистское войско на Дон, на казаков, а вместо этого свободно пропускало с фронта казачьи полки домой, правительство “народных комиссаров” стало во враждебные отношения к украинскому правительству, а в конце ноября повело настоящую формальную войну против Украины»²⁶⁵.

Н. Шаповал несколько более прямолинейно представлял или же более примитивно изображал суть дела: «Против Украины вырабатывала активные планы новая русская сила – большевики.

Первым способом борьбы у большевиков является так называемый “срыв изнутри”, и поэтому они замыслили против украинского движения вызвать на Украине борьбу русских и жидов против украинцев, а когда эта борьба начнется, тогда большевики ударят из Москвы»²⁶⁶.

По мнению В. Винниченко, причины возникшего конфликта следует усматривать не столько в политике большевиков, сколько в действиях руководства украинского движения, предавшего народные интересы. «...Первыми виновны были украинские “социалисты”, которые руководили всем нашим движением. И не большевики, а тем более не наши народные массы, которые мы так бессовестно, так по-дурному и несправедливо обвиняли в недостатке национального сознания, патриотизма, любви к родному краю и т. п.»²⁶⁷.

Согласно убеждению бывшего лидера УСДРП, отстаивание, «оберегание» «барской государственности» «и было основной причиной нашей вражды с большевиками, а не только их империализм, национализм и шовинизм, как мы это любили объяснять»²⁶⁸. Что же касается того, как именно сжималась пружина конфликта, то, с точки зрения Винниченко, истоки кризисной ситуации следует искать в Киеве, а не в Петрограде.

Поскольку базирующаяся на социальной почве агитация большевиков в Украине становилась все успешнее, а проводимая Центральной радой политика осторожного распыления большевистских вооруженных отрядов и возведения искусственных препятствий к их деятельности оказалась неэффективной, решено было перейти к прямым репрессиям (разоружение и высылка большевистских солдат за пределы Украины).

Вторым пунктом напряжения было отношение украинского правительства к мятежу А. Каледина на Дону. И если «с чисто формальной точки зрения, мы вроде бы были безупречны, – отмечал Винниченко, – но...своим будто бы строгим нейтралитетом становились в действительности на сторону донцев»²⁶⁹.

Благодаря пропагандистской работе, идейно-воспитательным мероприятиям, основанным на политике большевиков и декретах советской власти, рабочие и крестьяне воспринимали Совет народных комиссаров как свое правительство и с недоверием, а то и с негодова-

²⁶⁵ Грушевський М. Ілюстрована історія України. С. 553–554.

²⁶⁶ Шаповал М. Велика революція... С. 95.

²⁶⁷ Винниченко В. Відродження нації. Ч. II. С. 133–135.

²⁶⁸ Там же. С. 135.

²⁶⁹ Там же. С. 140–141.

нием встречали попытки разорвать единый фронт трудящихся различных национальностей. В постановлении Совета рабочих депутатов Ясиноватского подрайона Донбасса говорилось: «Приветствуем Народных Комиссаров как Правительство угнетенных народов России, приветствуем выпущенные декреты правительства, в которых начертана программа рабочих, солдат и крестьян, и будем принимать все меры для проведения последних в жизнь»²⁷⁰.

Решительность пролетариата разделяли и поддерживали и другие слои трудящихся в Украине. «Заявляем, что все свои силы, все свое понимание, а также все свои вооруженные силы местного революционного гарнизона отдаем в полное распоряжение как всероссийского съезда, так и местного совета для закрепления Советского правительства», – говорилось в резолюции, одобренной экстренным собранием всех военных комитетов Кременчугского гарнизона после выступления делегата II-го Всероссийского съезда Советов²⁷¹.

На массовые настроения активно влияла обличительная пропаганда, направленная против Центральной рады. Только в течение ноября 1917 – февраля 1918 г. на страницах большевистских газет было опубликовано около 500 статей, резолюций, писем, фельетонов, направленных против Центральной рады²⁷². Их лейтмотив сводился преимущественно к тому, что «создание украинской национальной государственности» главной целью имело сохранение эксплуататорского строя. «Под видом борьбы национальности за свое утверждение Рада ведет борьбу падающего класса»²⁷³, – отмечали в одной из публикаций одесские большевики. «Нет, господа социал-федералисты и социал-украинисты, не спрятать вам буржуазной сущности вашей политики... На каком бы языке не говорил рабочий и крестьянин, он не найдет для себя общего языка ни с буржуазией, ни с вами – ее услужливыми защитниками и сообщниками по обманыванию украинских народных масс»²⁷⁴, – говорилось в статье, напечатанной в киевской большевистской газете «Пролетарская мысль».

Большевистские организации продолжали разъяснять широким слоям трудящихся Украины ту угрозу, которую несла в себе проповедь построения классовых организаций по национальному признаку. В статье «Долой шовинистов», напечатанной «Донецким пролетарием», говорилось: «Товарищи рабочие! Сохраняйте ваше единство; укрепляйте вашу классовую организацию – Красную гвардию; гоните вон из рабочей среды тех, кто великий лозунг рабочего класса “Пролетарии всех стран, объединяйтесь!” заменил другим: – “Пролетарии всех стран, делитесь на национальные кучки!”»²⁷⁵

Организации РСДРП(б) всеми способами убеждали рабочих, солдат, крестьян Украины в том, что им не по пути с Центральной радой, которая подменила «красный флаг борьбы рабочего класса против угнетателей всех наций желто-голубым флагом единства всех украинцев – и рабочих, и буржуазии»²⁷⁶. Большевики открыто заявляли, что они будут беспощадно бороться с любыми попытками внести раскол в ряды рабочего движения, посеять вражду между пролетариями разных наций: «...Наша партия, определенно и недвусмысленно бичевавшая и обличавшая шовинистов союзных и российских, с той же беспощадностью будет бороться с шовинизмом украинским... И мы знаем, мы крепко уверены – победа за нами, за партией революционного интернационального пролетариата»²⁷⁷.

В борьбе против растущего идеологического влияния РСДРП(б) политические соперники пытались изобразить ее партией, представляющей одних только русских. Подчеркивая,

²⁷⁰ Звезда. (Катеринослав), 1917. 30 листопада.

²⁷¹ Цит. по: В. І. Ленін і перемога Жовтневої революції на Україні. К., 1967. С. 176.

²⁷² См.: Сила інтернаціоналістського гарту. С. 62.

²⁷³ Солдатская мысль. (Одесса), 1917. 8 декабря.

²⁷⁴ Пролетарская мысль. (Киев), 1917. 11 ноября.

²⁷⁵ Донецкий пролетарий. (Харьков), 1917. 23 ноября.

²⁷⁶ Пролетарская мысль. 1917. 12 ноября.

²⁷⁷ Звезда. (Катеринослав), 1917. 24 ноября.

что националистические идеи чужды народным массам Украины, газета «Звезда» писала: «Наши организации на 70 % состоят из украинских рабочих и солдат, в высшей степени равнодушных, а чаще прямо враждебных националистическим вожделям. Украинский пролетариат и беднейшее крестьянство не собираются сходить с классовой позиции»²⁷⁸.

Опровергая утверждение, что РСДРП(б), советская власть препятствуют удовлетворению коренных национальных интересов украинского народа, большевики доказывали, что Украина могла бы уже давно в полной мере осуществить свое стремление к самоопределению в условиях нового политического правопорядка, если бы этому не мешала политика Центральной рады. «Если украинский народ хочет действительной свободы, – отмечалось в одной из публикаций «Голоса пролетария», – он должен поддержать это правительство (Совет народных комиссаров. – В. С.), так как, поддерживая его, он тем самым поддерживает революцию, революция же обеспечит ему свободу и самостоятельность»²⁷⁹. Таким образом, большевики указывали на единственно возможный, по их убеждению, путь решения национального вопроса: первоочередное решение назревших социальных проблем и укрепление интернационального единства трудящихся Украины с рабочими и крестьянами всех наций России, прежде всего с русским народом.

Любой апелляции к необходимости проведения в регионе особой «украинской» политики организации РСДРП(б) неизменно противопоставляли пропаганду классового единства. «Украинские рабочие и солдаты, – подчеркивали большевики, – показали, что они понимают украинскую политику как политику поддержки революционного движения в целой России, как политику борьбы за власть демократии, за хлеб, мир и свободу»²⁸⁰. В одном из солдатских писем в редакцию большевистской газеты «Известия Военно-революционного комитета VII армии» говорилось: «Народ украинский должен понять, что великороссы не враги его, а друзья, он должен понять, что большевики борются не против украинцев, не против самоопределения их, а против общего врага, капиталистов и буржуазии, которые в борьбе с пробудившимся народом, хватаются за любую соломинку, которая обещает дать им опору»²⁸¹.

Большевики разъясняли массам, что под лозунгом решения национального вопроса Центральная рада отчаянно борется против развития социалистической революции, становясь центром притяжения для всех реакционных сил. Так, в статье «Контрреволюция и ее новые лакеи», напечатанной в «Донецком Пролетарии», отмечалось: «Неудивительно, что все враги рабоче-крестьянской революции немедленно ухватились за Раду. Рада стала союзником, если не оплотом буржуазной контрреволюции»²⁸². Большевики подчеркивали тот факт, что не только страх гонит все контрреволюционные силы под защиту Центральной рады – здесь вызревают далекоидущие планы реставрации буржуазных порядков в стране. «Мелкобуржуазные демократы, контрреволюционные генералы, отставные бюрократы, союзные дипломаты – вся эта пышная стая “друзей” революции съезжается под гостеприимное крылышко Центральной Рады для того, чтобы образовать новую Вандею, новый Версаль, задача которого “железом и кровью” погубить Северную коммуны»²⁸³.

Большевики в многочисленных пропагандистских материалах убеждали читателей в том, что под лозунгом нейтралитета власти УНР помогают переправлять на Дон к генералу А. Калединому казаков и одновременно препятствуют переезду советских войск для борьбы с кадетским мятежом. Исходя из этого, следует защищать социалистическую революцию от всех врагов и

²⁷⁸ Звезда. 1917. 1 декабря.

²⁷⁹ Голос пролетария. (Одесса), 1917. 9 декабря.

²⁸⁰ Вестник областного и Киевского Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 ноября.

²⁸¹ Известия Военно-Революционного Комитета VII армии (Проскуров). 1917. 5 декабря.

²⁸² Донецкий пролетарий. (Харьков), 1917. 5 декабря.

²⁸³ Пролетарская мысль. (Киев), 1917. 12 ноября.

любых их пособников: «...поддерживать революцию, – говорилось в статье “С Калединым или с революцией”, – это значит бороться против Каледина, и если Центральная Рада поддерживает Каледина – бороться и против Рады во имя самоопределения Украины»²⁸⁴.

Большевики, следовательно, использовали весь арсенал своих пропагандистских средств для убеждения трудящихся масс в том, что единственно возможный путь движения революции вперед – вооруженная борьба против Центральной рады: «Пока в Центральной Раде сидят контрреволюционеры, ведущие борьбу против Советов, мы иной формы отношения к этой Раде, как только борьбу с оружием в руках, не видим. А раз борьба, так борьба не на жизнь, потому что те, против кого мы восстаем, суть контрреволюционеры»²⁸⁵, – заявляли большевики 7-й армии.

Большевистская пропаганда оказалась эффективна. В поддержку РСДРП(б), советской власти высказывалось все больше коллективов, принимались соответствующие резолюции. «Мы не признаем украинской буржуазной Рады, будем бороться с ней всеми силами, ибо есть одна власть народа, это власть классовых революционных организаций на местах – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, под знамена которых мы станем тесной, дружной семьей»²⁸⁶, – говорилось в резолюции общего собрания рабочих-красногвардейцев и представителей воинских частей Николаева, состоявшегося в начале декабря. Собрание крестьян с. Дергачевка Лебединского уезда на Харьковщине, состоявшееся 7 декабря, постановило: «Не признавая власти Центральной Рады, выразить категорический протест против ее действий и требовать немедленного перехода власти на Украине, как и по всей России, – к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»²⁸⁷.

Опираясь на доминантные настроения в разных слоях народа, большевики Украины были единодушны в своих предположениях относительно платформы съезда Советов, борьбу за созыв которого они вели: «Мы не сомневаемся, – отмечалось в одной из публикаций херсонских большевиков, – что украинская трудовая демократия не отступит от принципов Всероссийской демократии, победоносно шествующей в борьбе против всех врагов рабочих, крестьянской и солдатской революции. Украинский съезд Советов провозгласит те же лозунги, чем жива российская революция, – и явится сильной опорой Советскому Правительству в деле проведения его декретов о мире, земле, рабочем контроле над производством, страховании от безработицы и пр.»²⁸⁸.

Конечно, подобные тенденции Центральная рада и Генеральный секретариат стремились погасить. Они были убеждены, что политика большевиков противоречила естественному развитию революционных процессов в Украине. Так, П. Христюк считал, что «не было никакой необходимости так спешить с передачей власти на Украине в руки Советов рабочих и солдатских депутатов по московскому образцу еще и потому, что украинская Центральная Рада все еще, хотя и не так быстро, как того хотелось московским большевикам (именно московским, потому что украинской коммунистической или соц. – дем. партии большевиков в то время еще не было, о чем мы уже упоминали в свое время), шла вперед, все более революционизировалась, а не стояла на месте, что давало надежду на то, что желаемого изменения ее политики, а, в случае необходимости, также и ее состава, можно будет достичь путем внутреннего давления левых элементов украинской революционной демократии. По этим причинам агитация

²⁸⁴ Голос пролетария. (Одесса), 1917. 9 декабря; Солдат и рабочий. (Херсон), 1917. 14 декабря.

²⁸⁵ Известия Военно-Революционного Комитета VII армии. (Проскуров), 1917. 5 декабря.

²⁸⁶ Известия Николаевского Совета рабочих и военных депутатов. 1917. 12 декабря.

²⁸⁷ Донецкий Пролетарий. (Харьков), 1917. 16 декабря.

²⁸⁸ Солдат и Рабочий. (Херсон), 1917. 28 ноября.

против Центральной Рады только вредила, а не помогала развитию критического отношения к политике Центральной Рады в рядах самой украинской демократии»²⁸⁹.

Здесь Христюк прибегает к специфическому приему, заставляя читателей искать мысли между строк написанного. Ведь при внимательном прочтении рассуждений автора становится понятным, что он стремится не только возложить ответственность на одну из сторон конфликта (большевиков), но также в который уже раз подчеркнуть, что помешать крайнему обострению ситуации много возможностей (и притом возможностей реальных, продиктованных логикой революции, преданностью интересам трудящихся) имела и украинская демократия.

Правомерность сделанного вывода Христюк предлагает проверить приведенными документами третьей сессии Всеукраинского Совета крестьянских депутатов (16–23 октября 1917 г.), который решительно поддержал Центральную раду и заявил, что вопрос о ее перевыборах «принадлежит к решению не российских большевиков, а украинского трудового люда»²⁹⁰.

Фактом остается то, что с развитием событий, с обретением массами политического опыта авторитет большевиков, их влияние на массы возрастали. К концу 1917 г. численность их партийных организаций в Украине увеличилась почти на 20 тыс. по сравнению с октябрём и в целом превысила 70 тыс. членов. Все ошутимее становилась потребность объединения и сплочения партийных сил во всеукраинском масштабе. Обуславливалось это как расчетами на усиление своих позиций, необходимостью обеспечения более эффективного руководства революционным движением, укреплением связей рабочих и крестьян Украины с революционными силами всей страны, так и важностью учета специфики партийной работы, в частности наличием у политических противников большевиков Украины общеукраинских объединений и центров.

Большевики Украины провели 3–5 декабря 1917 г. в Киеве свой областной (краевой) съезд. В его работе приняло участие 47 делегатов с решающим голосом от 24 партийных организаций и 7 делегатов с совещательным голосом от 6 организаций. Они представляли партийные организации 7 губерний Украины, а также Юго-Западного фронта. В то же время на съезде отсутствовали представители организаций РСДРП(б) Харькова, Николаева, Херсона, Одессы, руководство которых, очевидно, не поддерживало создания всеукраинского партийного объединения. Донецко-Криворожский областной комитет РСДРП(б) отказался от участия в съезде и созвал собственную партийную конференцию.

Несмотря на то что съезд формально не имел мандата от всех большевистских организаций Украины, его решения способствовали консолидации леворадикальных сил. Во время рассмотрения вопроса о создании краевого органа и работе в крае были отклонены предложения о необходимости федеративного устройства РСДРП(б) и вступления в нее большевиков Украины на правах отдельной партии эту точку зрения отстаивали В. Шахрай, И. Кулик, Г. Лапчинский, В. Затонский. Был также осужден выпуск представителями Киевского комитета листовки «Социал-демократия Украины (большевики-украинцы)», вызвавшей появление нескольких небольших групп «украинских большевиков»²⁹¹.

Краевой съезд постановил создать в Украине единую партийную организацию как составную и неотъемлемую часть большевистской партии, назвав ее «РСДРП(б) – Социал-демократия Украины». Во Всеукраинский партийный центр (краевой комитет), который называли «Главный комитет Социал-демократии Украины», были избраны 9 членов и 4 кандидата: А. Александров, Е. Бош, А. Горвиц, А. Гриневич, В. Затонский, И. Кулик, Я. Гамарник, В. Люк-

²⁸⁹ Христюк П. Записки і матеріали... Т. II. С. 60.

²⁹⁰ Там же. С. 60–61.

²⁹¹ Подробнее исследование вопроса о феномене «украинских большевиков» см. в статье: Солдатенко В. Ф. До оцінки організацій „українських більшовиків” // Укр. іст. журн. 1989. № 6. С. 62–69; № 7. С. 49–57; Сторінки історії Компартії України: Запитання і відповіді. К., 1990. С. 74–77.

сембург, Л. Пятаков и др. Однако этот орган фактически не стал всеукраинским партийным центром, что объяснялось как отсутствием поддержки его со стороны руководства ряда крупных организаций (прежде Донкривбасса), так и недостаточной последовательностью комитета в осуществлении собственных решений.

Следовательно, в вопросе «самоопределения» большевиков Украины, выработке их позиции, поисках линии отношений, с одной стороны – с ЦК РСДРП(б), а с другой – с украинскими социалистическими партиями Центральной радой далеко не все было просто. А решения принимались под влиянием многих факторов. Особую роль здесь играла позиция ЦК РСДРП(б), который, исходя из интернационалистских мотивов (или прикрываясь ими), решительно противодействовал оформлению большевиков Украины в краевую, по сути – автономную организацию. Последнее могло стать нежелательным прецедентом, началом превращения единой, централизованной партии в федерацию краевых большевистских организаций, что неизбежно привело бы к ослаблению боеспособности выпестованного В. Лениным и его соратниками мобильного, дисциплинированного, жестко управляемого, политически сильного (конечно, по сравнению с другими политическими силами России) социального организма.

Вышеизложенное вовсе не имеет целью смягчить или, тем более, опровергнуть характеристики, которые дал П. Христюк деятельности большевиков Украины в событиях конца 1917 г. Напротив, оно дополнительно подтверждает мнение одного из лидеров Украинской революции, что объективно существовало немало возможностей для того, чтобы существующие в ноябре-декабре 1917 г. противоречия не довести до взрыва. Вина же за неиспользованные шансы мирного урегулирования конфликта ложится (возможно, непропорционально) на обе стороны.

На страницах своих «Заметок и материалов» активный участник воспроизводимых событий Христюк не удержался и от прогноза возможной эволюции Украинской революции в сторону социалистической, социальной, если бы большевистская позиция оказалась более умеренной и взвешенной. «Хотя Центральная Рада и стояла на позиции “межклассового мира”, но эта позиция была не вечна, – говорится в книге. – Под воздействием украинской революционной демократии она должна была быть нарушена, и если бы Центральная Рада по какой-либо причине не сделала этого вовремя, она была бы или переизбрана, или даже целиком сброшена собственными силами украинской демократии, без медвежьей помощи московского красного войска во главе с жандармом-реакционером Муравьевым. Развитие классовой сознательности украинского рабочего класса и крестьянства, эволюция, которую переживали украинские социалистические партии – социал-демократы и социалисты-революционеры, а также соседство советской Московии (дружески настроенной) были бы залогом именно такого, а не иного, дальнейшего развития событий на Украине.

Но, увы, с этим не захотели считаться ни местные московские большевики, ни Совет народных комиссаров в Петрограде. Местные большевики, после указаний из Московии, прилагали все усилия, чтобы устранить Центральную Раду так или иначе. Рядом с упорной агитацией против Центральной Радой они пытались несколько раз сбросить ее вооруженной силой, подстрекая к восстанию киевский и другие военные гарнизоны»²⁹².

Итак, в конце концов П. Христюк склонен признавать за большевиками большую вину за возникновение конфликта и его углубление, чем за Центральной радой.

Одной из производных, но и немаловажных причин несогласий и разногласий Христюк считал непризнание Центральной радой Совета народных комиссаров центральным российским «советским» правительством и колебания с формальным признанием СНК правительством Московии (при фактическом признании), и наоборот – непризнание Советом народных комиссаров Украинской Народной Республики и Центральной рады. Обоюдное «признание –

²⁹² Христюк П. Замітки і матеріали... Т. II. С. 68.

непризнание» тянулось формально до объявления Советом народных комиссаров ультиматума Центральной раде. За это время уже произошли серьезные конфликты между Центральной радой и Советом народных комиссаров, а между воинскими частями случались и вооруженные столкновения²⁹³.

В связи с отмеченным есть смысл обратить внимание на следующие моменты.

Авторы украинского двухтомника считают, что нет оснований для утверждений, что у ленинского СНК «существовал четкий и заранее обдуманный план поглощения Украины»²⁹⁴. И все же ищут способы доказать несомненное стремление РСДРП(б) «поглотить» Украину. В частности, без каких-либо фактологических и документальных подтверждений, пишут, будто бы в вопросе о территориальных границах Украины большевики по существу стояли «на стороне Временного правительства», ограничивая ее лишь пятью губерниями Юго-Западного края. А наличие двух партийных объединений РСДРП(б) – Донецко-Криворожского района и Юго-Западного края считают весомым аргументом в пользу того, что большевистское руководство не рассматривало Украину как единое целое²⁹⁵.

Вряд ли это можно ставить в вину руководству РСДРП(б). Тогда только по-настоящему начались процессы децентрализации России. А для удобства руководства партией еще в марте 1917 г. были созданы крупные территориальные партийные объединения. Да и Центральная рада по существу уступила Временному правительству, согласившись с инструкцией Генеральному секретариату, юрисдикция которого распространялась только на 5 губерний: Подольскую, Волынскую, Киевскую, Черниговскую и Полтавскую. Принятая шестой сессией Центральной рады 9 августа резолюция, подготовленная фракцией УСДРП, не отвергала инструкцию, как предлагали отдельные фракции и депутаты, а только заявляла о несогласии с определенными ее положениями, призывая на практике вернуться к соглашениям с Временным правительством, достигнутым на начало июля²⁹⁶. Однако добиться этого так и не удалось, что в тех условиях нетрудно было спрогнозировать. Может быть, поэтому В. Винниченко по причине утверждения инструкции сразу же заявил об отставке возглавляемого им правительства²⁹⁷.

А вот местные большевики уже к лету почувствовали потребность объединения во всеукраинском масштабе. Поэтому окружной комитет Юго-Западного края, собирая на 10 июля 1917 г. областную конференцию РСДРП(б), приглашал на нее не только посланцев местных организаций упомянутых выше пяти губерний, но также представителей Одессы, Харькова, Николаева, Екатеринослава и других городов, не входивших в границы Юго-Западного края²⁹⁸. Это свидетельствовало о понимании объективной необходимости консолидации партийных сил, поиске организационных форм объединения большевиков во всеукраинском масштабе для развития революционного движения, более эффективного руководства им²⁹⁹.

В условиях наступления контрреволюции сделать задуманное не удалось. Но попытка была подтверждена несколько позднее – в начале декабря 1917 г., когда на упомянутом Областном (краевом) съезде РСДРП(б) 3–5 декабря 1917 г. было провозглашено объединение большевиков края (т. е. Украины) в организацию «РСДРП(б) – Социал-демократия Украины»³⁰⁰. На съезде (в упомянутом труде он именуется «первой Всеукраинской конференцией больше-

²⁹³ Там же. С. 79.

²⁹⁴ Нариси історії Української революції 1917–1921 років. Кн. 2. С. 254.

²⁹⁵ Там же. С. 255.

²⁹⁶ Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Т. 1. С. 245–252.

²⁹⁷ Там же. С. 252.

²⁹⁸ Голос социал-демократа (Киев). 1917. 1 июля.

²⁹⁹ См.: Варгажук П. Л., Курас И. Ф., Солдатенко В. Ф. В. И. Ленин и большевистские организации Украины в Октябрьской революции. С. 132.

³⁰⁰ Там же. С. 301–311.

виков»³⁰¹) были представлены делегаты от 7 губерний Украины и Юго-Западного фронта, в том числе от не входящих в Юго-Западный край городов Екатеринослава и Елисаветграда (Херсонская губерния).

К тому моменту и ЦК РСДРП(б) считал необходимым не только общеукраинское объединение партийных организаций, но и Советов всей Украины, что нашло отражение в цитируемой в двухтомнике рекомендации члена Центрального комитета и наркома по делам национальностей И. Сталина о максимально широком представительстве от всех регионов на созываемом параллельно в Киеве Всеукраинском съезде Советов желательно совместно с Центральной радой³⁰².

Однако неудержимая фантазия уносит авторов «Очерков» в присущей им манере просто к немислимым трактовкам ясного и простого предложения. Они усматривают в нем далеко идущий подвох: «Опираясь на сбольшевизированные регионы Украины (потому их, дескать, надо приобщать к Украине. – В. С.), было легче захватить всю ее территорию. Это касалось как попыток завладеть Украиной «изнутри» – через Центральную Раду (?! – В. С.) так и осуществленной позже (! – В. С.) фактической оккупации Украины большевистскими отрядами из России, юридическим прикрытием которой было украинское советское правительство. Такую войну можно было квалифицировать как внутриукраинскую, а не российско-украинскую»³⁰³.

Думается, что предусмотреть такую историческую «многоходовку» в тех реальных условиях не мог не только Сталин, но даже гениальный шахматный гроссмейстер. Этого наперед предсказать не мог никто, что, собственно, и подтвердили непосредственно хронологически следовавшие события конца 1917 – начала 1918 г.

Чересчур придирчиво оценивая формальные, случайные мелочи – возникшую буквально в нескольких документах путаницу из-за того, что термин «Совет» по-украински значит «Рада» (а это не всегда различалось, особенно на удалении от Украины), в «Очерках» выводится целая «конспирологическая» версия – «намерений большевиков контролировать Украину с помощью Центральной Рады»³⁰⁴. И это после известного «Ультиматума» Раде, разоружения по ее приказу красногвардейских отрядов и высылке их за пределы Украины.

Все вышеизложенное, думается, дает достаточно оснований для того, чтобы прийти к общему выводу: причины коллизий, которые наконец вылились в военный взрыв, положили начало Гражданской войне, были слишком сложными, противоречивыми, труднодостижимыми, переплетались и взаимно обуславливались. И чтобы их глубже понять, следует избегать примитивизации и неоправданной схематизации. Так же следует подходить и к исследованию сущности конфликтной ситуации, ее развития и развязки.

³⁰¹ Нариси історії Української революції 1917–1921 років. Т. 1. С. 256.

³⁰² Там же. С. 255.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же. С. 256, 273 и др.

II. От революций к гражданской войне

1. Несостоявшийся вариант мирного разрешения вопроса о власти

В отличие от войн между странами, коалициями государств, «внутренние» гражданские войны зачастую непросто обозначить точной датой, первым конкретным точным ударом (сражением), от которого начал раскручиваться неукротимый маховик трагедий. Тем более важно отнестись к анализу всей суммы факторов, связанных с начальной фазой противоборств – исходного момента для дальнейшей объективной оценки многих исследуемых аспектов, в частности определения степени ответственности и вины тех или иных задействованных в конфликте сил.

При всей кажущейся простоте поиска ответа на вопрос о начале Гражданской войны в Украине достичь ясности, четкости, однозначности в этом вопросе весьма непросто. Не в последнюю очередь это связано с тем, что в подавляющем большинстве прежних публикаций почти неизменными оставались односторонние подходы при заранее избравшихся концептуальных расчетах и отсутствии попыток осуществления интегрального системного анализа.

В работах историков Украинской революции намечались три основных среза изучения вопроса:

1) развитие конфликта между СНК и Центральной радой, 2) война между УНР и Советской Россией (орудием последней в Украине были местные большевики и Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины) – как стержневая основа раскручивания ситуации и 3) внутренний раскол, разлом в украинском обществе, не позволивший отстоять завоевания национальной революции.

В советской историографии упор делался на двух моментах: конфликте между силами национальной революции («буржуазно-националистической контрреволюции») и силами социальной, социалистической революции, в ходе которой классовым собратям в Украине со стороны Советской России была предоставлена интернациональная помощь в установлении власти Советов³⁰⁵; противостоянии Центральной рады и СНК как олицетворению капиталистического антинародного строя и социалистической подлинно народной власти.

В последние годы произошли заметные сдвиги и очевидный отход от обеих указанных позиций.

Следуя за диаспорными авторами, исповедовавшими наиболее непримиримые антироссийские и антисоциалистические взгляды³⁰⁶, отечественные исследователи (в значительной мере публицисты-популяризаторы) начали сводить многоаспектность и многообразие событий в Украине в конце осени – начале зимы 1917 г. к формуле «украинско-большевистской войны».

Не вводя в научный оборот новых фактов, документов, а используя только давно известные³⁰⁷ и изменяя при этом оценки и выводы на диаметрально-противоположные, О. Романчук доказывает, что большевистско-украинскую войну начал ленинский Совнарком, и определяет

³⁰⁵ См.: Очерки Коммунистической партии України. Изд. 4-е, доп. К., 1977. С. 230256; *Варгатюк П. Л., Кірас І. Ф., Солдатенко В. Ф.* В. И. Ленин и большевистские организации Украины в Октябрьской революции. С. 229–365; и др.

³⁰⁶ См., напр.: *Мірчук П.* Українсько-московська війна (1917–1919). Торонто, 1957; *Млиновецький Р.* Нариси з історії українських визвольних змагань 1917–1918 рр. (Про що «історія мовчить»). Мюнхен, 1967 (перевидання Львів, 1994).

³⁰⁷ См.: *Рубач М.* К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (декабрь 1917 г.) // *Летопись революции.* 1925. № 2. С. 52–85.

точную дату ее начала – объявление «Манифеста к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде»³⁰⁸.

«Первая украинско-большевистская война» – так называется книга Я. Тинченко³⁰⁹. Аналогичными терминами пользуется для определения сущности конфликта и его течения и В. Верстюк³¹⁰.

Думается, однако, что сам термин является далеко не безупречным. Не может не бросаться в глаза прежде всего то, что в одном понятии объединяются или, наоборот, противопоставляются разные по существу, разнопорядковые силы, которые участвовали в конфликте. С одной стороны, им дается национальная характеристика – «украинские», с другой, – партийная – «большевистские». Однако с этим еще можно было бы как-то согласиться, учитывая, в частности, относительность, неабсолютность символов (слов), которые использует гуманитарная наука при подведении общественных процессов под лапидарные формулы. Однако авторы упомянутых публикаций пытаются доказать, что употребляемое понятие точно отражает, «схватывает» сущность воспроизводимой исторической коллизии: с одной стороны – это украинцы, нация, олицетворенная Центральной радой, с другой – большевики, олицетворяемые Советом народных комиссаров, – неукраинцы. Итак, неукраинцы, великороссы («русские»), великодержавники развязали вооруженную агрессию против суверенной воли нации, против поддерживаемой ею государственности (УНР). Местным большевикам в событиях отводится роль троянского коня, пятой колонны.

В известной степени подобные рассуждения не лишены своей логики, но вряд ли приемлемы в целом, поскольку вольно или невольно не учитывают ряда чрезвычайно важных моментов, способных внести существенные коррективы в понимание сути исторического момента. Речь идет прежде всего о том, что исторически общество Украины сложилось как многонациональное. Почти 30 % неукраинцев – это тот фактор, который сбрасывать со счета никоим образом не стоит. И если их, неукраинцев (точнее, их подавляющей части), настроения, позиции, стремления расходились с линией Центральной рады, концентрировались в определенной партийной политике, то это целесообразно воспринимать как обусловленный историческими обстоятельствами факт, а не отказывать им как жителям края в праве (хоть и задним числом) участвовать в решении судьбы их же Родины (пришлые в 1917 г. элементы, конечно, тоже были, но их процент оказался весьма незначительным, хотя только этим показателем, конечно, нельзя измерять их политическое, а тем более военное влияние на ход событий). Да и в условиях революционного водоворота с переплетением в нем социальных и национальных тенденций сколько-нибудь четкого национального водораздела не было (и быть не могло).

Так, первыми после провозглашения Третьего Универсала забили тревогу польские земельные магнаты Правобережья. Их шокировали декларируемые просоциалистические планы аграрных преобразований Центральной рады. Однако после соответствующих «разъяснений», особенно после вооруженной помощи, которую поспешила предоставить Центральная рада собственникам в обороне имений, поляки оказались в одном лагере с ней. Конечно, в то же время они никак не могли составлять единый фронт с украинской сельской беднотой.

Можно сколько угодно сожалеть о низком национальном сознании социальных низов вообще, но фактом остается и то, что кроме украинской сельской бедноты, не спешили поддерживать лидеров УНР и украинские рабочие, и даже украинские солдаты – прежде политически активная, достаточно многочисленная и потенциально мощная материальная сила, которая, при надлежащей организации, вряд ли имела бы серьезные противостоящие ей силы.

³⁰⁸ Романчук О. Ультиматум. Хроніка одного конфлікту між Раднаркомом РРФСР і Центральною Радою // Дзвін. 1990. № 8. С. 76–92. В дещо розширеному варіанті ця стаття видана в Києві того ж року окремою брошурою товариством «Знання».

³⁰⁹ Тинченко Я. Перша українсько-більшовицька війна (грудень 1917 – березень 1918). Київ; Львів, 1996.

³¹⁰ Верстюк В. Українська Центральна Рада: Навч. посібник. Київ, 1997. С. 229–235; Історія України. Навчальний посібник. Вид. 3-є, доп. і перероб. К., 2002. С. 221–225.

Итак, чтобы понять смысл сложных, противоречивых событий, которые происходили в Украине в ноябре-декабре 1917 – январе 1918 г., следует учитывать по возможности все элементы, направления, срезы общественного процесса, беспристрастно анализируя их взаимодействие и динамику. В этом контексте принципиально важное значение приобретает вопрос о Гражданской войне в Украине, особенно о ее начале.

В работах первых десятилетий после Украинской революции этот вопрос не поднимался, хотя сам термин «гражданская война» (в терминологии авторов 20-х годов «горожанская война») использовался достаточно широко для обозначения ситуаций, когда украинцы оказывались по разные стороны линий фронтов, беспощадно уничтожая друг друга.

Поэтому вряд ли правомерно утверждение В. Ф. Верстюка, что якобы даже термин «гражданская война» не упоминался в работах первых исследователей истории Украинской революции. «Для этого определения, – пытается доказать автор, – не существует никаких оснований, поскольку не было таких внутренних общественных конфликтов, которые можно было бы истолковать как «гражданскую войну» одной части общества с другой»³¹¹.

Что же, стоит обратиться к трудам первого (среди других «первых») историка Украинской революции М. С. Грушевского, который уже момент зарождения конфликта Центральной рады с СНК характеризует весьма примечательно: «Все время Украина жила в состоянии внутренней войны (подчеркнуто мною. – В. С.)»³¹².

Тут и утверждение Верстюка, и его «аргументация» входят в противоречие с реальными историческими и историографическими фактами, поскольку М. С. Грушевский говорит не только о наличии «внутренних общественных конфликтов», а «состоянии внутренней войны».

Совершенно определенно о войне Центральной рады против собственных народных масс писал и В. Винниченко³¹³. Причем подчеркивал, что «верхи» революции пытались замаскировать свои действия, ложно утверждая, доказывая «низам», что ведут войну с Советской Россией, с ее неспровоцированной агрессией, что, впрочем, не всегда удавалось³¹⁴.

Д. Дорошенко прибегает к терминам «внутренние большевистские восстания»³¹⁵, когда воссоздает картину классовой борьбы в Украине конца 1917 – начала 1918 г.

У И. Мазепы «в ходу» такая дефиниция как «междугражданская («міжгромадянська») война»³¹⁶.

Широко пользовался термином «гражданская война», даже писал о целой «череде гражданских войн» видный деятель УНР и известный ученый Н. Григорьев (Наш)³¹⁷. Нечего и говорить о публикациях В. Затонского, И. Кулика, М. Майорова, А. Речицкого, М. Рубача, В. Антонова-Овсеенко и других авторов советской школы, довольно часто и широко оперировавших упомянутым понятием.

Сегодняшний историк не может не понимать и не принимать в расчет и того, что с идеологической целью, как в ходе событий, так и в более поздних их исторических интерпретациях, лидеры Украинской революции сознательно пытались приуменьшить степень противоречий в украинской среде, стремились выдать их за межнациональные, а не внутринациональные конфликты и борьбу, приобретающие на самом деле масштабы и характер подлинной гражданской

³¹¹ Басара-Тилицак Г. Б., Скальський В. В. Міжнародна наукова конференція «Революція, державність, нація: Україна на шляху самоствердження (1917-1921 рр.)» // Український історичний журнал. 2017. № 3. С. 211.

³¹² Грушевський М. Ілюстрована історія України. К., 1919. С. 553; На порозі Нової України. Статті й джерельні матеріали. Нью-Йорк; Львів; Київ; Торонто; Мюнхен, 1992. С. 170.

³¹³ См.: Винниченко В. Відродження нації. Ч. II. С. 152.

³¹⁴ Винниченко В. Відродження нації. Ч. II. С. 158, 161, 163.

³¹⁵ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 247.

³¹⁶ Мазепа І. Україна в огні і бурі революції. Ч. II, III. С. 251.

³¹⁷ См.: Бевз Т. Суспільні рухи в Україні в 1917–1920 роках в оцінці Н. Я. Григорієва // Наукові записки ІПіЕНД. Вип. 7. К., 1999. С. 28–30.

войны. Естественно, статистические данные о национальном происхождении участников противоборства всегда отсутствуют или подменяются общими утверждениями (да и вообще вряд ли их можно определить). Вполне достаточным оказывается в таком случае зафиксировать принадлежность тех или иных сил к лагерю социалистической революции, чтобы быть зачисленными либо в разряд инонациональных элементов, либо объявить «пятой колонной», предателями, то есть чуждыми, враждебными данной нации и т. д. Думается, тут упускается из виду и еще один очень важный фактор. Гражданская война потому и носит название гражданской, что подразумевает масштабный военный конфликт между гражданами общности, государства, независимо от национального состава борющихся сторон.

В современной историографии, как уже указывалось, акценты в оценках военных событий смещаются в сторону анализа внешнего фактора – агрессии Советской России против Украинской Народной Республики, грубого вмешательства чужеродного фактора в естественное развитие Украинской революции. Общая картина практически этим и исчерпывается. Другие же моменты, среди них и Гражданская война, если и упоминаются, то лишь как производные от главных, второстепенные.

Между тем развитие социальной революции в Украине к концу ноября 1917 г. привело к такому разлому общества и обусловило такие процессы, которые со всем основанием (во всяком случае, в контексте предложенного выше критерия) можно квалифицировать как Гражданскую войну. То, что касательно общества Украины в исследуемое время содержание событий вовсе не исчерпывалось понятием «национально-демократическая революция», хорошо известно и будет ниже дополнительно подтверждено конкретными фактами. В равной мере подобный подход был характерен и для лидеров украинства. Ведь своим Третьим Универсалом Центральная рада не провозглашала независимости УНР от России, даже больше – настойчиво доказывала, что борется за образование федеративной демократической республики на месте бывшей империи. В результате процессы, начатые в столице России (а их доминантой было установление власти Советов), практически беспрепятственно развивались и в Украине, приобретая тут серьезную интенсивность и размах.

Центральная рада и Генеральный секретариат все глубже входили в конфликт с этими процессами и, накопив определенный военный потенциал, направили его на противодействие установлению власти Советов. Так одновременно с двух сторон вызрел военный взрыв – Гражданская война, наиболее активными субъектами которой стали силы национально-демократической (Украинской) и социальной (социалистической) революций. Участие на стороне последней петроградского революционного центра сыграло очень существенную роль в ходе конфликта, в развязке вооруженного противоборства.

Взгляд на исследуемые события под углом зрения развивающейся Гражданской войны дает возможность глубже понять их сущность и снять целый ряд противоречий, неувязок, недоговорок и неясностей, остающихся при использовании других подходов. Это подтверждается дальнейшим анализом исторических коллизий ноября 1917 – января 1918 г.

Конечно, ни для кого тогда не было секретом (по крайней мере, не могло и не должно было быть), что результаты политического соперничества, столкновения, то есть Гражданской войны, в решающей степени и в конечном счете определились соотношением классовопартийных и особенно военных сил. Соотношение это не было статичным, а менялось в каждый конкретный момент в зависимости от влияния многих факторов, одним из важнейших среди которых было осознание политическими лидерами необходимости формирования собственного вооруженного оплота и целенаправленных усилий в этом направлении.

И какими бы очевидными не представлялись эти истины абстрактно, их переложение на язык политической практики осуществлялось с огромными трудностями. Так, большевики Украины в ноябре – первой половине декабря главную ставку делали на повсеместное установление власти Советов. Тактикой, которой отдавалось предпочтение, стали перевыборы

всех Советов, отказавшихся признавать Октябрьский переворот, СНК, советскую власть. В результате проведенных перевыборов в ноябре-декабре под контролем большевиков оказались Харьковский, Екатеринославский (городской и губернский), Юзовский, Лозово-Павловский, Кадиевский, Бердичевский, Винницкий, Лубенский, Житомирский, Каменец-Подольский, Коростенский, Луцкий, Могилев-Подольский, Проскуровский, Ровенский, Старокопачевский, Тульчинский, Николаевский, Одесский, Херсонский и много других Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Большевистские резолюции принимались областными, губернскими, уездными съездами Советов. Большевики получили преимущество и в однотипных с Советами органах – военно-революционных комитетах всех четырех армий, дислоцированных в пределах Украины – 7-й, 8-й, 11-й, Особой и в ВРК ЮгоЗападного фронта, во многих корпусных, дивизионных, полковых, ротных комитетах и т. д.

Все активнее в поддержку большевиков выступали различные крестьянские организации, прежде всего Советы крестьянских депутатов. Серьезные сдвиги в пользу большевиков наблюдались в фабзавкомах, профсоюзах.

Однако это политическое влияние автоматически не закреплялось в воинских формированиях. По подсчетам специалистов, в первой половине декабря Красная гвардия в Украине насчитывала около 40 тыс. человек³¹⁸. Но соответственная целенаправленная агитационная и массово-организационная работа в армии (конечно, именно по созданию боеспособных отрядов) практически не осуществлялась. Большинство же солдат и матросов самостоятельно еще не разобрались в обстановке и разъезжались по домам или же придерживались нейтралитета. За исключением насчитывавшего около 500 человек 30-го пехотного полка в Харькове, тыловые гарнизоны Украины не выделили и не отправили ни одной военной части старой армии для боевых операций на «внутреннем» фронте. Да и активность фронтовых воинских частей и матросов Черноморского флота обуславливалась не столько стремлением решить какие-либо вопросы в свою пользу, сколько сопротивлением стремлениям политических соперников.

Похоже, что и Центральная рада не торопилась делать соответствующие выводы из предыдущих событий, не уделяла должного внимания созданию собственных вооруженных сил даже в то время, когда вопрос об этом стал если не главным, то, во всяком случае, одним из первоочередных.

Правда, восстановленный 31 октября 1917 г. в составе Генерального секретариата Секретариат войсковых дел во главе с С. Петлюрой (временно последний именовался генеральным комиссаром, а не секретарем)³¹⁹ принял ряд решительных мер: добился от главнокомандующего генерала М. Духонина (за два дня до его смерти), а также командования Юго-Западного и Румынского фронтов разрешения на украинизацию армии: пополнения лицами украинской национальности, уклонявшимися по разным причинам ранее от военной службы, а теперь подлежащими мобилизации, исключительно частей Киевского военного округа и гарнизонов Екатеринославской губернии³²⁰. Но эти решения оказались слишком запоздалыми: армия уже была охвачена безудержным процессом разложения. Отчаявшейся, обездоленной, озлобленной солдатской массы в то время откровенно опасались все политические силы, которые, каждая по-своему, лишь пытались придать взрывоопасному процессу как можно более безболезненную форму, хотя придумать что-либо иное, чем скорейшую демобилизацию, было нелегко.

Не обошли общие тенденции и украинизированные части. По оценке Д. Дорошенко, «все те полки и дивизии, которые приветствовали Центральную Раду и присягали ей на верность,

³¹⁸ Гарчев П. І. Червона гвардія України у Жовтневій революції. Харків, 1969. С. 90156.

³¹⁹ Робітнича газета. 1917. 2, 4 листоп.

³²⁰ Робітнича газета. 1917. 8 листоп.

уже ничего не стоили с военной точки зрения и были даже опасны, потому что большевистская зараза распространялась среди них с каждой неделей. С каждым днем»³²¹.

И все же руководство Центральной рады, Секретариат войсковых дел (С. Петлюра еще 2 ноября объявил себя главой высшей военной власти Украины³²²) пытались переломить ситуацию в свою пользу, хотя недостаток серьезных, деловых, профессиональных и реалистичных решений при этом заменялся громогласными, внешне эффектными политическими декларациями. Так, 21 ноября 1917 г. за подписью В. Винниченко и С. Петлюры было объявлено воззвание «К войску украинскому (Юго-Западного и Румынского) фронта и тыла». В нем говорилось, что Совнарком «показывает свою неспособность вести армию Российской Республики к примирению и восстановлению жизни измученных народов России», что по вине советского правительства солдаты начинают голодать, «нет одежды, лошади падают от нехватки провианта». Генеральный секретариат обещал взять в свои руки заключение мира и снабжение армии продовольствием. Извещалось, что Генеральный секретариат «в ближайшие дни издаст распоряжение о реорганизации армии на новых демократических принципах», после чего «для координации работы командного состава с выборными организациями будут образованы комиссариаты из представителей национальных и областных войск, и военно-революционные комитеты должны будут передать этим комиссариатам свои полномочия»³²³.

Генеральный секретариат, наконец, угрожал, что с теми, кто будет выступать против обозначенного плана («врагами демократии»), он «умеет бороться». Однако нереальность предлагаемых мер была очевидной.

Одновременно появился и приказ Петлюры украинскому комиссару Северного фронта, согласно которому запрещалось выполнять любые распоряжения назначенного СНК Верховного главнокомандующего Н. Крыленко, предлагалось усилить украинизацию, давать отпор врагам УНР и поручалось для реализации наметенного принять те меры, которые вызываются вашим географическим положением относительно Петрограда, откуда надвигается на Украину эта опасность. Надо, чтобы вы эту опасность остановили возле Петрограда³²⁴. Это уже был не просто авантюрный, но и отчаянный демарш. Ведь любые меры украинизированных частей легко можно было квалифицировать как выполнение приказа С. Петлюры со всеми вытекающими последствиями.

Низкая же боеспособность украинизированных частей не оставляла им практически никаких шансов в случае возникновения недоразумений, вооруженных столкновений и т. п. Нередко украинские части, направлявшиеся в Украину с фронтов, вдали от родных мест останавливались, разоружали, даже грабили и избивали. Нападавшими были и воинские единицы, поддерживавшие власть Советов, и просто крестьяне и жители городов. Такая судьба постигла, в частности, 1-й Украинский конный им. Тараса Шевченко полк, сформированный к зиме 1917 г. из украинцев 14-й конной дивизии 12-й армии Северного фронта, а также украинский полк, который выделился из 3-й конной российской дивизии в Донбассе³²⁵.

Другие части, может быть, и более организованные, как, например, 14-й стрелковый Железный полк 40-го корпуса 9-й армии Румынского фронта, хотя и прибыли в боевом составе и состоянии к местам назначения (в данном случае – в Одессу), практического участия в последующих политических событиях не принимали³²⁶. Фактически то же самое можно сказать и о 175-м пехотном Батуринском полке 44-й пехотной дивизии 12-й армии Северного фронта

³²¹ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 198–199.

³²² 1917 год на Киевщине: Хроника событий. С. 356.

³²³ Цит. по: Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 218.

³²⁴ Народня воля. 1917. 6 груд.

³²⁵ См.: Савченко В. Український рух у російських частинах у 1917 та 1918 рр. // За державність (Каліш). 1934. Зб. 4. С. 146–151, 157.

³²⁶ Там же. С. 151–155.

– единственной из украинских частей этой армии, сумевшей добраться на Черниговщину, в район Бахмача³²⁷.

Мало чем отличалась ситуация и с формированиями, которые образовались в тыловых гарнизонах из служащих запаса. Так, 24 ноября в Киев прибыли 1-й конный полк (из Ново-георгиевска) и пехотный полк, сформированный из украинцев Павловского, Измайловского, Семеновского и Волынского полков (из Петрограда)³²⁸. Но эти части также оказались небоеспособными. Так, Петроградский полк им. Т. Шевченко с началом решающих событий в Киеве объявил «нейтралитет» и бесследно исчез, а полк из Москвы, который ехал «прославлять освобождение Украины», распался, едва выдержав один парад в Киеве. Довольно быстро главным лозунгом подавляющей массы солдат-украинцев стало «Домой!» вместо первоначальных обещаний защищать «украинское дело»³²⁹.

Весьма показательной в этом отношении является история с сердюцким им. гетмана Орлика полком, которую И. Мазепа передал следующим образом: «Полк гетмана Орлика в начале декабря прибыл из Петербурга через Киев в Екатеринослав. Это был своего рода “тро-янский конь”, которого московские большевики, после соответствующей агитационной подготовки, выслали из Петербурга в Киев, чтобы подорвать Центральную Раду изнутри. В Киеве это заметили и целый полк “сплавили” в Екатеринослав. Помню, с какими радостными надеждами встречали это войско екатеринославские украинцы. Но надежды подвели. Большевицкая пропаганда так затуманила головы этим “сынам Украины”, что когда позже дошло до борьбы с большевиками, они провозгласили нейтралитет и не захотели сражаться за украинское дело»³³⁰. Более того, собрание полка приняло несколько резолюций, в которых осудило политику Центральной рады, в частности ее отношения с Советской Россией³³¹.

Украинская пресса в то время пыталась психологически, идейно поддержать процесс украинизации войск, едва ли не ежедневно радостно, приподнято сообщала о возвращении в Украину воинских частей, приветствовала украинских солдат, публиковала множество резолюций о поддержке солдатами Центральной рады, ее политики. Но несоответствие пропагандистских усилий и их последствий все больше бросалось в глаза любому объективному политику.

Требования украинизации Черноморского флота (его матросский состав был почти на 80 % украинский, а командный, за некоторыми исключениями, – российский) к каким-либо серьезным последствиям также не привели. Максимум, на отдельных судах были подняты сине-желтые флаги³³².

Были, конечно, и попытки сломить проявившиеся тенденции, восстановить дисциплину, парализовать деморализационное влияние на воинские формирования антивоенных агитаторов. Одной из таких попыток стала инициатива начальника Киевского военного округа полковника В. Павленко относительно создания не украинизированных, а собственно украинских частей и предоставления им привилегированного положения с присвоением статуса «сердюцких» (во времена Гетманщины сердюки, наподобие гвардии, были элитарными частями украинской армии, они прославили себя обороной Ставища во времена Б. Хмельницкого и Батурина при И. Мазепе, последнее стало причиной того, что Петр I вычеркнул термин «сердюки» из реестров своей армии и к нему больше не возвращались). Из полков, находившихся в Киеве, были созданы две сердюцких дивизии. В 1-ю включили Богдановский, Полуботковский, Доро-

³²⁷ Там же. С. 69, 70.

³²⁸ 1917 год на Киевщине. С. 407.

³²⁹ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 201, 257.

³³⁰ Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. 1917–1921. Т. I. С. 27.

³³¹ Звезда (Катеринослав). 1917. 9 груд.

³³² Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 382–385.

шенковский и Георгиевский им. Богуна полки, при этой же дивизии началось формирование «пушечной Михаила Грушевского» бригады, саперной сотни и конного полка. Командиром дивизии был назначен полковник Ю. Капкан. Командиром 2-й дивизии стал генерал А. Греков³³³. По некоторым данным, сердюцкие дивизии насчитывали 12 тыс. воинов³³⁴. Организация сердюцких полков получила идейную поддержку некоторых органов печати. Так, «Рабочая газета», кроме официальной информации, разместила ряд специальных статей, среди которых крупные публикации Н. Галагана «Сердюки», «Сердюцкая дивизия и народная украинская армия» и др.³³⁵. Но попытки создать своего рода национальную гвардию в целом успеха не имели. Как следствие – В. Павленко был вынужден покинуть пост, а сердюцкие полки уравнились по статусу с обычными.

И все же, по сравнению с потенциалом, на который опирались большевики, поборники советской власти, к концу ноября – началу декабря 1917 г. на стороне Центральной рады сохранялось общее преимущество в военных силах как в Украине в целом, так и в конкретных пунктах. В политическом центре края, в Киеве, войска Центральной рады, как минимум, вдвое превосходили вооруженные отряды красногвардейцев и солдат, поддерживающих большевиков, Совет рабочих депутатов, ВРК. Украинизированные части (около 16 тыс. человек) решили в пользу Центральной рады спор между ней и большевиками, обезоружив в начале декабря красногвардейцев и их союзников-солдат и выслав их за пределы Украины. Успех был обеспечен главным образом внезапностью и молниеносной реализацией плана – среди ночи безоружных раздетых бойцов из казарм препроводили под конвоем к заранее подготовленным поездам и отправили подальше от Киева, даже за пределы Украины. В операции принимали участие 1-я Сердюцкая дивизия (Богдановский, Полуботковский, Дорошенковский и Георгиевский полки), курень им. Т. Шевченко, курень смерти, 1-й конный казачий Свободной Украины полк и 414-й пехотный полк³³⁶.

Центральная Рада объяснила эти свои действия (разоружение большевистских частей и репрессии против других сочувствующих большевикам организаций) планами переворота, который якобы хотели совершить киевские большевики, возглавляемые Военнореволюционным комитетом. Этот аргумент был перенесен и на страницы исследовательской литературы.

В действительности события развивались несколько иначе. В конце ноября лидеры Центральной рады хорошо поняли, что созыв Всеукраинского съезда Советов в Киеве, назначенный, согласно плану его оргкомитета, где ведущую роль играли большевики и левые эсеры, на 4 декабря, не принесет Раде ничего хорошего. Вместе с тем, они прекрасно знали, что инициаторы съезда, одержимые планами мирного устранения Центральной рады от власти, не только не позаботились о вооруженной защите съезда, но и на заседании Киевского комитета РСДРП(б) отклонили предложение руководства областного комитета о вызове в Киев верных большевикам частей 2-го гвардейского корпуса³³⁷. Чувствуя превосходство в силе, гайдамаки 28 ноября встали на путь ликвидации красногвардейских подразделений, арестовали выборных командиров воинских частей³³⁸. Одновременно Рада начала подтягивать свои войска в Киев – место созыва предстоящего съезда Советов. И только в этот момент большевики поняли необходимость изменить тактику.

Поздно вечером 29 ноября на расширенном заседании комитета РСДРП(б) председатель ВРК Л. Пятаков предложил на следующий день в 6 час. 30 мин. выдвинуть Раде ультима-

³³³ Там же. С. 372.

³³⁴ Енциклопедія Українознавства: в 2 т. Париж; Нью-Йорк, 1949. Т. I. С. 1177.

³³⁵ Робітнича газета. 1917. 23, 30 листоп.

³³⁶ Нова Рада. 1917. 24 груд.

³³⁷ Пролетарская мысль. 1917. 29 нояб.; 1 дек.

³³⁸ 1917 год на Киевщине. С. 404–405.

тум: немедленно прекратить враждебные действия против Советов и ВРК и передать именно им власть в городе. Также требовалось, чтобы Рада обязалась срочно разоружить враждебные Советам войска и вывести из города прибывшие части, оставив лишь небольшое количество для караульной службы; Центральная рада признавалась краевой властью временно, до Всеукраинского съезда Советов. В случае отклонения Центральной радой ультиматума ВРК, в 7 часов планировалось начать вооруженное выступление против нее. Это решение было принято большинством всего в 1–2 голоса («за» – Е. Бош, А. Горбачев и др., «против» – Я. Гамарник, А. Горвиц, Д. Иткинд, М. Майоров, И. Крейсберг)³³⁹.

Однако Рада опередила большевиков. К утру она разоружила практически все крупные части революционных войск и красногвардейские отряды и выслала их по железной дороге на станции вне пределов Украины. Были арестованы Л. Пятаков, А. Горбачев и другие большевики³⁴⁰.

Превентивный удар достиг цели. Сторонники большевиков, приняв на заседаниях различных организаций, на собраниях, митингах резолюции протеста, смогли провести 1 декабря лишь однодневную всеобщую политическую забастовку³⁴¹. Центральная рада тем временем пыталась закрепить достигнутый успех. В первые дни декабря по ее приказу гайдамаки начали разгонять Советы рабочих и солдатских депутатов, арестовывать большевиков. Попытки разоружения красногвардейцев имели место в Екатеринославе, Луганске, Мариуполе, Николаеве и других городах. Принимались меры по украинизации Харьковского гарнизона. В Одессе в вооруженной схватке войск, верных Центральной раде, с Красной гвардией погиб руководитель последней М. Кангун. В Полтаве, Конотопе, Ананьеве были распущены Советы. В Бердичеве, Виннице, Здолбунов, Коростень, Казатин были введены верные Раде войска³⁴². Был разоружен ряд гарнизонов прифронтовой полосы, захвачены штабы армий Юго-Западного и Румынского фронтов, разогнаны Военно-революционные комитеты, другие организации. Обращает на себя внимание синхронность, скоординированность действий Центральной рады, верных ей вооруженных частей в разных местах.

События рубежа ноября-декабря 1917 г. доказали военное превосходство Центральной рады над ее главными соперниками. Одновременно они обнаружили и имеющиеся проблемы. Так, воины полков, принимавших участие в разоружении пробольшевистски настроенных частей, проявляли не только антибольшевистские, но и совершенно противоположные настроения. Прозвучали и симптоматические заявления, в частности в Киевском Совете рабочих депутатов, призывавшие солдат защищать своих братьев – трудящихся, а не Центральную раду³⁴³.

В целом же процессы украинизации армии, проблемы, которые при этом возникали, тенденции качественных изменений в армии, скоротечная диалектика изменения роли военной силы в политической жизни отразили как в капле воды довольно сложные события, происходившие в 1-м Украинском корпусе.

Еще до октябрьского восстания российское командование, недовольное тем, что корпус расположился вблизи Киева, пытаясь удалить его от Центральной рады, потребовало передислокации корпуса на фронт, на замену 6-му армейскому корпусу, который был определен для украинизации и превращен во 2-й Украинский корпус. Учитывая падение дисциплины и разложение, все больше охватывавшие и подчиненную ему часть, П. Скоропадский считал такое перемещение даже полезным. Да и Центральная рада, похоже, перестала бы нервничать из-

³³⁹ Из истории Октябрьской революции в Киеве (воспоминания участников). К., 1927. С. 75–77; 1917 год на Киевщине. С. 413–414.

³⁴⁰ 1917 год на Киевщине. С. 415–416; Новая Рада. 1917. 1 груд.; Киевская мысль. 1917. 1 дек. (утр. выпуск).

³⁴¹ Известия стачечного комитета (Киев). 1917. 2 дек.; Киевская мысль. 1917. 1 дек. (утр. вып.).

³⁴² Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Ч. 2. С. 379–441.

³⁴³ 1917 год на Киевщине. С. 417.

за соседства с нежелательным генералом, о котором начали распространяться слухи как о возможном кандидате в гетманы.

В ноябре корпус, оказавшись между Киевом и фронтом, заколебался, куда идти дальше: в Киев, где власть перешла к Центральной раде, или на фронт – неизвестно с кем и ради чего воевать. Генеральный секретариат, несмотря на протесты П. Скоропадского, решил разъединить корпус: 1-ю дивизию со штабом корпуса отправить на фронт, а 2-ю – в Киев. Однако 1-я дивизия запротестовала и надолго «застряла» на станции Деражня. В конце ноября распространились слухи, что 2-й гвардейский корпус, ориентировавшийся на большевиков, оставил фронт и направляется в Киев для совершения там большевистского переворота.

Такие настроения у солдат 2-го гвардейского корпуса действительно существовали, а Е. Бош, которая не раз проводила среди личного состава агитацию, пользовалась в нем большим авторитетом и знала о стремлениях военных, предлагала воспользоваться ситуацией и призвать корпус для охраны Всеукраинского съезда Советов. Но в связи с тем, что взгляды Бош, как было уже отмечено, не разделяло большинство Киевского комитета большевиков и ВРК, эти предложения были отклонены. Никакого приказа 2-й гвардейский корпус не получил и не знал, какова его ближайшая перспектива. При этом начали проявляться характерные для всей армии процессы разложения, хулиганства, мародерства, самовольного оставления частей и попыток захвата подвижного железнодорожного имущества для отъезда по домам, прежде всего, конечно, самым прямым и коротким путем – через Киев. Ни о каких планах захвата власти в Киеве не было известно. Даже позже, когда во второй половине декабря В. Антонов-Овсеенко планировал использовать потенциал корпуса для очистки Донбасса от каледицев, он намечал переброску войск в район боевых действий через Екатеринослав, а не через Киев³⁴⁴.

Реальные факты отрицают утверждения ряда авторов, будто большевики пытались в конце ноября – начале декабря 1917 г. с помощью 2-го гвардейского корпуса совершить вооруженный переворот, который был сорван усилиями 1-го Украинского корпуса³⁴⁵.

Единственную информацию о перемещении 2-го гвардейского корпуса в те дни сообщала газета «Нова Рада». 30 ноября 1917 г. под названием «Поход большевиков на Киев» она, без ссылки на источник, сообщила, что якобы по приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего России М. Бонч-Бруевича один из полков 2-го гвардейского корпуса должен двигаться на Киев, что делается без ведома и разрешения Генерального секретариата войсковых дел. Последний направил Бонч-Бруевичу протест по этому поводу, и генеральный секретарь войсковых дел С. Петлюра разослал в различные военные инстанции телеграмму о запрете проезда по территории Украины каких-либо частей без разрешения Генерального секретариата войсковых дел или его органов.

П. Скоропадский вместо приказа ехать на фронт отдал распоряжение об осаде обеими своими дивизиями железнодорожной линии Жмеринка – Казатин и Шепетовка – Казатин – Христиновка – Вапнярка, разоружил эшелоны 2-го гвардейского корпуса и некоторые другие большевизированные воинские части. Действия П. Скоропадского трактуются как его собственная инициатива с целью защиты Центральной рады³⁴⁶. Вывод Д. Дорошенко, что «этим был спасен Киев и вся Надднепрянская Украина от разгрома большевизированными солдатскими бандами»³⁴⁷, думается, является преувеличением, лишенным надежной фактологической основы.

³⁴⁴ Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне: В 4 т. М., 1924. Т. I. С. 2950.

³⁴⁵ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 377.

³⁴⁶ Там же; Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 грудень 1918. К.; Філадельфія, 1995. С. 92–93.

³⁴⁷ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Ужгород, 1930; Нью-Йорк, 1954. Т. II. С. 26–27.

Однако обращает на себя внимание довольно точное совпадение во времени акций, принятых Украинской радой относительно большевиков и организаций, о которых шла речь выше, и действий 1-го Украинского корпуса. Они похожи скорее на скоординированные, чем на самостоятельные. Позднейшие же публикации, думается, несут на себе отпечаток политического маневрирования конца 1917 г.

Вместе с тем не может не вызывать естественного удивления и ничем не мотивированное, бездумно-безразличное отношение Центральной рады к запросам корпуса П. Скоропадского. Вместо того, чтобы пополнить его добровольцами от вольных казаков, превратить в ядро национальной армии, Генеральный секретариат войсковых дел полностью игнорировал просьбы об отправке теплой одежды, обуви, отопительных приборов, даже агитаторов, способных противостоять пропаганде большевиков³⁴⁸. В довершение всего, самого П. Скоропадского и высший командный состав корпуса в Киеве воспринимали с откровенной подозрительностью, чуть ли не враждебно. Как будто желая как можно больше досадить опальному генералу, главнокомандующим всеми вооруженными силами Украины назначили человека, явно не подготовленного для такой масштабной работы – Ю. Капкана.

П. Скоропадский решил стать выше личных счетов и обид, больше не конфликтовать, а ради установления нормальных отношений между украинским политическим центром и едва ли не единственной надежной военной силой, на которую он мог опереться, оставил свою командную должность. 29 декабря 1917 г. он подал в отставку, а его место занял генерал Я. Гандзюк³⁴⁹.

К тому времени корпус представлял собой еще довольно многочисленную военную силу. Штаб корпуса находился в Белой Церкви, штаб 1-й дивизии – в Бердичеве, 1-я бригада 1-й дивизии находилась в Киеве, 2-я – вдоль железной дороги Фастов – Бердичев, 2-я дивизия расположилась вдоль линии Винница – Гнивань.

Но боеспособность и дисциплина в корпусе начали падать с катастрофической быстротой. Солдаты добились, чтобы общая демобилизация в старой российской армии, объявленная Совнаркомом, была распространена и на 1-й Украинский корпус. Буквально за несколько дней корпус прекратил свое существование как организованное целое. Лишь небольшие его остатки, затаившись во время победы советских войск, после прихода немцев снова примкнули к украинской армии.

Случившееся с 1-м Украинским корпусом отразило общую для всего национального военного строительства тенденцию, когда в самых труднодостижимых комбинациях переплелись противоречивые, даже полярные феномены: настойчивое стремление и дальше создавать, укреплять вооруженный оплот государственности и безудержный, неумолимый распад воинских образований.

Центральная рада объединила Юго-Западный и Румынский фронты в один и 23 ноября 1917 г. объявила его Украинским, назначив главнокомандующим генерала-реакционера Д. Щербачева³⁵⁰.

Был украинизирован штаб Одесского военного округа, а командующим назначен генерал Г. Елчанинов-старший. 18 декабря штаб Киевского военного округа возглавил Н. Шинкарь³⁵¹.

Заинтересованность в как можно более крепких вооруженных силах проявляли и представители Антанты. В начале декабря в Киев из Ставки переехали военные миссии Англии, Франции, Италии, Японии, Румынии, Сербии и Бельгии. Генеральный секретариат воинских дел устроил им подчеркнуто торжественный прием. А представители союзных держав начали

³⁴⁸ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 377.

³⁴⁹ Скоропадський П. Спогади. С. 100–101.

³⁵⁰ Нова Рада. 1917. 24 листоп.; Робітнича газета. 1917. 6, 8 груд.

³⁵¹ Нова Рада. 1917. 24 груд.

проявлять особую симпатию к украинскому движению, обещая предоставление разнообразной помощи.

Резкое изменение позиции стран Антанты (до этого они негативно и даже враждебно относились к идее украинской государственности, считая, что любая ее форма повредит единству Восточного фронта и принесет им лишние хлопоты) объяснялось очень просто. Понимая, что заинтересованность советской России и стран Четверного союза в прекращении непосильной для обеих сторон войны рано или поздно приведет к сепаратному миру, страны Антанты согласны были укреплять государственность УНР, лишь бы она удержала хоть часть бывшего фронта, оттягивая на себя австро-немецкие дивизии.

Но эти надежды оказались тщетными, хотя Генеральный секретарь войсковых дел С. Петлюра и обещал на встрече с союзниками 13 декабря 1917 г. выставить на фронт полумиллионную армию. Возможно, С. Петлюра и сознательно вводил в заблуждение дипломатов, а возможно, и сам не мог точно сказать, какими реальными силами располагало его правительство. И не только потому, что ситуация менялась буквально каждый день, но и потому, что даже сегодня, после многочисленных сопоставлений различных данных, документов специалисты имеют достаточно приблизительные, противоречивые представления о количественных характеристиках украинских вооруженных сил в конце ноября – начале декабря 1917 г.

Если не принимать во внимание расчеты тех, кто считает войском Украинской рады всех солдат-украинцев, представленных на военных съездах, или те части, которые принимали резолюции поддержки украинской власти, цифры здесь колеблются от 70 тыс. до 400 тыс.: 180 тыс. солдат и офицеров на Юго-Западном и Румынском фронтах, 150 тыс. – в тыловых гарнизонах и 60 тыс. вольных казаков³⁵².

Очевидно, ближе к истине является цифра 400 тыс. Ею оперировал во время событий (а не позже – в воспоминаниях) С. Петлюра. Можно допустить, что таким или близким к нему было представление о вооруженных силах Рады и некоторых партийных работников в Петрограде, если они считали (пусть даже без оснований), что Центральная рада способна выставить только против А. Каледина стотысячное войско. Возвращаясь из краткосрочного отпуска в Елисаветграде, член ЦК РСДРП(б) Г. Зиновьев принял участие в совещании работников Киевской партийной организации – делегатов областного (краевого) съезда РСДРП(б). Выступая по вопросу об отношении к Центральной раде, Г. Зиновьев заявил: «Нам положение на Юге России представлялось совсем в другом виде. Я должен сказать, что мы были очень искренни, когда на заводах Петрограда выступали с заявлениями такого содержания: пусть посмеет Каледин выступить – Центральная рада, эта революционная власть украинских рабочих и крестьян, вышлет против него 100 000 армию»³⁵³.

В любом случае в ноябре-декабре 1917 г. Центральная рада имела довольно многочисленные вооруженные силы, которые заметно (по крайней мере, в несколько раз) превышали военный потенциал сторонников советской власти³⁵⁴. И оценивая процессы, развивающиеся неблагоприятно для лидеров Украинской революции, можно понять мотивацию их превентивного удара. Это и были, собственно, первые залпы полномасштабной гражданской войны, что нашло отражение как в многочисленных политических документах тех дней, так и в сознании широких слоев населения. Термин «гражданская война» прочно вошел в лексикон обывателей не только крупных центров, но и украинской «глубинки». Так, проживавший в с. Кобеляки Полтавской губернии торговый приказчик М. П. Бобошко, который очень аккуратно вел дневник, зафиксировал главную тенденцию момента: «Гражданская война разгорается – везде анар-

³⁵² Голуб П. А. Партия, армия и революция. М., 1967. С. 170; *Он же*. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. С. 207.

³⁵³ Киевская мысль. 1917. 3 дек. (утр. вып.).

³⁵⁴ Предметное рассмотрение затронутого вопроса содержится в книге: Солдатенко В. Ф., Халю Л. Г. Військовий чинник у боротьбі за політичну владу в Україні в 1917-1918 рр. К., 2002. С. 179–211.

хия и беспорядки»³⁵⁵. А уже в конце того же месяца, подводя политические итоги непростого 1917 г., он удрученно пишет: «Какой огромный переворот совершился, и с какой бешеной быстротой пронесли события; сколько кровавых событий совершилось. Война, это проклятье, тяготеющее над народами, продолжается, а для нашей Родины многострадальной светлая заря, блеснувшая над ней 1 марта, покрылась грозными тучами братоубийственной гражданской войны, вспыхнувшей повсюду. Брат ополчился на брата, всюду творятся ужасы террора, надвигается голод, промышленность разрушена, товаров нет, транспорт приведен в полнейшее расстройство. Украина совершенно отделилась от России, и Центральная Рада действует самостоятельно. Дон также образовал свою республику. Финляндия тоже совершенно отделилась. Огромная могущественная монархия Россия умирает; сердце перестало болеть, оно окаменело»³⁵⁶. В приведенной выдержке привлекают внимание не только эмоциональные и весьма квалифицированные оценки рядового гражданина с далекой периферии, но и превращение в доминанту общественного настроения представлений о происходящем как о разразившейся и набирающей обороты Гражданской войне.

За развитием событий в Украине, перерастанием борьбы в Гражданскую войну пристально следили в Петрограде. И в дальнейшем считая, что край остается частью России, не обращая особого внимания на усилия Центральной рады относительно государственного самоопределения УНР, здесь рассматривали ситуацию в Украине сквозь призму процесса развития социалистической революции, установления советской власти. То есть события в Украине воспринимались и оценивались как внутренние, внутривососсийские. Видимо, не зря в 14 случаях из 15, когда на заседаниях СНК слушались вопросы об Украине (речь идет о ноябре-декабре 1917 г.), докладчиком или автором, которому поручалась подготовка документов, был нарком по делам национальностей России И. Сталин, и только однажды – нарком иностранных дел Л. Троцкий. Для В. Ленина И. Сталин стал неоспоримым авторитетом в украинских проблемах, а для правительства – скорее наркомом или же ведущим “специалистом” по установлению власти Советов на местах, чем наркомом по делам национальностей»³⁵⁷.

3 декабря 1917 г. на заседании СНК после очередного обсуждения вопроса о Центральной Раде была создана комиссия для разработки проекта манифеста к украинскому народу и ультиматума Раде. Документ готовился главным образом В. Лениным, в составлении и редактировании текста участвовали Л. Троцкий (им были сформулированы ультимативные требования) и И. Сталин³⁵⁸.

4 декабря СНК обнародовал «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде». Манифест признавал право всех народов, в том числе украинского, на национальную независимость: «Мы, Совет Народных Комиссаров, признаем народную Украинскую республику, ее право совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними.

Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа признается нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно»³⁵⁹.

³⁵⁵ Дневник приказчика Матвея Платоновича Бобошко. Полтава, 2005. С. 111.

³⁵⁶ Там же. С. 114.

³⁵⁷ Подробно об отношении руководящего ядра СНК к украинским проблемам см.: Солдатенко В. Ф. До конфлікту Рад наркомом Росії з Центральною Радою (особистісний зріз) // Події і особистості революційної доби. К., 2003. С. 75–108; *Он же*. До історії українсько-російських взаємин 1917 – на початку 1918 рр. // Пам'ять століть. 2003. № 6. С. 52–80.

³⁵⁸ *Ленін В. І.* Манифест до українського народу з ультимативними вимогами до Української ради // Повне зібр. творів. Т. XXXV. С. 137–139, 448.

³⁵⁹ *Ленін В. І.* Манифест до українського народу з ультимативними вимогами до Української ради // Повне зібр. творів. Т. XXXV. С. 137.

Отметим, что Ленин вовсе не случайно не употребляет официального названия тогдашнего государственного образования – «Украинская Народная Республика», а расчетливо, умышленно говорит о «народной Украинской республике», которую, как видно из дальнейших положений документа, Центральная Рада не могла представлять. Речь шла о признании «национальных прав и национальной независимости украинского народа». Что касается Центральной рады, то Совнарком вполне определенно заявлял: «Мы обвиняем Раду в том, что, прикрываясь национальными фразами, она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине... Эта двусмысленная политика, лишаящая нас возможности признать Раду как полномочного представителя трудящихся и эксплуатируемых масс Украинской республики, довела Раду в самое последнее время до шагов, означающих уничтожение всякой возможности соглашения»³⁶⁰. СНК выдвигал Центральной раде ультимативные требования: отказаться от дезорганизации фронта и пропуска контрреволюционных частей на Дон, Урал, в другие места, прекратить разоружение советских, красногвардейских частей, а также способствовать борьбе против кадетско-калединского мятежа. В случае неполучения удовлетворительного ответа в течение двух суток Совнарком обещал считать Раду «в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине»³⁶¹. Таким образом, «Манифест» не дает никакого основания трактовать его как признание Центральной Рады и УНР, что, между тем, неоднократно пытались доказать некоторые историки.

Возможно, здесь сыграло роль и истолкование проблемы И. Сталиным – народным комиссаром по делам национальностей. 12 декабря 1917 г. в «Ответе товарищам украинцам в тылу и на фронте» он заявил: «Говорят, что конфликт возник по вопросу об Украинской республике, что Совет Народных Комиссаров не признает Украинской Республики. Верно ли это? Нет, неверно. Совет Народных Комиссаров официально признал Украинскую республику в “ультиматуме” и “ответе Петроградскому украинскому штабу”»³⁶². И хотя дальше И. Сталин утверждал, что СНК может признать только такую республику, в которой хозяином будет народ, правящие круги которой не будут вести контрреволюционную политику, слова о признании существующей Украинской республики он написал. Ленин проявлял в этом вопросе большую осмотрительность и даже щепетильность, поскольку 5 декабря 1917 г. СНК поставил перед главковерхом Н. В. Крыленко задачу «организации борьбы и боевых действий с Радой»³⁶³. Тем более, что Центральная рада в тот же день дала отрицательный ответ на ультиматум. В документе, в частности, говорилось: «Украинская демократия в лице украинских Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, которые организовались в законодательном органе – Центральной Раде – и в правительстве ее – Генеральном секретариате, вполне удовлетворена как составом этих органов, так и воплощением в жизнь ее воли.

Центральной Радой недовольны великорусские элементы черносотенного, кадетского и большевистского направлений, которые, вероятно, больше хотели бы другой национальный состав Рады. Но Генеральный секретариат предоставляет полную возможность указанным элементам покинуть территорию Украины и выехать в Великороссию, где их национальное чувство будет удовлетворено.

С этой целью украинские солдаты обезоружили анархически настроенных великорусских солдат, которые плели заговоры против власти украинского народа и грозились внести в жизнь

³⁶⁰ *Ленін В. І.* Манифест до українського народу з ультимативними вимогами до Української ради. С. 138.

³⁶¹ Там же. С. 139.

³⁶² *Сталін Й. В.* Відповідь товарищам українцям в тилу і на фронті // Твори: в 30 т. К., 1947. Т. IV. С. 10–11.

³⁶³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1 Д. 19. Л. 3 об.; История Новороссии. С. 445.

Украины кровавую братоубийственную войну, анархию и всю ту распущенность, которая царит на территории народных комиссаров»³⁶⁴.

Не согласившись по сути ни с одной из высказанных претензий СНК, Центральная рада их решительно отвергала: «На территории Украинской Народной Республики, – говорилось в послании, подписанном В. Винниченко и В. Шульгиным, – власть принадлежит демократии Украины. Всякие покушения вооруженной силой на эту власть будут подавляться такой же силой»³⁶⁵.

В тот же день Центральная рада направила и пространную телеграмму в ставку главко-верха (за подписью В. Винниченко, С. Петлюры и генерального писаря И. Мирного), в которой опротестовывалось право российской стороны «грубо покушаться» на навязывание «своих» форм политического устройства самоопределившегося государства. Генеральный секретариат предлагает иные методы, нежели те, которые употребляются Советом народных комиссаров, а именно: добровольное соглашение всех областей и народов. на следующих условиях: 1) правительство должно быть однородно социалистическим от большевиков до народных социалистов, 2) должно быть федералистическим... только такое правительство правосильно решать вопросы мира всей России»³⁶⁶.

Очевидно, к тому моменту, опираясь на дивизии «украинизованного» войска, Рада считала свое положение непоколебимым. Она развернула интенсивную кампанию, в ходе которой доказывала, что появление «Манифеста» – это объявление войны Украине, представляла свою борьбу против Советов в Украине и в России как войну войной между Украиной и Россией, между двумя народами. 5 декабря 1917 г. В. Винниченко говорил о «Манифесте»: «Объявление нас “буржуями” – средство борьбы неукраинцев с украинцами. Борьба, которую теперь ведут с нами большевики, борьба национальная... Не Генеральный секретариат, а Совет Народных Комиссаров затеял братоубийственную войну. Но тот, кто поднял меч, от меча и погибнет...»³⁶⁷ Обращает на себя внимание и аргументация, к которой прибегнул М. Грушевский, анализируя ситуацию, связанную с появлением «Манифеста». Утверждая, что на Украину надвигается вражеское войско, он дальше отмечал: «Оно (войско. – В. С.) уже вступило на украинскую землю и получило приказ во чтобы то ни стало пробиться к центру нашего государства. Отправляют это войско на нас те же так называемые народные комиссары, которые лицемерно кричат везде и всюду о своей любви к миру. Заключив перемирие на всех фронтах, народные комиссары объявили войну нам»³⁶⁸.

Стоит отметить, что в такой атмосфере немалая часть местных большевиков проявила растерянность, о чем свидетельствует и Областной (краевой) съезд РСДРП(б) в Киеве 3–5 декабря 1917 г. Оказавшись после вооруженных акций Рады 28 ноября – 3 декабря практически беззащитными и опасаясь, что массы могут поколебаться и снова склониться к Центральной раде, они выражали тревогу за возможное развитие событий как неблагоприятное для себя в военной и политической перспективах³⁶⁹. Вместе с тем работа съезда еще раз показала неготовность местных большевиков к войне, о которой каждый день неутомимо твердилось в прессе.

5 декабря 1917 г. СНК рассмотрел ответ Центральной рады на ультимативные требования и, признав его неудовлетворительным, решил «считать Раду в состоянии войны с нами». Было поручено комиссии в составе В. Ленина, Л. Троцкого, И. Сталина предпринять активные

³⁶⁴ Українська Центральна Рада. Т. I. С. 512–513.

³⁶⁵ Там же. С. 513.

³⁶⁶ Цит. по: История Новороссии. С. 445.

³⁶⁷ Киевская мысль. 1917. 6 дек.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ Летопись революции. 1926. № 4. С. 83–85.

меры к установлению отношений со Ставкой и издать от имени Совета Народных Комиссаров два воззвания – к украинскому народу и солдатам³⁷⁰.

Следовательно, в официальных документах, поступающих из обоих лагерей, оказавшихся в противоборстве, состояние отношений характеризовалось именно как война, война между советской Россией и Украинской Народной Республикой. Однако в действительности ситуация оказалась значительно сложнее.

Пожалуй, больше других это понимали В. Винниченко и П. Христюк, которые используя соответствующие документы совершили попытки подняться к надлежащему уровню сложности в объяснении исследуемых проблем. Вряд ли можно считать их попытки абсолютно успешными – слишком часто бросается в глаза очевидная противоречивость между отдельными блоками-размышлениями. Однако следует отдать должное стремлению вышеназванных авторов к научной всесторонности и объективности. У Винниченко оно органично сочетается с внутренней потребностью критического самоочищения, а у Христюка – с явным разочарованием по поводу неиспользованных благоприятных возможностей – «исторического шанса» – из-за проявленных субъективных просчетов и ошибок.

Винниченко с присущей ему публицистической беспощадностью и безапелляционностью утверждает, что начавшаяся война велась «формально, – будто с Россией, Великороссией, с Петроградским Советским Правительством. Но в сущности с собственными народными массами»³⁷¹. То есть «верхи» украинского движения оказались в конфликте («войне»), Гражданской войне, с его «низами». Почему?

Бывший председатель Генерального секретариата самокритично отвечал на этот вопрос. По его мнению, это произошло потому, что украинский труженик, прежде всего украинский солдат, не видел «со стороны своей украинской власти желания встать решительно на сторону работающих, не видел с ее стороны тенденций что-либо радикальное осуществлять в этом направлении, чтобы если не сегодня, то далее в будущем, преодолев все трудности, освободить свои трудящиеся массы из-под социального господства враждебных и нации, и трудящимся классов. Вместо того слышал, как такое желание большевиков, такая их оборона простого, бедного люда против всякого господина называлась у украинцев (речь идет, конечно, об идеологах украинского движения. – В. С.) демагогией, высмеивалась, бранилась, отрицалась»³⁷².

Иными словами, под влиянием большевиков (и московских, и доморощенных), убеждаясь на собственном жизненном опыте, очень широкие слои населения Украины все больше теряли доверие к Центральной раде («само имя Центральной Рады становилось непопулярным»)³⁷³ и выражали симпатии ее политическим оппонентам («солдаты наши, главная тогда сила, говорили: мы – большевики, но мы – украинские большевики...»)³⁷⁴.

Единственный выход из такой ситуации бывший лидер УСДРП усматривал в перевыборах Центральной рады, большинство которой на это, конечно, не соглашалось. Главными соображениями были два: согласие на перевыборы, означало бы признание ошибочности проводимой политики; перевыборы, вероятнее всего, принесли бы преимущество большевикам, рабочим, а через русифицированных пролетариев власть перешла бы к россиянам («русским»).

Винниченко доказывает, что подобные рассуждения были беспочвенны. Массы давно не удовлетворяла политика Украинской рады – и необходимо было бы избрать иной курс, который требовало большинство. Огромное же численное преимущество украинцев в армии и в

³⁷⁰ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника: в 12 т. Т. V. М., 1974. С. 111; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 19. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 об. – 3 об.

³⁷¹ Винниченко В. Відродження нації. Ч. II. С. 152.

³⁷² Там же. С. 158.

³⁷³ Винниченко В. Відродження нації. Ч. II. С. 161.

³⁷⁴ Там же.

селе дало бы им неоспоримое большинство и в новом составе Рады. К ним неизбежно присоединилась бы часть рабочего класса. «И большинство безусловно было бы за украинцами, а, значит, и вся советская, социалистическая власть на Украине была бы национально-украинской. И сама собой прекратилась бы война с русской советской властью»³⁷⁵.

Винниченко считал, что причиной ложной ориентации в тот ответственный момент стало неправильное понимание национальной идеи, которая не была бы дискредитирована, если бы «не выставляли ее как враждебную к социалистической революции... Да, – борьба двух национальных идей, украинской и русской, была бы безусловно. Но украинская идея, сгармонизованная с социальными устремлениями масс, была бы наверняка сильнее, она не была бы так ослаблена, как это было потом, когда всякий украинец считался другими и сам себя считал естественным врагом большевизма, то есть широких (пусть даже, по мнению иных, неумеренных, нерассудительных), но тех социальных стремлений, которые тогда господствовали в наших же массах»³⁷⁶.

Определенный, хотя в большей степени абстрактно-теоретический интерес представляют попытки П. Христюка вывести из-под критического удара Центральную раду и переложить вину за трансформацию нарастающего в Украине кризиса в Гражданскую войну на большевиков. Анализируя документы третьей сессии Всеукраинского Совета крестьянских депутатов (18–23 ноября 1917 г.) и Третьего съезда Украинской партии социалистов-революционеров (21–24 ноября 1917 г.), хорошо информированный аналитик пытается обосновать весьма важную, принципиальную тенденцию. Представители самого многочисленного слоя населения Украины и его партии на своих форумах продемонстрировали явную склонность медленно, с использованием довольно сложной системы переходных, компромиссных мер добиться сочетания (объединения) национальных и классовых органов (Украинского учредительного собрания и Всеукраинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов) в конструкции верховной власти в Украине³⁷⁷. Такой по сути переходный вариант государственной организации, предполагающий и дальнейшую его эволюцию, совершенствование, предположительно мог снять напряжение между лидерами Украинской революции и большевиками, однако последние, проявив неоправданную требовательность, даже агрессивность, вооруженной силой разрушили естественный ход весьма прогрессивных процессов³⁷⁸.

Возможно, подобного рода размышления и стоило бы принять в расчет, если бы упомянутая схема хоть в малой степени начала реализовываться на практике. Большевики же организовывали массы на борьбу не с бумажными, кабинетными планами, какими бы привлекательными они ни были, а с той конкретной политикой и организациями, которые им противостояли. Именно поэтому они и добивались устранения с политической арены Центральной рады и передачи власти в Украине органу, который избрал бы Всеукраинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Убедившись, что Всеукраинский съезд Советов, вопреки противодействию Центральной рады, все равно будет созван, лидеры УНР в 20-х числах ноября изменили тактику. Они публично начали доказывать, что съезд, созданный по нормам представительства оргкомитета, который создал областной Совет рабочих и солдатских депутатов, не будет отражать настроений украинского народа, не станет его настоящим волеизъявлением. Поэтому Центральная рада считала себя обязанной принять участие в организации форума и повлиять на процесс формирования его состава. ЦК Крестьянского союза без ведома оргкомитета призвал крестьян отправить как можно больше представителей для участия в съезде. В столицу прибыли более

³⁷⁵ Там же. С. 163.

³⁷⁶ Там же. С. 164.

³⁷⁷ Христюк П. Записки і матеріали... Т. III. С. 63–69.

³⁷⁸ Там же. С. 67–68.

2 тыс. таких посланцев от близких к Киеву уездов, которые без труда захватили помещение мандатной комиссии и выписали всем своим сторонникам мандаты делегатов съезда, растворяясь в собственной массе прибывших в Киев по инициативе оргкомитета.

Большевики и их сторонники (всего около 200 человек) огласили декларацию с осуждением фальсификации съезда, грубой подтасовки его состава, превращения в собрание сторонников Центральной рады и оставили зал заседаний сразу же после открытия форума. Те же, кто остался, конституировались как Всеукраинский съезд Советов и приняли ряд резолюций, в которых полностью поддерживали политику лидеров УНР и осуждали действия СНК как неспровоцированную агрессию против суверенного государства. Отдельные большевики, оставшиеся на собрании с информационной целью, солидаризировались с резко негативными оценками ультиматума СНК Украинской раде³⁷⁹.

«...Считая ультиматум Совета народных комиссаров покушением на Украинскую Народную Республику... исходя из того, что заявленные в нем притязания грубо нарушают право украинского народа на самоопределение и на свободное строительство форм своей государственной жизни, Всеукраинский съезд советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов утверждает, что централистические намерения настоящего московского (великорусского) правительства, доводя до войны между Москвией и Украиной, грозят окончательно разорвать федеративные связи, к которым стремится украинская демократия, – говорилось в резолюции, против которой было подано всего 2 голоса, а 19 – воздержались. – ...Признавая, что ответ Генерального Секретариата 4 декабря является надлежащим ответом покушению народных комиссаров на права украинских крестьян, рабочих и солдат, Всеукраинский Съезд советов крестьянских, рабочих и воинских депутатов считает нужным принять все меры, чтобы не допустить пролития братской крови, и обращается с горячим призывом к народам России всеми способами предотвратить возможность новой позорной войны»³⁸⁰.

Еще более единогласными оказались результаты одобрения резолюции о доверии Центральной раде. Против принятого документа голосовало также 2 депутата и только 2 – воздержались. «Принимая во внимание, – говорилось в резолюции, – что Центральная Украинская рада, представительство в которой непрестанно обновляется, состоит из Всеукраинских советов крестьянских, рабочих и воинских депутатов, избранных на всеукраинских съездах, и из представителей демократии национальных меньшинств, из-за чего она представляет собой временный правомочный законодательный орган революционной демократии Украины, и учитывая то, что провозглашением Третьего Универсала Центральная Рада стала на путь широких социальных и политических реформ и приступила к скорейшему созыву Украинского Учредительного Собрания, которому единственно может Центральная Рада передать всю полноту власти на Украине, – съезд Советов крестьянских, рабочих и воинских депутатов Украины считает переизбрание Центральной Рады несвоевременным и ненужным.

Подчеркивая свое решительное требование, чтобы Центральная Рада в своей дальнейшей работе стояла твердо на страже достижений революции, распространяя и углубляя безостановочно свое революционное творчество и обороняя неуклонно классовые интересы трудовой демократии, и чтобы не откладывая созвала в свое время Украинскую Учредительную раду, которая одна может выявить истинную волю всей демократии Украины, – съезд Советов крестьянских, рабочих и воинских депутатов Украины выражает на этом пути Центральной Раде свое полное доверие и обещает ей свою решительную поддержку»³⁸¹.

I Всеукраинский съезд Советов стал еще одной демонстрацией солидарности с линией руководства Украинской революции. Однако, думается, не стоит и переоценивать его, как это

³⁷⁹ Українська Центральна Рада. Т. I. С. 502–512.

³⁸⁰ Там же. С. 509–510.

³⁸¹ Українська Центральна Рада. Т. I. С. 511–512.

делается в работах многих современных историков³⁸². В частности, сами украинские руководители в системе аргументации в пользу легитимности Центральной рады УНР не придавали первостепенного значения решению киевского съезда Советов, как и не считали их принципиально важными для дальнейшей судьбы Украинской революции.

П. Христюк считает, что съезд был попыткой местных большевиков избавиться от Центральной Рады в момент, когда «война фактически уже началась, когда русское Советское войско уже наступало на Украину и Совет Народных Комиссаров оформлял, так сказать, это наступление своими ультимативными нотами к Центральной Раде»³⁸³. Однако автор не ставит проведение съезда в прямую связь с планами СНК. Ведь «формально да и по сути» съезд этот связан с предыдущим периодом – периодом мирной агитации большевиков против Центральной рады. Собственно, за созыв съезда, напоминает Христюк, высказался и Третий съезд УПСР. Однако большевики, взяв инициативу в свои руки, пытались воплотить в жизнь собственный сценарий, но сделать это не смогли.

Оценивая принятые постановления, Христюк делает, казалось бы, неожиданный вывод: «Призрак похода Московии на Украину уже бросал украинскую демократию вправо, в сторону сохранения единого национального фронта и затушевывания момента классовой борьбы. А это был самый большой вред, который несла война Московии с Украиной Украинской революции»³⁸⁴. Однако если оставить без внимания очевидное противоречие (призрак войны или война как таковая), то в целом вывод Христюка вписывается в его общую схему, в частности в отстаиваемый тезис о том, что конфликт большевиков с Центральной радой помешал естественной эволюции украинского движения влево, к социализму и перерос в Гражданскую войну.

Что касается противоречия между многочисленными утверждениями, что война Советской России против Украинской Народной Республики началась в начале декабря (с ультиматума), при отсутствии фактического подтверждения каких-либо военных действий, то истолковать все это не просто, особенно если учесть, что весь декабрь 1917 г. продолжались поиски дипломатических путей решения конфликта. Во всяком случае, такой вывод можно сделать, рассматривая отношения на «высших этажах» политики – между СНК и Центральной радой с Генеральным секретариатом. Если многие авторы вообще обходят этот срез тогдашней жизни, то этого не может себе позволить Д. Дорошенко – бывший дипломат.

В конце концов, он занимает срединную позицию: «Обмен нотами (ультиматум СНК и ответ Центральной рады. – В. С.), – не вызвал сразу войны в обычном смысле слова, и еще некоторое время между обеими сторонами шли опосредованные и непосредственные переговоры»³⁸⁵, – вынужден соглашаться с действительностью добросовестный историк. Похоже, он находит и довольно резонные объяснения именно такой логики развития событий между конфликтующими сторонами: «Хотя и за большевиков и за Ц. Раду стояли вроде бы большие массы вооруженных военных, но это уже не были правильно организованные и послушные части, как прежде; они были разбросаны повсюду, настроения их были шаткими и неизвестно было наверняка, с кем они пойдут. Оба правительства опирались на более определенные силы лишь в своих столицах, но для какой-либо войны и дальних походов тех сил было мало»³⁸⁶.

Вывод совершенно справедливый, и отражает действительный военный потенциал обеих сторон. В то же время Дорошенко пытается своеобразно согласовать свои соображения с господствовавшим в 1917 г. политическим стереотипом не только о существовании состояния

³⁸² См., напр.: *Верстюк В.* Українська Центральна Рада. Навчальний посібник. С. 225–226.

³⁸³ *Христюк П.* Записки і матеріали... Т. II. С. 69.

³⁸⁴ *Христюк П.* Записки і матеріали... Т. II. С. 74.

³⁸⁵ *Дорошенко Д.* Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 223.

³⁸⁶ *Дорошенко Д.* Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 223.

войны, но и о ее фактическом активном ведении со стороны Советской России. Он предлагает следующую логику развития тогдашних событий: «...большевики выбрали такую тактику: формально не объявляя войны, они давали приказы разным воинским частям на Украине, которые склонялись к большевизму, чтобы они сами захватывали украинские города и провозглашали власть Советов. Им должны помогать большевистские боевые дружины из местных элементов. Тогда выглядело так, что Совет Народных Комиссаров вроде бы и не ведет войны против Украины, но сами рабочие, солдаты и крестьяне свергают ненавистную им власть буржуазной Ц. Рады и устанавливают власть советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов»³⁸⁷.

Очевидно, автор допускает здесь неточности относительно двух моментов. Во-первых, руководства процессом установления советской власти со стороны какого-то центра не было (во всяком случае, документы по этому поводу неизвестны), и воссозданный вариант тактики совершался сам собой, в определенной степени стихийно.

Во-вторых, борьба за установление советской власти – это все же не война в полном смысле слова. Во всяком случае, не война межгосударственная – украинско-российская (фронты, регулярные воинские части, боевые операции, соответствующее профессиональное командование, тяжелое вооружение, система снабжения войск всем необходимым и т. д.). Это политические акции, действия, которые в силу определенных причин (хотя и не обязательно – скорее, как исключение) выливались в кратковременные вооруженные столкновения. И такие явления можно квалифицировать как факты Гражданской войны

Собственно, автор несколько страниц спустя противоречит сам себе, когда пишет, что Украинской Народной Республике пришлось налаживать свою деятельность «под угрозой большевистской инвазии и внутренних большевистских восстаний (подчеркнуто мною. – В. С.)»³⁸⁸, по существу подтверждая правоту высказанного выше замечания. Историк многих страниц посвящает анализу переговорного процесса между СНК и Центральной радой, который продолжался в течение всего декабря. Тем самым он лишний раз подтверждает приоритетность для обеих сторон мирного пути урегулирования конфликта перед его военными вариантами. Однако в определенном противоречии с теми фактами и документами, которые анализируются в книге, Дорошенко несколько неожиданно делает предположение-вывод: «Очевидно, что различные ноты или попытки переговоров были для большевиков лишь маневром чтобы выиграть время или как-то озадачить противника»³⁸⁹. Видимо, в данном случае автор чувствовал несоответствие между фактами и их суммарной оценкой и поэтому ввел это предупредительное – «очевидно», приобретающее предположительный, а не итоговый смысл.

Более грубо, а поэтому менее убедительно пытается «подогнать» под собственную концепцию развитие дипломатического диалога между УНР и советской Россией П. Христюк. Особый упор при этом делается на том, что большевистский СНК, вопреки неоднократным демагогическим заверениям, якобы никогда, ни при каких обстоятельствах не мог смириться с правом украинцев самостоятельно решать свою судьбу из-за панической боязни утраты экономически, политически и стратегически важнейшего для России региона³⁹⁰.

Развитие событий в декабре 1917 г. свидетельствовало о тщетности усилий по примирению политического противостояния в Украине. Среди таких событий, безусловно, одним из главных является I Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который состоялся в Харькове 11–12 декабря 1917 г.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Там же. С. 247.

³⁸⁹ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 259.

³⁹⁰ Христюк П. Замітки і матеріали... Т. II. С. 83–87.

124 делегата (большевики, эсеры, меньшевики-интернационалисты, левые украинские социал-демократы и беспартийные), оставившие 5 декабря съезд Советов в Киеве, переехали группами в Харьков, где, объединившись с делегатами III областного съезда Советов Донецкого и Криворожского бассейнов, провели первый Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

Более 200 делегатов представляли 46 Советов Донецко-Криворожской области, 32 Совета Юго-Западного края и 4 Совета Юга Украины. Делегаты рассмотрели вопросы о текущем политическом моменте, о власти и государственном устройстве, о самоопределении края.

Украина была объявлена Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На ее территорию распространялись все декреты и распоряжения советского правительства России, прежде всего декреты о земле, рабочем контроле над производством, о демократизации армии. Одновременно постановления и распоряжения Центральной рады признавались недействительными как направленные против народных интересов.

Съезд принял решение об установлении между Советской Украиной и Советской Россией тесной братской связи, а в резолюции «О самоопределении Украины» признал Украинскую советскую республику федеративной частью РСФСР.

Представляется не вполне глубоко обоснованным предположение отдельных историков о том, что созданное ВУЦИКом правительство – Народный секретариат – не являлось «достаточно легитимным», а больше преследовало цель «подтолкнуть реальное – легитимное – украинское правительство (т. е. Генеральный секретариат. – В. С.) к переговорам» с СНК³⁹¹.

Думается, что в данном случае несколько недооценивается роль и степень влияния Советов, в том числе и их I Всеукраинского съезда, в общественно-политической ситуации и жизни вообще Украины.

В Центральный исполнительный комитет Советов Украины из 41 члена было избрано 35 большевиков: Ф. Сергеев (Артем), А. Александров, С. Бакинский, Е. Бош, П. Загребельный, А. Иванов, И. Кулик, М. Острогорский, Л. Пятаков, М. Тарногородский и др. Председателем ЦИК Советов Украины был избран левый украинский социал-демократ Е. Медведев. Поскольку на съезде были недостаточно представлены Советы крестьянских депутатов, было признано целесообразным созвать Всеукраинский съезд Советов крестьянских депутатов, избрать на нем в ЦИК 20 представителей. Это решение было выполнено в январе Всеукраинской крестьянской конференции.

17 декабря ЦИК Советов Украины объявил о создании первого советского правительства Украины – Народного Секретариата в составе 10 секретарей, 9 из которых были большевиками: В. Ауссем, С. Бакинский, Е. Бош, Г. Лапчинский, В. Люксембург, Э. Лугановский, В. Затонский, Ф. Сергеев (Артем), В. Шахрай. Один народный секретарь – Е. Терлецкий – был левым эсером. Сначала правительство работало под временным руководством Е. Бош.

В решениях I Всеукраинского съезда воплотился выбор руководимых большевиками леворадикальных сил, достаточно широких кругов трудящихся утверждать на своей земле социалистический строй, строить украинское советское государство в союзе с русским и другими народами страны.

Создание и укрепление Украинской Республики Советов означало довольно серьезный удар по планам развития УНР под руководством Центральной рады. Борьба против последней вступала в решающий этап. Новое направление было задано и повсеместному установлению власти Советов.

Известие о решении I Всеукраинского съезда Советов было одобрительно встречено во многих местах, коллективах Украины. Трехтысячный митинг рабочих и служащих Харьковского железнодорожного узла принял 14 декабря 1917 г. резолюцию, в которой, в частно-

³⁹¹ См.: История Новороссии. С. 448.

сти, говорилось: «Мы, рабочие, приветствуем образованный Всеукраинский ЦИК Советов как новую Советскую власть Украины – союзника Совета Народных Комиссаров»³⁹². «Все, кто за власть Советов, теснее сплотитесь вокруг Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины – и Центральная Рада будет свергнута»³⁹³, – призывало общее собрание рабочих Нелеповского и Щербиновского рудников, состоявшееся 19 декабря 1917 г. «Приветствуем Всеукраинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также избранный им Центральный Исполнительный Комитет, – говорилось в резолюции, посланной из 7-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса. – Вон буржуазную Центральную Раду. Довольно национальной травли. Да здравствует Всеукраинская республика Советов. Да здравствует братство рабочих, солдат и беднейших крестьян Великороссии и Украины»³⁹⁴.

Подобных документов в те дни принималось много, и периодика, конечно, могла вместить на своих страницах лишь их определенную часть.

С большим вниманием относились к развитию процессов на Украине в Петрограде. В написанных в дни работы I Всеукраинского съезда Советов «Тезисах об Учредительном собрании» Ленин, взвесив известные ему факты, заявил: «Последние события на Украине (отчасти также в Финляндии и в Белоруссии, а равно на Кавказе) указывают равным образом на новую группировку классовых сил, которая происходит в процессе борьбы между буржуазным национализмом Украинской рады, Финляндского сейма и т. п., с одной стороны, и Советской властью, пролетарски-крестьянской революцией каждой из этих национальных республик, с другой»³⁹⁵.

Как только поступили сообщения о I Всеукраинском съезде Советов, о его решении создать Украинскую советскую республику, возглавляемый Лениным СНК немедленно, 17 декабря, направил ЦИК Советов Украины телеграмму, в которой приветствовал «образование в Харькове действительно народной Советской власти на Украине, видя в этой рабочей и крестьянской Раде настоящее правительство Народной Украинской республики», и обещал правительству братской Украинской республики «полную и всестороннюю поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины»³⁹⁶. В современной историографии появился новый, синтетический (по сути – симбиозный), уточняющий содержательный термин: «Украинская Народная Республика Советов»³⁹⁷ как попытка привести к единому логичному, (хотя, естественно – искусственному) знаменателю разноречивой в тогдашних документальных источниках.

Центральная рада, естественно, не только не признала решений I Всеукраинского съезда Советов, но и развернула широкую пропаганду, направленную на опровержение их правомерности.

Вместе с тем руководство УНР стремилось переломить ситуацию в свою пользу, прибегая к силовым методам. На Румынском фронте был убит назначенный СНК комиссар фронта большевик С. Рошаль, на Юго-Западном – арестован комиссар фронта, член Всероссийского ЦИК Г. Чудновский. Было арестовано большинство членов армейских и корпусных ВРК, грубо разгонялись рады, другие революционные организации.

Особую огласку получило дело об убийстве председателя Киевского Военно-революционного комитета Л. Пятакова.

³⁹² Донецкий пролетарий. (Харьков), 1917. 16 дек.

³⁹³ Донецкий пролетарий. (Харьков), 1917. 21 дек.

³⁹⁴ Вестник Украинской Народной Республики. (Харьков), 1917. 20 дек.

³⁹⁵ Ленин В. И. Тезисы про Установчі збори // Повне зібр. тв. Т. XXXV. С. 158.

³⁹⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Т. II. С. 594.

³⁹⁷ См.: История Новороссии. С. 448.

Реагируя на нарастание террора, Киевская общегородская конференция РСДРП(б) 27 декабря приняла решение о немедленном вооруженном выступлении против Центральной рады, от которого пришлось отказаться из-за явной неподготовленности. Однако остановить процесс борьбы за установление власти Советов уже не могло ничто. Решительность многочисленных организаций трудящихся Украины бороться за установление власти Советов отныне могла опираться и на военный потенциал советской России. В декабре 1917 г. в Украине начали появляться первые вооруженные формирования, присланные с Севера, и отряды, сформированные из революционно настроенных фронтовиков.

Руководство УНР дало негативную оценку решениям харьковского съезда и особенно тем последствиям, которые он мог иметь, как удобный повод для углубления кризиса, военного противостояния России и Украины.

Н. Шаповал утверждает, что, в отличие от легитимного Всеукраинского съезда Советов в Киеве, который поддержал власть Центральной рады, «Москва уже шла огнем и мечом на Украину и в Харькове уже подготавливала новое “правительство” для Украины. Так *московская социальная революция пошла войной на украинскую социальную революцию...* Наш режим был социалистический. Москва войну затеяла, как видите по документам, определенно по национальным причинам, а не социальным. Война была национальная, а не социальная»³⁹⁸.

М. Грушевский считает, что провозглашение Украины советской социалистической республикой, отмена всех распоряжений Центральной рады, формирование советских органов власти (Всеукраинского центрального комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Народного секретариата) не имели бы последствий, «если бы, к несчастью, не прорвались в Харьков большевистские войска, или лучше сказать, банды солдат, матросов и разных наемных хулиганов, которые стояли под Белгородом, якобы пробивая себе дорогу на Дон. С их приходом осмелели и местные элементы, разагитированные большевиками; местное население было терроризировано, украинский гарнизон, продержавшись две недели, в конечном счете, сложил оружие.

После этого банды большевистских солдат и так называемых красногвардейцев, то есть вооруженных рабочих и всякого иного люда, взятого на службу большевиками, вместо того, чтобы идти на Дон бороться с контрреволюцией, как говорили, стали продвигаться по железным дорогам Украины, захватывая города и узлы Донецкого района, оттуда перекинулись в Екатеринославский, начали распространяться в Полтавщине и Херсонщине»³⁹⁹.

В. Винниченко считал провозглашение Народного секретариата правительством всей Украины очень выигрышным моментом для советской России: «Не она, мол, уже теперь вела войну с Украиной, а Харьковское Украинское правительство боролось против Киевского, теперь, мол, это домашнее дело самого украинского народа. Естественно, это была только одна формальность, потому что харьковское правительство все директивы получало из Петрограда и вело военные операции силами русского правительства». В то же время, стремясь к объективности, бывший Председатель Генерального секретариата отмечал, что «образование этого правительства очень помогло победе большевизма на Украине: все недовольные элементы сразу нашли себе в нем организационный центр и точку опоры»⁴⁰⁰.

Развивает тезис В. Винниченко и Д. Дорошенко, подчеркивая, что со времени I Всеукраинского съезда Советов «началось завоевание Украины большевиками изнутри якобы украинскими же силами и при наличии нового украинского правительства – Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины»⁴⁰¹.

³⁹⁸ Шаповал М. Велика революція і українська визвольна програма. С. 108.

³⁹⁹ Грушевський М. Ілюстрована історія України. С. 555–556.

⁴⁰⁰ Винниченко В. Відродження нації. Ч. II. С. 171.

⁴⁰¹ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923. Т. I. С. 224.

Неточность, которую допускает автор в данном случае, квалифицируя ВУЦИК новым украинским правительством (в действительности таковым был Народный секретариат), – не так существенна, как другая часть этой же фразы – «началось завоевание Украины большевиками якобы украинскими же силами». Здесь автор допускает сразу две очевидные ошибки, безоговорочно считая большевиков исключительно внешней, неукраинской силой, а соперников Центральной рады называет «якобы украинскими же силами».

На самом же деле, большевизм в Украине к концу 1917 г. превратился во влиятельную внутреннюю силу. В целом с 25 октября 1917 по 28 февраля 1918 г. в городах, рабочих поселках, на заводах, рудниках и железнодорожных станциях Украины возникло 33 новых большевистских организации. Всего в начале 1918 г. в городах, промышленных центрах и рабочих поселках Украины вместе с созданными ранее насчитывалось 204 партийные организации.

Наряду с увеличением партийных организаций за счет передовых рабочих их ряды пополнялись наиболее революционно сознательной частью крестьянства. До 25 октября в украинском селе было создано 46 крестьянских большевистских организаций и групп. В конце года, когда классовая борьба на селе обострилась, процесс образования крестьянских большевистских организаций усилился. Он шел настолько быстро и успешно, что за четыре месяца триумфального шествия советской власти (ноябрь-февраль) образовалось 82 новые крестьянские организации РСДРП(б), то есть почти в два раза больше, чем в предыдущие восемь месяцев (март-октябрь). Всего же в феврале 1918 г. в Украине существовало 126 крестьянских большевистских организаций.

Сведения о числе членов партии сохранились по 38 организациям и группам, в которые входило 2457 человек. Это позволяет ориентировочно определить, что крестьянские организации Украины в конце 1917 – начале 1918 г. объединяли свыше 8100 членов партии.

Достаточно интенсивным был рост влияния большевиков в солдатской среде. В конце 1917 – начале 1918 г., по неполным данным, возникли одна фронтовая и одна армейская, не менее 5 корпусных и 4 дивизионных, свыше 70 полковых и ротных организаций, а всего – более 86 военных организаций РСДРП(б). В начале 1918 г. на территории Украины насчитывалось в тыловых гарнизонах 28, на фронтах – 2 фронтовых, 4 армейских, 13 корпусных, 8 дивизионных, 158 полковых и ротных, всего – 215 военных организаций большевиков. Всего же в это время в городах, промышленных центрах, в селах и волостях, в запасных полках и гарнизонах, фронтовых частях и соединениях насчитывалось 547 организаций большевиков. В это число входила 201 организация, возникшая в конце 1917 – начале 1918 г. Общая численность членов большевистской партии на Украине составляла около 80 тыс. человек.

В 1917 г. численность партийных организаций Украины сильно возросла как за счет передовых рабочих, так и представителей других социальных слоев трудящихся. При этом, если в марте-октябре в общем количестве вступивших в партию крестьяне составляли 6,2 %, а служащие 23,9 %, то в ноябре-декабре – соответственно 9,3 и 26,3 %. В 1918 г. удельный вес этих категорий среди вступивших в партию еще более возрос (соответственно – до 12,8 % и 30,9 %). Эти данные – свидетельство укрепления связи большевистской партии со всеми социальными группами трудящихся⁴⁰².

Фактом остается, что большинство членов РСДРП(б) составляли неукраинцы по происхождению, они были жителями Украины, считали себя неотъемлемой частью украинского общества, а не иностранными агентами, проводниками чьей-то внешней политики (хотя никогда и не возражали против своего подчинения ЦК РСДРП(б)). Поэтому термин «якобы украинские силы» не столько приближает к выяснению истины, сколько отдаляет от нее, затушевывает

⁴⁰² Всероссийская перепись членов РКП 1922 года: Итоги переписи 1922 г. на Украине. Харьков, 1922. С. 10; *Варгатюк П. Л., Солдатенко В. Ф., Шморгул П. М.* В огне трех революций. С. 466–470.

действительность. Собственно, такую ошибку в свое время допускали и лидеры Украинской рады.

Последние действительно попали в трудную ситуацию. Противоречивость положения и вынужденность многих тогдашних поступков Центральной рады достаточно проникновенно и одновременно лапидарно описывает Д. Дорошенко. «Среди очень неопределенной внешней ситуации, – пишет он, – под угрозой московской агрессии и большевистских восстаний на собственной территории, среди всеобщей анархии, которая охватила весь край, парализовала всякую власть и делала невозможным порой даже сношения с перифериями, украинскому правительству пришлось организовывать государственный аппарат и налаживать новое управление обширной окраиной. Оно оказалось, собственно, перед лицом чрезвычайно сложной и тяжелой задачи: с одной стороны, правительство ставило себе цель осуществить на Украине социалистический строй, невольно равняясь при том на образец большевистского эксперимента, ибо большевики тут же на Украине и в самой столице вели неустанную и откровенную проповедь осуществления социализма так, как он уже осуществлялся в Московии, и кололи глаза украинцам, что их Ц. Рада – буржуазная и контрреволюционная; с другой стороны, нужно было установить хоть какой-нибудь порядок и хоть какой-нибудь покой вообще, чтобы иметь возможность провести организацию государственной жизни, потому что Украина фактически уже стала самостоятельным государством, хотя украинские политики и твердили о федерации и пытались создать некое “однородно-социалистическое” центральное правительство.

Эта необходимость – под давлением большевиков и собственных социалистических партий – одновременно осуществлять социальные реформы глубочайшего значения и в то же время организовывать государство и стараться поддерживать такой-сякой порядок в стране приводила к тому, что в своей законодательной и организационной деятельности Украинское правительство не могло занять какой-либо устойчивой линии, колебалось, часто противоречило само себе и, наконец, оказывалось против волн революционной стихии в беспомощном и безвыходном состоянии, теряло всякую почву под ногами»⁴⁰³.

Вокруг участия российских красногвардейских и солдатских отрядов в боях в Украине в декабре 1917 – январе 1918 г. вплоть до наших дней идет множество споров. Далеко не всегда они имеют беспристрастный научный характер, что заставляет еще раз обратиться к самым главным фактам.

Считая основной угрозой для советской власти в конце 1917 г. калединский мятеж на Дону, В. Ленин еще 5 декабря поручил командующему Петроградским военным округом В. Антонову-Овсенко подобрать по соглашению с главнокомандующим Н. Крыленко и наркомом военных дел М. Подвойским кандидата на пост командующего войсками, которые будут действовать против контрреволюции на юге страны, и согласился с предложением Антонова-Овсенко назначить его на этот пост ⁴⁰⁴.

Документы свидетельствуют, что В. Ленина и СНК в данном случае беспокоило прежде всего положение на калединском фронте. Что касается Центральной рады, то против нее до какого-то момента решительные шаги не предпринимались. Наоборот, Совнарком по инициативе председателя срочно, 6 и 7 декабря, рассмотрел на своих заседаниях предложение Украинского революционного штаба Петроградского краевого военного Совета о мирном урегулировании конфликта между Центральной радой и СНК⁴⁰⁵.

Показательно, что В. Ленин, обсудив 8 декабря с В. Антоновым-Овсенко планы борьбы с контрреволюцией на Юге России, собственноручно написал ему удостоверение, согласно которому тот уполномочивался «для общего руководства операциями против калединских войск

⁴⁰³ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923. Т. I. С. 247.

⁴⁰⁴ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. V. М., 1974. С. 110–111.

⁴⁰⁵ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. V. С. 115.

и их пособников»⁴⁰⁶. На следующий день председатель СНК предложил представителю большевиков Украины С. Бакинскому, находившемуся в Петрограде, немедленно выехать в Харьков, куда направлялся Антонов-Овсенко для содействия налаживанию деловых, товарищеских отношений между комиссаром по борьбе с контрреволюцией на Юге России и местными партийными и хозяйственными работниками⁴⁰⁷.

11 декабря в разговоре по прямому проводу с Н. Крыленко В. Ленин дал указание принять «все меры, вплоть до революционных, для энергичного движения войск и притом в большом количестве» в район Харькова для отпора калединым мятежникам⁴⁰⁸.

В то время у Антонова-Овсенко сложился общий план борьбы с контрреволюцией на Юге. Суть его заключалась в том, чтобы все силы, которые могли выступить против Каледина, учитывая также и революционизированные части с Юго-Западного и Румынского фронтов, а также воинские формирования с других фронтов и красногвардейские отряды из советской России, направить на Харьков, а оттуда двинуться на Ростов и Новочеркасск⁴⁰⁹.

В перспективе планировались военные действия и против Киева – политического центра Украины, но они откладывались на неопределенный срок, необходимый для предварительного накопления военных сил. Запугиваясь от непредвиденного поворота событий, Антонов-Овсенко договорился с Крыленко о том, чтобы никакого движения войск с фронта в восточном направлении, то есть на Киев, не осуществлялось без согласия командующего по борьбе с контрреволюцией на Юге⁴¹⁰.

Таким образом, о военных действиях против войск Центральной рады ни со стороны Совнаркома, ни тех сил, которые группировались вокруг местных большевиков, в декабре речи не было. Даже больше: Совнарком пытался проводить переговоры с Центральной радой. Определенные надежды связывались, в частности, с тем, что от Совнаркома их было поручено вести В. Карелину, И. Штейнбергу, П. Прошьяну – левым эсерам, входившим в правительство. Даже после I Всеукраинского съезда Советов, пообещав ВУЦИК полную поддержку и придерживаясь этой линии, Совет народных комиссаров в то же время продолжал курс на ликвидацию конфликта с Центральной радой. На заседании СНК 19 декабря были обсуждены доклады П. Прошьяна о его посещении Киева и предварительных переговорах с Радой, И. Сталина – о положении в Украине, В. Карелина – о переговорах с делегатами от Украины, В. Менжинского – о финансовых вопросах. В результате была принята подготовленная В. И. Лениным резолюция: «Выслушав доклад товарища Прошьяна, который в качестве делегата от крестьянского съезда имел беседу с Винниченко, Грушевским и Поршем и другими, как официальными представителями Рады,

– и приняв во внимание, что эти официальные представители Рады выразили принципиальную готовность начать переговоры о соглашении с Советом Народных Комиссаров на началах признания Советом Народных Комиссаров независимости народной Украинской республики и признания Радой контрреволюционности Каледина и его пособников;

– приняв далее во внимание, что Совет Народных Комиссаров всегда и безусловно признавал право каждой нации, в том числе и украинской, на независимое государственное существование;

– что всякая попытка устранить войну с Радой, если бы Рада признала контрреволюционность Каледина и не мешала войне против него, безусловно, желательна;

⁴⁰⁶ Там же. С. 118–119.

⁴⁰⁷ Там же. С. 122.

⁴⁰⁸ Ленинский сборник. XXXVII. М., 1977. С. 61–62.

⁴⁰⁹ См.: Антоненко-Овсенко В. А. Записки о гражданской войне: в 4 т. М; Пг., 1924. Т. I. С. 22, 25, 29–36, 50–52.

⁴¹⁰ См.: Антоненко-Овсенко В. А. Записки о гражданской войне... Т. I. С. 50.

– выражая свое убеждение в том, что только Советы украинской крестьянской бедноты, рабочих и солдат могут создать на Украине власть, при которой столкновения между братскими народами будут невозможны;

– Совет Народных Комиссаров, считая в то же время целесообразным начать деловые переговоры с Радой с целью устранения тех столкновений, которые вызваны были политикой Рады по отношению к общему фронту и контрреволюционному восстанию Каледина, постановляет:

предложить Раде переговоры о соглашении на указанных началах и наметить, как один из пунктов, где было бы, вероятно, удобнее всего вести переговоры, города Смоленск или Витебск»⁴¹¹.

Полный текст приведенного документа свидетельствует, что Совнарком более всего беспокоило то, как преодолеть враждебность со стороны Центральной рады, добиться от нее хотя бы небольшой благосклонности в борьбе СНК против Каледина.

Конечно, советское правительство России не могло не учитывать и того факта, что Центральная рада находилась в состоянии острейшего конфликта с Народным секретариатом, и поэтому поручило И. Сталину провести с Всеукраинским ЦИК соответствующие консультации, что и было сделано. Уже в ночь с 20 на 21 декабря народный комиссар по делам национальностей сделал доклад о переговорах⁴¹².

Между тем различные слои политически активного населения Украины все явственнее и тверже заявляли о своей готовности к крайним мерам в борьбе против Центральной рады. Достаточно ярко это подтвердили сообщения делегатов с фронтов на объединенном заседании ВЦИК, Петроградского Совета и общевойсковой съезда 19 декабря 1917 г.: «Три армии на Юго-Западном фронте заявили, что приказы Петлюры они не признают и подчиняются только Совету Народных Комиссаров и тов. Крыленко», а представитель 8-й армии Румынского фронта отметил: «Солдатские массы все больше проникаются сознанием контрреволюционного характера буржуазно-украинских стремлений»⁴¹³.

Такие настроения проявлялись все отчетливее. Анализируя их, «Правда» 28 декабря 1917 г. в специальной статье отмечала: «Несмотря на все старания, Центральной Раде не удается посеять раздор между украинскими и русскими рабочими. Среди солдат-украинцев вызревает недовольство Центральной Радой и Генеральным Секретариатом, контрреволюционная политика которых становится очевидной для трудящихся масс»⁴¹⁴.

Конечно, настроения масс выливались и в конкретные действия, реализовывались в интенсификацию процесса повсеместного установления власти Советов. В этом процессе участвовали и силы, которые ВУЦИК, Народный секретариат, Верховный главнокомандующий по борьбе с контрреволюцией на Юге России направляли в те или иные места. Масштабы такого участия определялись рядом факторов, в частности теми ограниченными возможностями, которые были у советского центра в Харькове. Это отряды Красных казаков, красногвардейцев, революционные рабочие, солдаты, матросы, прибывавшие с фронтов и из советской России. Всего со стороны советского правительства Украины зимой 1918 г. в боевых действиях принимали участие более 150 тыс. человек: около 120 тыс. красногвардейцев, 6–7 тыс. солдат, объединенных в первые революционные армии (несмотря на громкие названия, в действительности это были весьма немногочисленные военные соединения, которыми коман-

⁴¹¹ Ленин В. И. Резолюция Совета Народных Комиссаров о переговорах с Радой // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 182–183.

⁴¹² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

⁴¹³ Протоколы ВЦИК II созыва. М., 1918. С. 159–160, 166.

⁴¹⁴ Правда. 1917. 23 дек.

довали Р. Берзин и С. Кудинский), а также 32 тыс. революционных солдат из советской России (среди них, кстати, тоже было немало украинцев)⁴¹⁵

⁴¹⁵ *Гарчев П. І.* Червона гвардія України у Жовтневій революції. Харків, 1969. С. 67–68.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.